

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1914.

№ 15.

АВГУСТЪ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Поученіе о помощи семействамъ нашихъ воиновъ. **Архі-епископа Антонія** 285—290
- Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника, Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, 30 іюля 1914 года. **Прот. Д. Попова** 291—297
- Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. (Продолж.). **Пр. Н. Стеллецкаго** 298—324
- Вселенскій соборъ и римскій лапа. (Окончан.). **Б. Волобуева** 325—340
- Отношеніе христіанства къ политикѣ и общественнымъ учрежденіямъ. **Проф.-Прот. І. Галахова** 341—351
- Внушеніе, его социальное и педагогическое значеніе, и экспериментально-психологическіе методы изслѣдованія внушаемости дѣтей. **Теодора Владимірскаго** 355—383
- Вѣра и знаніе. (Продолж.). **Свящ. Н. Липскаго** 384—390

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Инструкція Приходскимъ Попечительнымъ Совѣтамъ, Епархіальному Братству Озерянскія иконы Божіей Матери и его Уѣзднымъ Отдѣленіямъ по дѣлу организаціи помощи жертвамъ войны.—Отъ Харьковской Духовной Консенсторіи.—Отъ Правленія Кулянскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Редакціи журн. „Вѣра и Разумъ“.—II. Молебень въ Зимнемъ дворцѣ о испосланіи русскому оружію побѣды.—Вѣщій мигъ. *Протоіеря І. Восторова*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 397—428).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.

1914.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-настырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разрочка въ уплату не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1913 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть пріобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. ЦѣНА за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

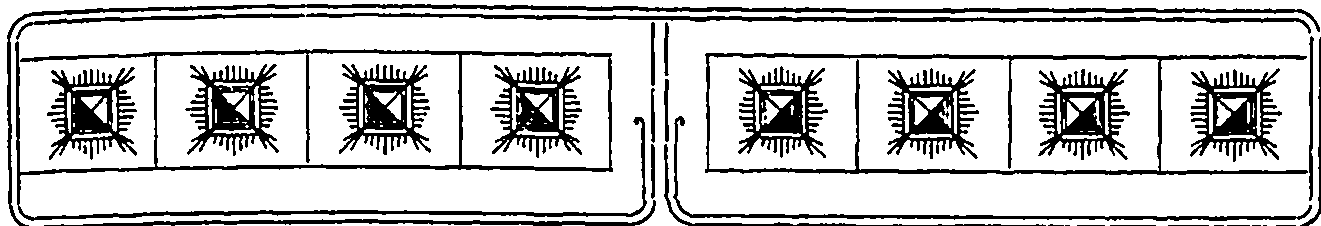
Πίσται νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Августа 1914 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Толкинъ.

П О У Ч Е Н І Е

О ПОМОЩИ СЕМЕЙСТВАМЪ НАШИХЪ ВОИНОВЪ.

Возлюбленная братія святаго храма сего! Такъ называетесь вы, слушатели, въ молитвахъ, которыя возносить о васъ Богу Святая Церковь. Мы братья между собою, потому-что у насъ одинъ общій небесный Отець и общій Учитель Христосъ, „вы же братія есте“, какъ сказалъ нашъ Спаситель. А пророкъ Давидъ восклицаетъ: „Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“. „Вкупѣ“, значитъ: вмѣстѣ, дружно, безъ раздѣленія и ссоръ.

И мы, возлюбленные, жили вкупѣ и вмѣстѣ собирались на духовную трапезу въ Божій храмъ, какъ въ дружномъ домѣ собираются ежедневно братья на обѣдъ и ужинъ. А вотъ съ этого лѣта порѣдѣли ряды богомольцевъ, не видимъ мы многихъ лицъ, къ которымъ привыкли, въ Божіемъ храмѣ; не видятъ ихъ и на своей домашней трапезѣ ихъ жены, дѣти, ихъ братья, сестры и родители.—Знаете сами, о комъ я говорю: о нашихъ христолюбивыхъ воинахъ, а особенно о запасныхъ, которые пошли на славное и святое дѣло защиты родины своей отъ нападающаго врага и для освобожденія православныхъ сербовъ и галичанъ-малороссовъ отъ ига иновѣрныхъ.

„Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“, т. е. вмѣстѣ. Это слово св. Писанія,

братіе, не то обозначаетъ, чтобы братья сидѣли всегда вмѣстѣ и не разлучались. Вѣдь и при совмѣстной жизни бываютъ ссоры, драки и зависть, прогнѣвляющія Бога. Нѣтъ, Писаніе восхваляетъ то „купножитіе“, когда братія бываетъ единоподушна, когда всѣ другъ за друга стоятъ, другъ другу помогаютъ, другъ друга жалѣютъ, одинъ другому не завидуетъ, не мститъ, не желаетъ зла.

Такъ было во времена Апостоловъ Христовыхъ. Слушайте, что сказано въ книгѣ Дѣяній о жизни древнихъ христіанъ: „У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее (4, 32). Не было между ними никого нуждающагося и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (34, 35). Вотъ, слушатели, о какой жизни сказано: „се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“.—Нѣтъ съ нами въ церкви нашей нашихъ возлюбленныхъ подвижниковъ—воиновъ, нѣтъ ихъ теперь подъ кровлей домовъ своихъ, но если мы такъ ихъ любимъ и такъ заботимся о нихъ, какъ древніе христіане другъ о другѣ заботились, то мы пребываемъ духомъ „вкупѣ“ съ ними и получаемъ похвалу отъ пророка Давида.

Горе намъ, если у насъ будетъ не такъ, если мы забудемъ ихъ и охладѣемъ къ нимъ! Вѣдь не за себя, не за своимъ интересомъ пошли они подъ штыки и пули, и бомбы, а за насъ, за нашу землю, за нашу Святую Русь, за православную вѣру. Мы спокойно живемъ въ домахъ своихъ, а они за насъ подвизаются; мы за ихъ спинами не боимся нападенія вражескаго,—а ихъ семейства остались безъ работниковъ, безъ кормильцевъ. Болитъ о нихъ женское сердце ихъ хозяекъ; съ тревогой взираютъ онѣ на своихъ

дѣтокъ, скучающихъ безъ отца, опускаются труженническія руки, когда душа смущается помысломъ: живъ-ли то мой дорогой мужъ? не осиротѣли-ли мои милыя дѣтки?

А что, если такихъ дѣтокъ семеро? что, если хлѣбъ стоитъ не вымолочень, за скотиной досмотрѣть некому? обѣдъ сварить—все изъ рукъ валится, дитя вынянчить некогда, а то и больной ребенокъ въ жару мечется и голова кругомъ идетъ?

Вотъ, братіе, если въ какомъ селѣ находятся такія заброшенныя, горемъ убитыя солдатскія семейства: то уже грѣхъ и стыдъ всему сему. Значить, не живетъ эта братія „вкупѣ“ и недостойна именовать Бога своимъ Отцемъ, ибо каждый отецъ спроситъ сына своего, какъ онъ обходится со своимъ меньшимъ братомъ, и если узнаетъ, что братъ пренебрегаетъ братомъ, то отвергнетъ его Отецъ нашъ небесный и Судія. Онъ скажетъ такимъ на Своемъ послѣднемъ судѣ: *„Идите отъ Мене проклятіи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его: взалкался бо, и не дасте Ми ясти, возжадался, и не напоисте Мене, страненъ бѣхъ, и не введосте Мене, нагъ, и не одѣясте Мене; боленъ и въ темницѣ, и не постыстете Мене... Аминь глаголю вамъ, понеже не сотвористе единому братіи Моихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе“* (Матѣ. XXV, 41—45).

Возлюбленные братіе, чада мои духовныя! да не падетъ на насъ тотъ страшный глаголь Христовъ! Если такое тяжкое осужденіе примутъ всѣ пренебрегающіе бѣдняками и страдальцами: то еще тягчайшее осужденіе приняли бы тѣ изъ насъ, кто бы пренебрегъ страданіями и нуждою женъ и дѣтей нашихъ самоотверженныхъ защитниковъ, обѣщавшихъ предъ крестомъ и евангеліемъ стоять до смерти за вѣру,

Царя и отечество. Они душу свою полагаютъ за насъ: мы ли отворотимся отъ ихъ нуждающихся или скорбящихъ семействъ? Нѣтъ, братіе: не бывать такому грѣху!

Конечно, и сами вы жалѣете ихъ, и рады имъ пособить и ихъ выручить. Посовѣтуемся же, какъ это устроить, разумно и благовременно. Иной, лучше скажу, всякій, радъ помочь солдатской семьѣ, да не знаетъ, въ чемъ она нуждается, приносить онъ свою лепту, а имъ и послать некого купить крупы или соли. Зато иная солдатка, бойкая на языкъ, себѣ всего напроситъ у сосѣдей, другая-же, совѣстливая, сидитъ больная съ голодными дѣтьми, и никто не догадается придти пособить ей.

Какъ же помочь такому горю? Нужно, братіе, чтобы весь міръ принялся за это святое дѣло и чтобы около церкви Божіей было извѣстно, какая семья въ чемъ нуждается. Иная, получивши царское пособіе отъ мѣстнаго начальства, и сыта, и при дѣлѣ, и ей всего довольно: а иной не хватитъ пособія по множеству дѣтей и стариковъ. Въ иной семьѣ хлѣбъ есть, а нужна рабочая помощь: дитя покачать, за больнымъ походить, скотину убрать, пищу сварить за больную хозяйку, а то съ поля убрать некому овощей и хлѣба вымолотить. Пусть міръ досмотритъ каждую семью чрезъ своихъ довѣренныхъ, и они скажутъ священнику и выборнымъ о всякой семьѣ, кому чего надо. Туда же будутъ собирать, къ выборнымъ и священнику, мірскую лепту, и тамъ будутъ рѣшать, кому чего купить, и затѣмъ дадутъ отчетъ о дѣлахъ своихъ всему приходскому обществу. Тѣ выборные со священникомъ будутъ называться *приходскимъ комитетомъ*, и этотъ комитетъ будетъ распредѣлять христіанцевъ, желающихъ послужить солдатскому семейству, чѣмъ именно послужить, въ чемъ раздѣлить

ихъ работу, какое взять на себя святое послушаніе. Вотъ такъ и у насъ грѣшныхъ тогда повторится, хоть въ малой степени, то, что сказано о первыхъ христіанахъ: „У множества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, и не было между ними никого нуждающагося, но каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“.

Узнаютъ о такой заботѣ къ своимъ семьямъ наши христолюбивые воины, и поднимется въ нихъ духъ, исполнившись великимъ мужествомъ. Сердце ихъ затрепещетъ благодарнымъ чувствомъ къ вамъ, любезные слушатели. И скажутъ наши солдатики: „Не страшно умирать за родину, когда Богъ послалъ моей семьѣ такую благодать, что цѣлый міръ нынѣ сталъ для нея вмѣсто отца. Теперь безстрашно пойду на врага: если и убьютъ меня за св. вѣру, то дѣти мои не останутся сиротами: всѣ наши прихожане имъ и отецъ, и мать, и братъ, и сестра. Теперь берегись нѣмецъ, и австріецъ, и турокъ!“

Такъ, возлюбленные: сражаться будутъ только солдаты, но руки ихъ укрѣплятся вашею любовью, вашимъ попеченіемъ объ ихъ семействахъ: будете помогать женамъ и дѣтямъ, а помощь ваша отзовется на всемъ нашемъ войскѣ и въ его мужественныхъ побѣдахъ. Почуете вы и свою лепту, и свою ласку къ его дѣтямъ, чрезъ которыхъ укрѣпилась храбрость нашихъ воиновъ. И тогда всѣ, русскіе люди, которые поддерживали семейства воиновъ, могутъ сказать: „и мы участвовали своими трудами и своими жертвами въ славной войнѣ русскихъ за свое отечество и за святое православіе“.

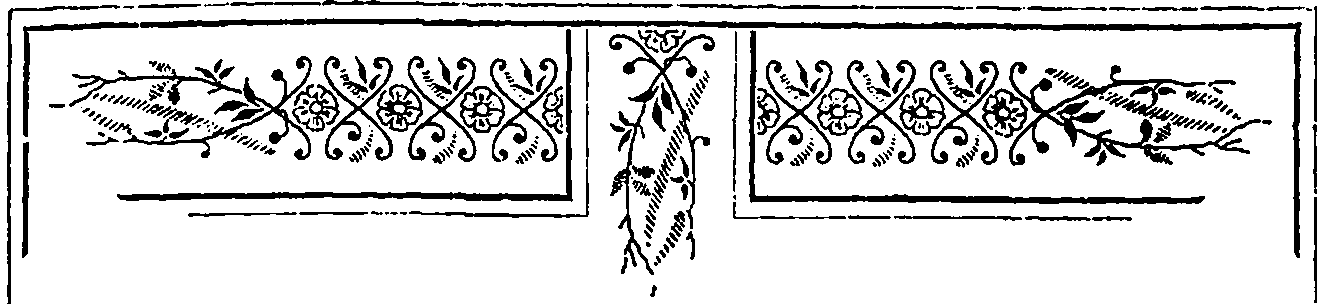
Да будетъ такъ, братіе! Не скупитесь же на жертвы, не лѣнитесь на помощь ближнимъ. Богъ наградитъ за это, и наградитъ васъ ваше собственное сердце.

Творить дѣло любви Христовой, братіе, это сладкая заповѣдь. Сначала будто и жалъ своей копейки, своихъ даровыхъ трудовъ для сосѣда, а какъ поборешь свою скупость, свою лѣность, и увидишь благодарныя слезы нуждающихся, такъ радостно станетъ у тебя на сердцѣ: самъ ты добрѣ сдѣлаешься, и благодатная сила Божія потянетъ тебя на большіе труды и большія жертвы. Тогда поймешь, что значать слова псаломскія: „Благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ, паче тысящъ злата и серебра. Коль возлюбихъ законъ Твой, Господи, весь день поученіе мое есть. Коль сладка горани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ! Сего ради возлюбихъ заповѣди Твоя паче злата и топазія“ (Псал. 118).

Такую радость доставляетъ человѣческому сердцу доброе дѣло, совершенное имъ для нуждающагося брата. А если такія святыя дѣла братской помощи исполняются всѣмъ міромъ въ разумномъ порядкѣ, въ любовномъ согласіи: то самъ Господь приходитъ невидимо среди людей, согласившихся трудиться во имя Его и жертвовать для тѣхъ, кто жертвуетъ своею жизнью для Его святой славы. Сіе обѣщаль намъ Спаситель Своими неложными устами: „Истинно также говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго“ (Матѣ. 18, 19).

Итакъ, братіе, любовь и взаимное согласіе, совѣтъ и молитва да помогутъ намъ устроить такъ, чтобы утереть въ нашемъ приходѣ всякую слезу солдатской семьи, чтобы не было ни одной изъ нихъ нуждающейся въ насущномъ хлѣбѣ, чтобы и Господь невидимо пребывалъ среди насъ, и поборолъ враговъ Россіи. Аминь.

Архіепископъ Антоній.

СЛОВО

**въ день рожденія Его Императорскаго Высочества,
Наслѣдника, Цесаревича и Великаго Князя Алексія
Николаевича, 30 іюля 1914 года.**

*Аще кто служитъ, яко отъ крѣ-
пости, юже подаетъ Богъ: да о всемъ сла-
вится Богъ Исусъ Христомъ (I Петр.
IV, 11).*

Въ дни и моменты, кои мы, бл. сл., переживаемъ, наша мысль и восторженные, безпредѣльно-преданныя чувства естественно и непреклонно устремлены къ возлюбленному нами Верховному Вождю нашей Родины, Государю Императору, и Его Наслѣднику, Благовѣрному Государю, Цесаревичу и Великому Князю Алексію Николаевичу, годовщину рожденія Котораго мы, бл. сл., собрались въ этотъ храмъ праздновать и молитвенно призвать Божіе благословеніе на крѣпость и наискорѣйшее развитіе силъ духовныхъ и тѣлесныхъ Наслѣдника Россійскаго Престола.

Жребій намъ отъ Господа данъ знаменательный и ни съ чѣмъ несравнимый. Много десятковъ лѣтъ, если даже не столѣтій, накоплялось и зрѣло великое и неизбежное столкновеніе между двумя столь разнородными націями—нѣмецкой и славянской, между двумя во многомъ противоположными исповѣданіями христіанства—Апостольскимъ православіемъ и латинскимъ католицизмомъ съ его позднѣйшими отвѣтвленіями—лютеранства, реформатства и др. Усвоивъ взглядъ и понятіе о себѣ, какъ о націи исключительной,

особо и высоко-культурной, призванной къ господству и преобладанію надъ всѣмъ міромъ, тевтоны давно стали смотрѣть на покладистыхъ славянъ, какъ на удобрительную почву, предназначенную судьбою для пышнаго возростанія и развитія на ней культуры и націи только нѣмецкой. Отсюда—безцеремонное и высококомѣрное обращеніе нѣмецкихъ государствъ Европы съ Балканскими славянскими народами; отсюда—презрительное и лукавое отношеніе ихъ къ Россіи, наводненіе ея своими колонистами, капиталами и служащими во всѣхъ отрасляхъ нашего государственнаго организма, ея использование и даже поработеніе нѣмцами почти на каждомъ шагу ея экономической жизни и стремленіе расшатать народные и государственные устои ея чрезъ насажденіе штунды, баптизма и пр.

Извѣстно также, съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ на наше Апостольское православіе лютеране, католики и особенно іезуиты; какъ у всѣхъ ихъ, особенно у послѣднихъ, нѣтъ намъ—православнымъ иного наименованія, какъ схизматиковъ, и какъ они поставляютъ своею культурно и религіозно-историческою задачею обращать насъ—„схизматиковъ“, „для вящей славы Божіей“, въ католицизмъ и приводитъ къ покорности римскому папскому престолу. Послѣднія газетныя извѣстія раскрываютъ намъ вѣковѣчные замыслы іезуитовъ касательно поработенія юго-западной Руси сперва скипетру Габсбурговъ, а чрезъ него и папскому престолу. Исполнителемъ этихъ замысловъ были этими „почтенными“ и искусившимися въ приемахъ, достойныхъ ихъ имени, „отцами“ избранъ не кто иной, какъ погибшій недавно столь трагически наслѣдникъ Вѣнскаго императорскаго престола. Исторія покажетъ, не было ли іезуитами задумано и осуществлено и самое убійство этого заклятаго и фанатичнаго врага всего славянства и православія, съ коварною цѣлью обрушиться за это преступленіе на несчастную Сербію. Но то уже стало извѣстнымъ и несомнѣннымъ, что Вѣнское правительство въ недавнихъ притѣсненіяхъ нашихъ кровныхъ по вѣрѣ и рожденію братьевъ—галичанъ намѣренно старалось попрасть всѣ Божескіе и человѣческіе права и законы, чтобы вызвать вмѣшательство Россіи: что оно же воспользовалось Сараевскою драмою для предъявленія другимъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ—сербамъ требованій унижительныхъ и не-

исполнимыхъ, направленныхъ къ разгрому и порабощенію ихъ. И когда Россія, столь много уступавшая, столь долго и такъ обидно терпѣвшая во всѣхъ „славянскихъ“ вопросахъ, выступила наконецъ на защиту несчастныхъ сербовъ, то другая—большая и сильнѣйшая половина нѣмецкой націи сочла для себя оскорбленіемъ заявленіе о своихъ правахъ со стороны славянства и бросила Россіи дерзкій и безпримѣрный по коварству въ исторіи цивилизованныхъ народовъ вызовъ. Все болѣе выясняется, какъ нѣмецкая нація долго и упорно готовилась къ борьбѣ съ нами—славянами не на животъ, а на смерть; какъ насъ сосѣди—нѣмцы усыпляли завѣреніями въ своемъ миролюбіи; какъ у нихъ задолго все рассчитано, все подготовлено для мѣткого, рѣшительнаго и смертельнаго удара по отношенію къ Россіи, и какъ заранѣе и точно усчитаны и даже распредѣлены всѣ у насъ завоеванія.

Не мѣсто и не время, бл. сл., съ этого святого мѣста вдаваться въ дальнѣйшія политическія гаданія и изысканія въ столь грозный и рѣшительный историческій моментъ нашей государственной жизни. Но для нашего назиданія и патріотическаго воодушевленія потребно отвѣтить на тотъ страшный и тревожный вопросъ, которымъ задаются сей часъ всѣ горячо любящіе Родину русскіе люди: неужели мы такъ слабы любовію къ ней—этой дорогой нашей Отчизнѣ, такъ разъединены внутренними смутами и партійностію, какъ это представляють и усчитываютъ въ свою пользу наши враги—нѣмцы? Неужели одну половину своихъ воображаемыхъ успѣховъ въ смертной схваткѣ съ нами они относятъ на счетъ своей желѣзной дисциплины въ войскахъ, своихъ пушекъ, воздушныхъ кораблей и пр., а другую—гораздо большую и главную—на счетъ такъ-называемаго украинскаго (мазепинскаго) движенія, насчетъ сочувствія имъ поляковъ, евреевъ, штундистовъ и многихъ другихъ, какъ явныхъ, такъ особенно тайныхъ, нашихъ внутреннихъ и домашнихъ враговъ и измѣнниковъ Родины? Вѣдь, то несомнѣнно, что мазепинство существуетъ—и существуетъ не въ одномъ лишь воображеніи журналистовъ и „черносотенцевъ“, какъ нѣкоторые стараются увѣрить наше правительство, а является движеніемъ реальнымъ и опаснымъ, созданнымъ на нѣмецкія (главнымъ образомъ—австрійскія) деньги;

что до послѣдней минуты были и есть у насъ и социаль-демократы, и такъ-называемые кадеты, и многіе другіе противники Родины, ея чести и самаго существованія. Вѣдь, то—наконецъ—несомнѣнно, что нѣмецкія деньги и происки много успѣли въ насажденіи у насъ зловерной и опасной штунды, оторвавъ многихъ нашихъ братьевъ отъ народныхъ святынь и подѣлавъ ихъ полу-нѣмцами, когда они не стѣсняются теперь замѣнять въ своихъ домахъ портреты Русскаго Царя портретами императора Нѣмецкаго и мечтаютъ о нашествіи на насъ нѣмцевъ, какъ о вождедѣльномъ раѣземномъ. Грозный поэтому возникаетъ вопросъ: какъ всѣ эти заблудившіеся сыны нашей Родины поведутъ себя въ наступившіе для нея моменты—и поведутъ „не за страхъ, а за совѣсть“? Окажутся ли напр. наши доморощенные—правда не такъ ужъ многочисленны—„украинцы“ солидарными съ зарубежными мазепинцами, заявившими во Львовѣ и во всей Галиціи, что наступило-де время, когда поддержкою Вѣнской короны Украина можетъ теперь, или никогда, добиться національной и политической самобытности? Окажутся ли лойяльными поляки, или они пойдутъ по проторенной и исторически-установившейся у нихъ дорожкѣ измѣны Россіи, какъ это было во всѣ важнѣйшіе моменты ея жизни, начиная отъ времени Наполеона и кончая послѣднею Русско-Японскою войною?

Тяжело русскому сердцу во всемъ этомъ сознаться, по все это было, и потому естественно тревожиться опасеніемъ: не повторится ли все это и теперь? Сильна Россія своею мощностію; непоколебима она любовью къ себѣ своихъ безчисленныхъ вѣрныхъ сыновъ; справлялась и справится со всякимъ нашествіемъ какихъ-угодно враговъ, со всякою измѣною и внутренними неурядками. Но когда приходится переживать моменты наибольшей для нея опасности; когда рамки этой опасности могутъ раздвинуться на необозримыя пространства и охватить ее внѣшнимъ натискомъ съ сѣвера и запада, съ юга и востока, тогда страстно желалось бы видѣть всѣхъ сыновъ нашей дорогой Отчизны ставшими на ея защиту, а отсюда и на защиту всего славянства, какъ одинъ человѣкъ; хотѣлось бы особенно усовѣститъ тѣхъ среди насъ, кои мечтаютъ о какой-то еще фантастической самостоятельности Украины, или о болѣе счастливомъ житьѣ

подъ скипетромъ нѣмецкихъ царей, забывая грозныя, столь часто нынѣ сбывающіяся, слова Спасителя, по которымъ „царство, раздѣлившееся на себя, не устоитъ“; хотѣлось бы кое-что напомнить тѣмъ изъ насъ, кои изъ-за воображаемыхъ правъ и національнаго „достоинства“ Малороссіи, пользующейся въ дѣйствительности всею полнотою этихъ правъ,—терзаютъ нашу общую и великую мать—Родину, не разъ спасавшую свою любимую дочь—Малороссію отъ поглощенія Турціею, Польшею и др., и кои—наконецъ—потерявъ, что имѣютъ, горько будутъ оплакивать потерянное, если бы Господь это попустилъ, въ пасти ненасытнаго тевтонскаго чрева и всепоглощающаго панскаго іезуитизма.

О, какъ нужно намъ, бл. сл., въ это грозное время забыть всѣ внутренніе счеты и раздоры, проникнуться сознаниемъ, что большаго богатства, лучшей свободы и славы для честныхъ тружениковъ нѣтъ на свѣтѣ, какъ у насъ на Родинѣ! Какъ дорога она становится для тѣхъ, кто, въ поискахъ за вздутою всяческими писаніями и розказнями свободою и обогащеніемъ, устремляясь въ Западную Европу и Америку, превращаются тамъ большею частію въ подъяремныхъ животныхъ, мрутъ отъ непосильнаго труда, болѣзней и неслыханнаго угнетенія и мечтаютъ о покинутой матушкѣ—Россіи, какъ о потерянномъ и поздно оцѣненномъ раѣ! Какъ трогательно призывалъ всѣхъ насъ—своихъ сыновъ къ единенію нашъ Верховный Вождь, Государь Императоръ, въ своемъ, глубоко-знаменательномъ манифестѣ по поводу объявленія намъ войны Германіей: *„Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри, да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, подымавшаяся, какъ одинъ человекъ, дерзкій натискъ врага“*. Отнынѣ стали историческими и другія слова Государя Императора, какъ и слова Августѣйшаго Его Предка, Императора Александра Влагословеннаго, произнесенныя нашимъ Государемъ въ такую же грозно-торжественную минуту предъ отечественною войною,—послѣ богослуженія 20 іюля с. г. въ Зимнемъ дворцѣ: *„Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей“*.

Объединимся же, бл. сл., объединимся всѣ мы, любящіе Родину, вокругъ своего Верховнаго Вождя, Государя Импе-

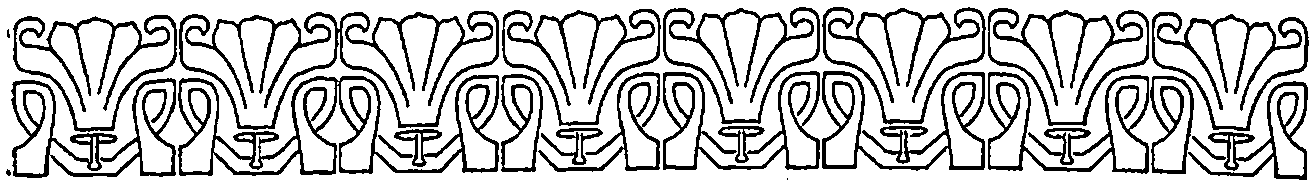
ратора и станемъ грудью за честь и цѣлость какъ своей Родины, такъ и всего славянства! „*Съ спокойствіемъ и достоинствомъ*,—говоритъ нашъ возлюбленный Царь,—*встрѣтила наша Великая матушка Русь извѣстіе объ объявленіи намъ войны. Я убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца*“ (рѣчь въ Зимн. дв.). Вотъ къ какому настроенію и исполненію каждымъ своего долга, кто бы онъ ни былъ и въ какое положеніе онъ ни поставленъ, призываетъ насъ Государь Императоръ! Но къ этому же долгу—и гражданскому и христіанскому—призываетъ насъ и Ап. Петръ слѣдующими словами: „*Служитъ ли кто, служи по силѣ* (т. е. тѣми дарованіями—духовными и тѣлесными), *какую подаютъ Богъ, дабы во всемъ прославился Богъ чрезъ Иисуса Христа*“ (I посл. IV, 11), указывая этимъ какъ на исполненіе нами обязанностей земныхъ, гражданскихъ, такъ и на конечную цѣль нашей жизни и дѣятельности—истинную вѣру, насъ спасающую, и прославленіе Бога чрезъ Иисуса Христа.

Объявленіе войны намъ Германіей и изданіе манифеста Государемъ Императоромъ явились въ знаменательные дни памяти великихъ святыхъ нашей православной Церкви и заступниковъ земли Русской. Война объявлена намъ въ день памяти великаго молитвенника за насъ и за Царствующіи Домъ, преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца, котораго такъ чтитъ Царская Семья; а манифестъ изданъ 20 іюля, въ день памяти св. пророка Іліи, пламеннаго поборника славы Божіей и грознаго отмстителя нечестія во Израили. Нынѣ же, въ день благословеннаго рожденія Надежды нашей и Государевой, Наслѣдника, Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, прав. Церковь совершаетъ память и еще одного великаго заступника за всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ, св. Великомученика Іоанна Воина. Эти какъ бы случайныя совпаденія да будутъ намъ добрымъ знаменемъ, посылаемымъ намъ отъ Господа въ наше утѣшеніе и вразумленіе! Благовѣрный и Благочестивѣйшій нашъ Императоръ, въ сознаніи важности момента, закончилъ Свой манифестъ слѣдующими молитвенными словами: „*Съ глубокою вѣрою въ правоту нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на всемогущій Промыслъ мы молитвенно призываемъ на святую Русь и доблестныя войска наши Божіе благослове-*

нїе". А наша, бл. сл., ежедневная молитва теперь должна быть слѣдующая, влагаемая въ наши уста нашею матерію, св. правосл. Церковію: „*Не на лукъ нашъ уповаемъ, ни оружіе наше спасетъ насъ, Господи, но Твоея всемогущія помощи просимъ, и на Твою силу дерзающе, на враги наша ополчаемся, и имя Твое вѣрно призываемъ*“ (послѣд. молебн. пѣнія въ нашеств. супостагъ). Аминь.

Прот. Д. Поповъ.

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

XXXV.

Общественная молитва или общественное Богослуженіе.

Его важность и значеніе. Таинства. Евхаристія. Почитаніе храма и святынь его.

Служить и поклоняться Богу мы должны не только въ уединеніи или частнымъ образомъ въ „клѣти (τὰ κελύβια, якладовой) своей“, по выраженію Спасителя (Мѡ. 6, 6), но и въ общественныхъ собраніяхъ вѣрующихъ, въ особо освященныхъ мѣстахъ, называемыхъ храмами, въ узаконенное время и при участіи въ совершеніи священнодѣйствій лицъ, особенно приготовленныхъ къ служенію Богу и обладающихъ нужными для того дарованіями. Между тѣмъ нѣкоторые, стараясь увѣрить себя и другихъ, будто бы участіе въ общей молитвѣ не составляетъ для нихъ обязанности, между прочимъ говорятъ, что самъ „Христосъ прямо *запретилъ* молиться въ храмахъ, а велѣлъ молиться каждому въ уединеніи ¹⁾.

Возраженіе это—явно тенденціозное и, потому, слишкомъ не серьезно. Возражатели забываютъ, что Господь,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 13 за 1914 г.

¹⁾ Л. Толстой. „Воскресеніе“, гл. XL, стр. 153. Берлинъ, 1900 г. Ср. Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановленіе Синода отъ 20—22 февраля 1901 г. и на полученныя имъ по этому поводу письма. 2-е приложение къ 13 № „Свободной мысли“. Изд. Р. Virukoff. Onex près Geneve, p. 15.

учившіи уединенной молитвѣ, не только не отвергалъ этимъ достоинства общественной молитвы, совершаемой „предъ алтаремъ (Мѡ. 5, 23—24), но, напротивъ, своимъ собственнымъ примѣромъ показалъ всю важность и потребность этой молитвы: Онъ молился въ назиданіе намъ не только въ уединеніи, но предъ народомъ (Іоан. 11, 41), и среди учениковъ своихъ (Іоан. 17, 1) и въ храмѣ (Іоан. 12, 27). Онъ указалъ на особенную успѣшность и благоугодность общественной молитвы (Мѡ. 18, 19—20). Общественное Богослуженіе не можетъ нарушить заповѣди Спасителя о тайной молитвѣ уже по тому одному, что и въ Церкви можно молиться „втайнѣ“.

„Если, стоя въ Церкви,—разсуждаетъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ богослововъ,—ты совершаешь дѣйствія благоговѣнія, общія всѣмъ присутствующимъ, но стараешься удерживать или дѣлать непримѣтными *особенныя* въ тебѣ движенія возбужденнаго благочестія, воздыханія или вопли, готовыя исторгнуться, слезы, готовыя пролиться: въ семъ расположеніи ты и среди многочисленнаго собранія сокровенно предстоишь Отцу твоему, иже втайнѣ“¹⁾. Напротивъ, и въ „комнатѣ“ можно молиться съ честолюбивою цѣлью.

„Если и въ клѣтѣ войдешь“,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—„и затворишь за собою двери, то коль скоро сдѣлаешь сіе по тщеславію, затворенныя двери не принесутъ тебѣ никакой пользы. Спаситель желаетъ, чтобы ты заключилъ *двери сердца твоего*“²⁾. Такимъ образомъ подъ „комнатой“ въ разсматриваемой заповѣди Господа нужно разумѣть сердце человѣка, по аналогіи съ словами Его въ Апокалипсисѣ: „се стою у двери (не комнаты, конечно, а сердца человѣка) и стучу.. (Откр. 3, 20). Ни откуда не видно, чтобы общественная молитва была дѣйствительно запрещена І. Христомъ. Молитесь,—говорилъ Онъ въ Геѡсиманіи апостоламъ—„чтобы не впасть въ искушеніе“ (Лук. 22, 40). Не сказалъ Господь: разойдитесь по всѣмъ угламъ и закоулкамъ геѡсиманскаго сада, и тамъ каждый изъ васъ пусть молится, какъ ему угодно. Нѣтъ, смыслъ Христовыхъ словъ ясенъ: молитесь вмѣстѣ всѣ, сколько васъ есть, т. е. увѣщаетъ Онъ апостоловъ не къ частной, но къ общественной молитвѣ. Препод-

¹⁾ Слова митр. Моск. Филарета. Т. I, стр. 196.

²⁾ Творенія, т. VII, стр. 219. Спб. 1901 г. Ср. преп. Іоанна Касіана. Migne Patr. curs. compl. t. XLIX. Coll. IX, cap. XXXV.

давая имъ образецъ молитвы „Отче нашъ“, Господь предполагаетъ не иное, какъ именно *общественное* моленіе, равно и ученики просили Его: „научи насъ молиться“. Онъ сказалъ имъ: когда молитесь, говорите: Отче нашъ, сущій на небесахъ“ (Лук. 11, 1—2). Справедливо пишетъ по этому поводу *св. Кипріанъ Карфагенскій*: „Учитель мира и Наставникъ единства не хотѣлъ того, чтобы молитва совершалась въ одиночествѣ и частно такъ, чтобы каждый, когда молится, молился бы только за себя! Ибо мы не говоримъ: „Отче мой, Иже еси на небесѣхъ“ и не говоримъ: „хлѣбъ мой даждь ми днесь“; каждый изъ насъ не проситъ объ оставленіи только своего долга, не молится объ одномъ себѣ, чтобы не быть введеннымъ въ искушеніе и избавиться отъ лукаваго. У насъ *всенародная и общая* молитва, и когда мы молимся, то молимся не за одного, но за весь народъ, потому-что мы, весь народъ, составляемъ одно“ (*Cypr. De orat. Dom. s. 141*).

Если и земныя цѣли людей успѣшнѣе достигаются соединенными силами общества, то противно было бы разуму, если бы достиженіе цѣлей высшихъ духовныхъ было предоставлено только частной дѣятельности каждаго. Эти цѣли успѣшнѣе всего достигаются при *общественномъ Богослуженіи*; потому что общественная молитва имѣетъ великую силу, по обѣщанію Самого Господа быть тамъ особенно, „гдѣ двое или трое собраны во имя Его“ (а собираться во имя Его—то же, что собираться для молитвы) и исполнять всякое прошеніе, о которомъ совѣщаются двое на землѣ (Мѡ. 18, 19—20). „Истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ“ (Іоан. 16, 23). Рѣчь идетъ, очевидно, объ *общественной* молитвѣ, ибо обращена къ апостоламъ, собраннымъ на тайной вечери. Молитва одного сильна настолько, насколько силенъ онъ одинъ, и то, если онъ не отчуждается отъ общей молитвы; а если нарочито отчуждается отъ нея, то его одиночная молитва совсѣмъ ничтожна. Въ молитвѣ же общей молитва каждаго столько сильна, сколько сильны вмѣстѣ всѣ молящіеся. Исторія представляетъ поразительные опыты силы общей молитвы во всѣ времена. Цѣлая Церковь всегда испрашивала помощь у Господа, прогоняла язвы, поражала враговъ, низводила дождь, или заключала небо, когда предстояла Богу съ епископомъ всѣмъ клиромъ и народомъ. Посему Апостоль и

обязываетъ не оставлять собранія, не чуждаться его (Евр. 10, 25), изъ опасенія лишиться помощи, которую подаетъ взаимное подкрѣпленіе ¹⁾. „Молитесь, конечно можно и дома,—пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ,—но молитесь такъ, какъ въ Церкви, гдѣ такое множество отцевъ, гдѣ единодушно возсылается пѣснь къ Богу, дома невозможно. Ты не будешь такъ скоро услышанъ, молясь Владыкѣ у себя, какъ молясь со своими братьями. Здѣсь есть нѣчто большее, какъ то: единодушіе и согласіе, союзъ любви и молитвы священниковъ. Для того то и предстоятъ священники, чтобы молитвы народа, какъ слабѣйшія, соединяясь съ ихъ молитвами сильнѣйшими, вмѣстѣ съ ними восходили на небо“. У молитвы народной „больше силы и гораздо больше дерзновенія, нежели у молитвы, совершаемой дома и наединѣ“ (2 Кор. 1, 10—11) ²⁾. „Не вижу“,—говоритъ св. *Василій Великій*,—„чтобы какое естественное или свободное дѣйствіе совершалось безъ единодушія тѣхъ, которые принадлежатъ къ тому же роду: потому что и самая молитва, когда нѣтъ согласія въ молящихся, бываетъ гораздо безсильнѣе самой себя ³⁾).

Если человекъ пренебрегаетъ общественнымъ Богослуженіемъ, то онъ не только обезсиливаетъ свою молитву, но обыкновенно совсѣмъ утрачиваетъ религіозное настроеніе, охлаждаетъ постепенно къ благочестію и теряетъ, такъ сказать, вкусъ къ всему, что даетъ его жизни христіанскій характеръ. Когда овца упорно отстаётъ отъ своего стада, то легко дѣлается добычею звѣря; такъ точно и человекъ, отчуждающійся отъ молитвеннаго общенія съ вѣрующими, легко поддается антихристіанскому вліянію ⁴⁾. Собранія вѣрующихъ для общей молитвы сколько укрѣпляютъ молитву каждаго изъ насъ, столько же способны поддерживать и питать взаимное ихъ благочестіе, ихъ единомысліе, ихъ назиданіе и любовь другъ къ другу. Нигдѣ христіанинъ не

¹⁾ Еп. *Геофанъ*. „Начертаніе“. М. 1891 г., стр. 408.

²⁾ Творенія, т. I, стр. 511. Спб. 1895 г. Ср. т. II. Спб. 1896 г., стр. 45; т. VI. Спб. 1900 г., стр. 472; т. X. Спб., стр. 477, 532.

³⁾ Творенія, ч. VI. Серг. Пос. 1892 г., стр. 209.

⁴⁾ Проф. прот. *Н. Оаворовъ*. „О христ. нравственности“. Кіевъ, 1879 г.; стр. 130.

можетъ чувствовать такой полноты духовной жизни въ себѣ, какъ въ совокупномъ съ другими моленіи Господу Богу своему. Когда молящіеся *одними устами и однимъ сердцемъ* возносятъ Богу хвалы, благодаренія и прошенія, то каждый изъ нихъ проникается общимъ молитвеннымъ духомъ, каждый назидается другимъ и назидаетъ другого (1 Кор. 14, 12. Ср. Ефес. 5, 19), все живутъ одною жизнію, исходящею изъ самаго Источника жизни, и то, о чемъ нѣкогда Самъ Іисусъ Христосъ молилъ Отца Своего Небеснаго, взывая къ Нему: „да будутъ все едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ (Іоан. 17, 21), болѣе чѣмъ когда либо осуществляется въ это время видимымъ образомъ на землѣ. Потому то первые христіане, несмотря ни на какія препятствія для ихъ молитвенныхъ собраний, собирались постоянно, гдѣ только могли; въ домахъ ли, подземныхъ пещерахъ, или въ самыхъ темницахъ, пребывая тамъ въ ученіи апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ (Дѣян. 2, 42; 46. Ср. Гал. 1. 14; 2, 1). Они выносили изъ своихъ собраний такой богатый запасъ духовнаго утѣшенія, духовной силы и бодрости, что способны были радоваться среди мірскихъ напастей и не ощущать страха отъ самыхъ близкихъ и страшныхъ опасностей (2 Кор. 4, 8, 16, 5, 6; 6, 10; 12, 10).

Важное значеніе общественнаго Богослуженія открывается и изъ того, что въ составъ его входятъ не только молитвы, но и церковныя пѣснопѣнія, пастырскія поученія, священныя обряды и таинства. Церковныя пѣснопѣнія, стоящія въ тѣсной связи съ общественною молитвою, суть тѣ же молитвы, переложенныя только въ поэтическую и музыкальную форму. Содержаніе ихъ разнообразно, какъ разнообразна внутренняя духовная жизнь христіанина. Однако это разнообразіе строго подчинено одной цѣли, которую указываетъ ап. Павелъ, когда повелѣваетъ христіанамъ „назидать самихъ себя псалмами (*ψαλμοί*) и славословіями (*ὕμνοι*—гимны ветхозавѣтные, не включенные въ Псалтирь) и пѣснопѣніями духовными“ (*ὧδαί Πνευματικαί*—пѣсни, составленныя уже самими христіанами). Ученые думаютъ, что нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ пѣснопѣній или ихъ отрывковъ со- держатся въ Посланіяхъ ап. Павла (Кол. 3, 16; Еф. 5, 14;

1 Тим. 3, 16; 2 Тим. 2, 11) и Откровеніи Іоанна Богослова (Откр. 4, 11; 5, 9—13; 11, 15—18; 15; 3—4) ¹⁾.

Церковное пѣснопѣніе небеснаго происхожденія. Пророкъ Исаія „видѣлъ Господа, сидящаго на Престолѣ высокомъ и превознесенномъ. Его окружали шестокрылые Серафимы и зывали другъ къ другу и говорили: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ! Полна вся земля славы Его“ (Ис. 6, 2—3). А вотъ другой опытъ небеснаго пѣснопѣнія. Къ Ангелу, возвѣстившему Виѳлеемскимъ пастырямъ радость рожденія Спасителя міра, слетаетъ на землю многочисленное воинство небесное, славить Бога и зываетъ стройнымъ хоромъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!“ (Лук. 2, 13—14). Руководимая этими небесными откровеніями св. Церковь пользуется пѣснопѣніемъ для молитвеннаго возвышенія нашего духа. Самъ Спаситель въ общей молитвѣ допускаетъ пѣснопѣніе (Мѣ. 26, 30). Въ церковномъ пѣснопѣніи—главное дѣло отдать свою душу подъ впечатлѣнія благодатнаго содержанія молитвословій, удобнѣе пріемлемыхъ съ помощью размягчающихъ наше сердце музыкальныхъ мелодій. Отсюда слишкомъ изысканное построеніе пѣснопѣнія застилаетъ отъ насъ содержаніе молитвословій и оставляетъ насъ подъ вліяніемъ хотя и пріятныхъ, но неопредѣленныхъ безсодержательныхъ впечатлѣній. Ап. Павелъ пѣснопѣніе безъ пониманія его содержанія сравниваетъ съ *молитвою на незнакомомъ языкѣ*, при которой, „хотя духъ и молится, но умъ остается безъ плода“. (1 Кор. 14, 14). Поэтому говоритъ онъ: „стану молиться духомъ, стану молиться и *умомъ*; буду пѣть духомъ, буду пѣть и *умомъ*“ (ст. 15. Ср. Пс. 46, 8). Именно такіа пѣснопѣнія, т. е. при изящной музыкальной мелодіи сохраняющія ясность и понятность содержанія, производятъ самое благотворное дѣйствіе на нашу душу; они глубоко проникаютъ наше сердце, смягчаютъ наши чувства, приводятъ въ гармонію духовныя наши силы, даютъ согласное настроеніе всей нашей дѣятельности, возвышая духъ нашъ къ небесному. Вотъ какъ свидѣтельствуемъ о важности церковныхъ пѣсней св. *Іоаннъ Златоустъ*. „Для чего употребляется пѣніе?“ спрашиваетъ онъ.—Послушай“. Богъ, видя, что многіе изъ

¹⁾ „Пѣснопѣніе и музыка въ древней христ. Церкви“. „Христ. Чт.“. 1898 г., окт., стр. 459.

людей нерадивы, тяготятся чтеніемъ духовныхъ писаній и неохотно принимаютъ на себя этотъ трудъ, и желая сдѣлать этотъ трудъ вождельнымъ и уничтожить чувство утомленія, соединилъ съ пророчествами мелодію, чтобы всѣ, услаждаясь стройностію напѣва, съ великимъ усердіемъ возносили Ему священныя пѣснопѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не возвышаетъ и не окрыляетъ душу, не отрѣшаетъ ея отъ земли, не избавляетъ отъ узъ тѣла, не располагаетъ любознать и презирать все житейское, какъ согласное пѣніе и стройно составленная божественная пѣснь“¹⁾.

Пастырскія поученія, полагающія свою основную цѣль въ стремленіи „представить всякаго человѣка совершеннымъ во Христѣ Іисусѣ“ (Кол. 1, 28), представляютъ собою одну изъ существенныхъ частей общественнаго Богослуженія. Они служатъ къ изъясненію благоговѣйныхъ чувствъ, одушевляющихъ насъ во время Богослуженія, и къ выраженію религіознаго сознанія, открывающагося въ Богослуженіи. Вотъ почему Господь Іисусъ Христосъ Самъ проповѣдывалъ Евангеліе во все время общественнаго Своего служенія (Мрк. 1, 38; Лук. 4, 43) и Апостоламъ заповѣдалъ евангельскимъ ученіемъ просвѣтить всѣ народы (Мѣ. 28, 19—20; Мрк. 16—15). Священными *обрядами* вообще называются всѣ тѣ богослужебныя дѣйствія, въ которыхъ Церковь видимо и чувственно изображаетъ для насъ невидимое и сверхчувственное въ религіи, возбуждая въ насъ стремленіе къ высшему созерцанію. Обряды православной Церкви, находящіяся въ тѣснѣйшей связи съ ученіемъ вѣры и нравственности, имѣютъ весьма важное значеніе для христіанина. „Они,—говорится въ одномъ пастырскомъ наставленіи,—суть общенародное и чувственное исповѣданіе вѣры. Подлежа понятію самаго простаго человѣка, они сближаютъ въ одномъ и томъ же ученіи мудреца, который легко бы заблудилъ въ помысленіяхъ своихъ, и невѣжду, который ни одного бы изъ оныхъ (т. е. догматовъ вѣры и правилъ нравственности) не удержалъ въ памяти. Сохраняя общее увѣреніе, они распространяютъ его, передаютъ въ роды родовъ и предохраняютъ отъ всякой порчи. Они для насъ суть вѣчно суще-

¹⁾ Творенія, т. V, кн. I. Спб. 1899 г., стр. 151. О церковныхъ пѣснопѣніяхъ см. статью въ „Христ. Чтеніи“ 1898 г., октябрь: „Пѣснопѣніе и музыка въ древней христіанской церкви“.

ствующіе и всегда обновляющіеся памятники истинъ, нами исповѣдуемыхъ“¹⁾. Особенную же важность общественному Богослуженію сообщаютъ такъ называемыя таинства Церкви.

Когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ, возвратясь отъ земли къ Отцу Своему Небесному, обѣщалъ апостоламъ: „не оставляю васъ сиротами; Я умолю Отца и дастъ вамъ другого Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ“ (Іоан. 14, 18. Ср. 16; 16, 7; Лук. 24, 49). И чрезъ десять дней по вознесеніи Своемъ Онъ дѣйствительно ниспослалъ апостоламъ Духа Утѣшителя (Дѣян. 2, 14). Это ниспосланіе Св. Духа входило въ божественный планъ искупительнаго служенія Сына Божія. Для того, чтобы участвовать въ спасеніи, приобрѣтенномъ человѣческому роду Иисусомъ Христомъ, каждый изъ насъ долженъ вступить въ такое тѣсное единеніе съ Нимъ, какое находится между лозою и ея вѣтвями (Іоан. 15, 4). Но такое объединеніе спасаемыхъ со своимъ Спасителемъ совершается благодатною силою Духа Святаго (1 Кор. 12, 3; 1 Іоан. 4, 13). Подъ *благодатию* въ христіанскомъ смыслѣ разумѣются такія сверхъестественныя дарованія, которыя мы получаемъ отъ Св. Духа по заслугамъ нашего Искупителя, для того, чтобы могли „содѣлаться причастниками Божественнаго естества, удалившись отъ господствующаго въ мірѣ растлѣнія похотию“ (2 Петр. 1, 4). Тѣ же свящ. дѣйствія, чрезъ которыя сообщается вѣрующимъ спасительная сила Божія, называются таинствами (*mysteria* отъ—*μῆ*, *μύω*,—закрываю глаза, сжимаю ротъ,—указывающаго на способъ выраженія, какимъ бы сталъ объясняться нѣмой). Благодать Божія, конечно, не нуждается ни въ какихъ средствахъ для своего воздѣйствія на человѣка, но человѣкъ, какъ существо духовно-чувственное, имѣетъ нужду въ видимыхъ знакахъ для того, чтобы воспринимать чрезъ нихъ невидимую силу Божію²⁾. Поэтому Господь учредилъ *таинства*,

¹⁾ Паст. настав. о прав. религіи. Пер. съ иностр. 1820 г., стр. 115—117. См. у *Солларскаго*. „Записки по Нрав. Богословію“, т. II, Спб. 1862 г., стр. 315.

²⁾ *Cathrein*. „Die katholische Weltanschauung, s. 369. Ср. прот.-проф. *Е. П. Аквилонова*. „О Божествѣ Господа нашего І. Христа и о средствахъ нашего спасенія“. „Христ. Чтеніе“ 1901 г., августъ, стр. 193—195. Но, будучи видимыми знаками невидимой благодати Божіей, таинства, однакожь, не служатъ, по выраженію Толстого, „изменнымъ и грубымъ колдовствомъ“. (Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановл. Синода, стр. 9).

черезъ которыя „подъ видимымъ образомъ сообщается вѣрующимъ невидимая благодать Божія“. Будучи орудіями этой благодати, таинства освящаютъ нашу природу, возрождаютъ, укрѣпляютъ, совершенствуютъ насъ въ духовной жизни ¹⁾ помогаютъ намъ въ самыхъ временныхъ нашихъ нуждахъ и благодѣтельно вліяютъ на всю нашу жизнь и на всѣ наши отношенія. Черезъ эти таинства мы становимся благодатными сынами Божиими, участниками вѣчной жизни, славы и блаженства въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ. Соединяя насъ со Христомъ, они тѣснѣйшимъ образомъ *соединяютъ* насъ и другъ съ другомъ, какъ членовъ одного тѣла духовнаго, питая въ насъ чувства взаимной братской любви (1 Кор. 12, 13; Ефес. 4, 2—6). „Въ таинствахъ“—говоритъ св. *Іоаннъ Златоустъ*,—мы лобзаемъ и другъ друга, чтобы намъ—многимъ—быть *едино* ²⁾. Разнообразныя благодатныя силы, сообщаемыя намъ посредствомъ таинствъ, суть дары любви Божіей. Эти дары изливаются отъ Бога не ради заслугъ нашихъ, но вслѣдствіе искупительныхъ заслугъ Иисуса Христа; и изливаются они тѣмъ изобильнѣе, чѣмъ восприимчивѣе къ нимъ душа наша, чѣмъ болѣе она проникается сознаниемъ, что они необходимы для нашего спасенія и жизни, и чѣмъ болѣе она достойна ихъ ³⁾.

Но вѣнцомъ всѣхъ другихъ христіанскихъ таинствъ является св. *Евхаристія*, (*Евхаристія*, благодареніе) вокругъ которой сосредоточено все христіанское Богослуженіе.

Именно въ таинствѣ св. Евхаристіи мы видимъ совершеннѣйшее исполненіе вышеуказаннаго обѣтованія Спасителя: „не оставлю васъ сиротами; прійду къ вамъ“ (Іоан. 14¹⁸). Въ этомъ таинствѣ Иисусъ Христосъ остается постоянно

¹⁾ По словамъ св. *І. Златоуста*, „черезъ“ таинства души получаютъ *очищеніе отъ нечистотъ*“. (Твор., т. II, кн. 2. Спб. 1896 г., стр. 917).

²⁾ Творенія, т. VIII, кн. 2. Спб. 1902 г., стр. 527.

³⁾ См. о таинствахъ: *проф. А. Л. Катанскаго*, „Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцевъ и писателей церкви до Оригена включительно“. Спб. 1877 г.; *Θ. Смирнова*, „Происхожденіе и литургическій характеръ таинствъ“. („Труд. Кіев. дух. Академіи“ 1874 г., кн. 12; 1875 г., кн. 1); *проф. М. Ф. Ястребова*, „О таинствахъ“. Изъ лекцій по Догм. Богословію. „Труд. К. д. Акад.“. 1907 г., т. II—III; 1908 г., т. I); *м. Моск. Филарета*, „Историко-догматическое обозрѣніе ученія о таинствахъ. Изъ академ. чтеній (1819 г.). М. 1900 г. Изд. ж. „Радость христіанина“.

съ нами и будетъ оставаться до второго Своего пришествія (1 Кор. 11, 26. Ср. Мѣ. 28, 20), продолжая духовно-таинственнымъ образомъ совершать то *голгоетское жертвоприношеніе Богу*, которое служить краеугольнымъ камнемъ благодатнаго царства Христова на землѣ¹⁾. Истинная любовь боится разлуки съ любимымъ существомъ. И явившаяся въ міръ воплощенная Божественная Любовь не хотѣла разлучиться съ нами послѣ совершенія искупительнаго служенія Своего на землѣ. Но какъ это возможно? Иисусъ Христосъ хочетъ идти къ Отцу Своему, чтобы „возсѣсть одесную Бога“ (Мрк. 16, 19) и „приготовить намъ мѣсто“ (Іоан. 14, 2—3). Какъ же Онъ можетъ въ то же время оставаться съ нами? Въ своей безконечной мудрости и любви Онъ нашелъ средство для этого, которое превосходитъ наши самыя смѣлыя ожиданія и понятія. Въ послѣдній вечеръ предъ Своими страданіями, по совершеніи Пасхи по обряду іудейскому, Господь, взявъ въ Свои руки хлѣбъ и воздавъ хвалу Богу, благословилъ и освятилъ его, и, преломивъ, подавая ученикамъ, сказалъ: „примите, ядите, сіе есть тѣло Мое“, и потомъ, взявъ чашу, и благодаривъ, подалъ имъ, и сказалъ: „пійте отъ нея вси, ибо сія есть кровь Моя новаго Завѣта, за многихъ изливаемая, во оставленіе грѣховъ“. И причастивъ такимъ образомъ апостоловъ, заповѣдалъ имъ: „сіе творите въ Его воспоминаніе“ (Мѣ. 26, 26. Ср. Мрк. 14, 22, Лук. 22, 19; 1 Кор. 11, 22—26). Заповѣдуя сіе *творить* въ Его воспоминаніе Христосъ не говоритъ: *благовѣствуйте* о томъ, что сдѣлалъ Я для васъ, но: *творите* то, что Я теперь творю. Этими словами Онъ заповѣдуетъ, что Евхаристія должна быть точнымъ и живымъ подобіемъ всего, сдѣланнаго Имъ въ ту священную ночь. Его благодаренію Богу Отцу должно уподобляться наше благодареніе, Его послушаніе Волѣ Отца должна соотвѣтствовать послушанію Церкви той же волѣ. Какъ Онъ преломилъ хлѣбъ и благословилъ его съ чашею, такъ поступать должны и Его слуги. Согласно съ этою заповѣдію, апостолы и сами совершали не-

1) „Тотъ“,—говоритъ св. *І. Златоустъ*,—„кто совершилъ ихъ (дѣйствія таинствъ св. Причащенія) тогда, на той вечери, и нынѣ совершаетъ ихъ... Это та же самая трапеза, которую предлагалъ Христосъ, и ничѣмъ не менѣе той“ (Творенія, т. VII, кн. 2. Спб. 1901 г. стр. 827).

прерывно и неизмѣнно это таинство (Дѣян. 2, 42; 20, 7; 1 Кор. 10, 16; 11, 20; 14, 33, 40), и вѣрующимъ заповѣдали совершать его, и предали имъ и самый чинъ совершенія его. „Будучи убѣждены въ этомъ и проникая въ глубины божественнаго вѣдѣнія, мы, говоритъ *Климентъ Римскій*,— „должны въ порядкѣ совершать все, что Господь повелѣлъ совершать въ опредѣленные времена. Онъ повелѣлъ, чтобы жертвы и священныя дѣйствія совершались не случайно и не безъ порядка, но въ опредѣленные времена и часы ¹⁾).

Извѣстный *Лафатеръ*, говорятъ, однажды сказалъ: „если бы я могъ повѣрить въ присутствіе Христа въ таинствѣ, я бы по причинѣ благоговѣнія не могъ больше подняться съ колѣнъ“. Но развѣ такъ ужь трудно повѣрить въ это присутствіе? Кто искренно вѣруеть, что предвѣчный Сынъ Божій ради насъ во чревѣ Дѣвы Маріи сдѣлался человѣкомъ, не переставая быть Богомъ, въ ясляхъ родился и умеръ на крестѣ, тотъ поистинѣ не найдетъ никакого затрудненія, чтобы повѣрить словамъ Его о дѣйствительномъ присутствіи Его въ таинствѣ Евхаристіи. Въ установленіи этого таинства открылась полнота той же Божественной любви Спасителя къ намъ, которая побудила Его сойти съ неба на землю „насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія“ ²⁾. И еретики всѣхъ временъ ³⁾ вплоть до нашего *Тол-*

¹⁾ Посл. 1 къ Коринѣ. § 40. Писанія мужей апостольскихъ. Перев. о. Преображенскаго. М. 1862 г., стр. 140—141.

²⁾ Cathrein, s. 371.

³⁾ Еще *Несторій* училъ: „Безкровный Агнецъ не заключаетъ въ Себѣ ничего особеннаго... кромѣ того, что мы возвѣщаемъ смерть *человѣка* и празднуемъ память подобнаго намъ“ (*Cyr. Alex. Adv. Nest. IV*, с. 6. Migne LXXVI (р. 200)). „Мы не вкушаемъ“—отвѣчаетъ на это *св. Кирилль Александрійскій*,—„такъ, какъ бы мы поядали Божество, но мы вкушаемъ собственную плоть Логоса, которая сдѣлалась животворящею, поелику есть плоть Того, Который живетъ въ Отцѣ. И такъ какъ тѣло Логоса сдѣлалось животворящимъ, поелику Онъ сдѣлалъ его Своимъ собственнымъ посредствомъ соединенія, превосходящія всякія наши понятія, то и мы, которые приобщаемся Его плоти и крови, оживотворимся, такъ какъ Логосъ теперь обитаетъ въ насъ не только Божествомъ, посредствомъ Св. Духа, но также и по чело-вѣчеству, посредствомъ Своей св. плоти и честной крови“ (*Ibid.*, с. 5 р. 192). По словамъ *св. Иоанна Златоуста*, въ Евхаристіи предлагается вѣрующимъ τὸ φάρμακον τὸ καθολικόν (*In ep. I ad Cor. hom. XXIX. Opp. ed. Montf. X. p. 307*).

«того»¹⁾ усиленно выражали сомнѣніе въ ясныхъ словахъ Спасителя, говорящихъ объ истинномъ тѣлѣ и истинной крови въ Евхаристіи. Но напрасно²⁾. Уже въ Капернаумѣ Христосъ самымъ рѣшительнымъ образомъ обѣщаль дать апостоламъ Свою плоть и кровь въ пищу и питіе вмѣсто ветхозавѣтной манны (Іоан. 6, 51—69). Точно также понималъ слова установленія Евхаристіи и ап. Павелъ,—слова, которыя по собственному его выраженію, онъ „принялъ отъ Самого Господа“ (1 Кор. II, 23—30). Заподозрять подлинность евангельскихъ и ап. Павла свидѣтельствъ объ установленіи Евхаристіи никакъ невозможно, ибо эти свидѣтельства принадлежатъ „къ древнѣйшему и къ несомнѣннѣйшему изъ всего того, что предано намъ изъ устъ Христовыхъ“³⁾. Наконецъ въ реальномъ присутствіи Христа въ таинствѣ Евхаристіи ручается постоянное преданіе православной церкви. *Св. Іустинъ мученикъ* говоритъ въ своей „Апологіи“: „пищу, называемую у насъ Евхаристіей, мы принимаемъ не такъ, какъ обыкновенный хлѣбъ или обыкновенное питье но... пища эта, надъ которой совершено благодареніе чрезъ молитву, слова Его (Христа).., есть—какъ мы научены—плоть и кровь того воплотившагося Іисуса“⁴⁾. На одномъ изъ вселенскихъ соборовъ своихъ св. Церковь торжественно обличила и осудила какъ ересь, мнѣніе, будто бы въ *Евхаристіи* хлѣбъ и вино остаются тѣмъ, чѣмъ они были до освященія, и служатъ только образами тѣла и

¹⁾ См. его „Исповѣдь“, романъ „Воскресеніе“ и отвѣтъ на постанов. Синода, стр. 9.

²⁾ Главнѣйшія возраженія противъ церковнаго ученія объ этомъ таинствѣ обстоятельно разобраны въ еочиненіи проф. А. Θ. *Гусева*: „Отвѣтъ старо-католич. профессору *Мишо* по вопросу о Filioque и Пресуществленіи“. Харьковъ, 1899 г. Ср. его же, „къ старо-католическому вопросу“ („Христ. Чит.“. 1897 г., май); архіеп. *Никанора*, „Бесѣда объ истинномъ тѣлѣ и крови Христовыхъ“ (противъ *Л. Толстого*); проф. *М. Ф. Ястребова*, „Таинство причащенія“ („Труд. Кіев. дух. Академіи“ 1908 г., т. I).

³⁾ *Beyschlag*. „Das Leben Iesu“. Halle, 1885, Th. I, s. 187.

⁴⁾ Апологія I, гл. 66. Памятники древней христ. письменности въ рус. перев., т. III. М. 1862 г., стр. 107. Ср. св. *І. Златоуста*, твор., въ послѣднемъ изданіи Спб. дух. Академіи, т. II, стр. 41—42, 385, 398, 417, 428; т. III, 815 и др. См. относящееся сюда сочиненіе *Struckmann'a* „Die Gegenwart Christi in der heiligen Eucharistie nach den schristlichen Quellen der vornicänischen Zeit.“. Wien, 1906, 47 и дал.

крови Христовой ¹⁾. А. С. Хомяковъ, рассуждая о таинствѣ св. Евхаристіи, спрашиваетъ: „знають ли люди, что такое тѣло по отношенію къ разуму? Невѣжды и слѣпцы,—ужели думаютъ они, что такъ какъ они сами рабствуютъ своей плоти, то и Христу нельзя не быть рабомъ вещественныхъ стихій? Тотъ, Кому вся предана суть Отцемъ Его, Тотъ, Кто есть Господь всяческихъ, не есть ли Господь и Своего тѣла? И не силенъ ли Онъ сотворить, что *всякая вещь, не измѣняя нисколько своей физической субстанціи, станетъ этимъ тѣломъ, тѣмъ самымъ, которое за насъ страдало и проливало кровь Свою на Крестѣ?* ²⁾).

Отсюда открывается все невыразимо великое значеніе для насъ таинства св. Евхаристіи. Оно составляетъ средоточіе нашей христіанской жизни. Все, что Господь Іисусъ Христосъ совершилъ для насъ, все чѣмъ Онъ былъ и продолжаетъ быть для насъ, всѣ Его обѣтованія Своей церкви здѣсь сосредоточиваются какъ бы въ одномъ моментѣ. И первое, чего мы ищемъ въ Евхаристіи, и безъ чего все остальное не имѣло бы смысла—это слѣдующее: причащеніе тѣла и крови Христовой „во оставленіе грѣховъ“ тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ насъ съ Самимъ Христомъ, дѣлая насъ „однимъ духомъ съ Господомъ“ (1 Кор. 6, 17), причастниками Божественной Его жизни. Хотя мы и не можемъ постичь этого союза, какъ мы не можемъ понять, какимъ образомъ въ Іисусѣ Христѣ Божеское естество соединилось съ человѣческимъ въ одномъ лицѣ, однако мы знаемъ, что именно таково свойства Евхаристическаго союза. Вотъ слова Самого Господа о сущности этого высочайшаго союза: „Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ“ (Іоан. 6, 56); „ядущій Меня жить будетъ Мною“ (—ст. 57); „если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго, и пить крови Его; то не будете имѣть въ себѣ жизни“ (—ст. 53). Такъ какъ въ Іисусѣ Христѣ человѣческая природа соединена съ Божеской, то причащающійся Его Тѣла и Крови, такъ сказать, вселяетъ въ себя Божеское существо, вступаетъ въ союзъ съ Богомъ, высшій, тѣснѣйшій, существеннѣйшій, нежели просто нравственное единеніе. Православная Церковь,—пишетъ

¹⁾ Седьмой вселенск. соб. Дѣян. VI. Дѣян. вселенск. соб. въ рус. пер., т. VII, стр. 233 по изд. Каз. 1891 г.

²⁾ Полное собр. сочин., т. II. Изд. 3. Москва, 1886 г., стр. 134.

проф.—прот. *Сидонскій*,—держится не отвлеченнаго понятія объ *идеалистическомъ* лишь общеніи вѣрующихъ со Христомъ посредствомъ таинства Евхаристіи, а видитъ въ общеніи Тѣла и Крови Іисуса Христа таинство *дѣйствительнаго благодатнаго* причастія Христовой жизни“ 1). На землѣ близость Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необъятная сила любви Божіей къ человѣку ни въ чемъ не выражается столь разительно, какъ въ Евхаристіи. „О глубина Божественной любви и безконечнаго милосердія“! восклицаетъ *Хомяковъ*, размышляя о таинствѣ Евхаристіи 2). Поэтому, если *Толстой* смущается выраженіями: „тѣло“ и „кровь“, то совершенно напрасно. Ибо „что такое тѣло Христа прославленнаго, какъ не Его *проявленіе*? Такимъ образомъ, Церковь, радостная и признательная, знаетъ, что Спаситель ся даровалъ ей и не только общеніе духа, но и *общеніе проявленія*, и человѣкъ рабъ плоти вещественнымъ дѣйствіемъ претворяетъ себѣ вещество, которымъ облакается Христосъ силою дѣйствія духовнаго 3).

Такъ какъ въ Евхаристіи хлѣбъ и вино не суть только символическіе образы тѣла и крови Христовой, а истинное тѣло и истинная кровь Его, то дѣйствіе этого таинства простирается не *на духовную только* область, но и *на тѣлесную*. Соединяясь тѣснѣйшимъ образомъ со своимъ Спасителемъ не духовно только, но тѣлесно, мы получаемъ залогъ и тѣлеснаго обновленія или воскресенія по подобію воскресшаго въ прославленномъ и нетлѣнномъ тѣлѣ Главы нашего, дѣлаясь въ собственномъ смыслѣ „плотію отъ плоти и костію отъ костей Его“. „Ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь“,—говоритъ Самъ Господь,—имѣетъ жизнь вѣчную; и Я воскресну его въ послѣдній день“ (Іоан. 6, 54) 4). Евхаристія,—писалъ

1) „Генетическое введеніе въ православное богословіе“. Сиб. 1877 г., стр. 107.

2) Сочиненія, т. II, стр. 117.

3) Тамъ же, стр. 134.

4) Если бы Евхаристія,—пишетъ *пресвящ. Іоаннъ*,—„питала одинъ духъ, а не имѣла питательной силы и для тѣла, то она не только не могла бы вполне поддерживать нашей духовной такъ же, какъ и тѣлесной жизни вмѣстѣ, но и не могла бы имѣть совершенныхъ дѣйствій для одного духа; духъ имѣлъ бы жизнь не полную и не совершенно развитую и крѣпкую, потому что тѣло—его необходимый сочленъ въ существѣ человѣка, его необходимое орудіе и органъ, оста-

св. *Игнатій Богоносецъ*,—есть „*врачевство* безсмертія, не только предохраняющее отъ смерти, но дарующее вѣчную жизнь во Иисусѣ Христѣ“¹⁾. Увѣщевая „сіе творить въ Его воспоминаніе“ (Лук. 22, 19), І. Христосъ выражаетъ ту мысль, что Евхаристія не есть только торжественное воспоминаніе о Немъ, *Умершемъ*, но воспоминаніе также и единенія съ Нимъ, *Воскресшимъ*, *Вознесшимся*, и *Сѣдящимъ* одесную Отца. Это праздникъ христіанскаго упованія и чаянія второго славнаго пришествія Судіи живыхъ и мертвыхъ. Вообще Свящ. Писаніе ставитъ Евхаристию въ тѣсную связь съ послѣдней судьбой міра и человѣка. Это видно не только изъ словъ ап. Павла: „всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, смерть Господню возвѣщаете, доколѣ Онъ прійдетъ“ (1 Кор. 11, 26), но и изъ собственныхъ словъ Спасителя: „Сказываю же вамъ, что отнынѣ не буду пить отъ плода сего винограднаго до того дня, когда буду пить съ вами новое вино въ царствѣ Отца Моего“ (Мѡ. 26, 29). Невыразимая радость, которую испытываютъ достойно—причащающіеся, мгновенное очищеніе отъ грѣховъ, попяляемыхъ Тѣломъ и Кровію Христа, тѣснѣйшее общеніе со Христомъ,—Богомъ—не предвкушеніе ли это блаженной жизни на небѣ, куда „не войдетъ ничто нечистое“ (Апокал. 21, 27), гдѣ „праведники возсіяютъ яко солнце“ (Мѡ. 13, 43), и „Богъ будетъ все во всемъ“ (1 Кор. 15, 28).

Тайнство Евхаристіи, тѣснѣйшимъ образомъ соединяя насъ со Христомъ, въ то же время тѣснѣйшимъ образомъ

валось бы безъ пищи, а, слѣдовательно, безъ жизни: необходимое тѣлесное разрушеніе пресѣкало бы все развитіе духовной жизни. И, наоборотъ, пища чувственная, питательная только для тѣла и не имѣющая силы для духа, давала бы человѣку ложную жизнь, возвращая одно тѣло, тогда какъ духъ незримо умиралъ бы среди видимо цвѣтущей жизни тѣла. Итакъ, человѣческому существу здѣсь, на землѣ, нужна пища духовно-чувственная. Такая пища и предлагается въ таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ“ („Богословскія академическія чтенія“. Спб. 1897 г., стр. 254).

¹⁾ Посл. къ Ефесянамъ, гл. 20. Писанія мужей апостольскихъ. Перев. о. Преображенскаго. М. 1862 г., стр. 386. Что евхаристія есть всеобъемлющее и всецѣлительное *врачевство*, объ этомъ гласитъ и церковная молитва: „якоже быти причащающимся, во трезвѣніе души во оставленіе грѣховъ, въ приобщеніе Святаго Твоего Духа, во исполненіе царствія небеснаго, въ дерзновеніе еже къ Тебѣ, не въ судъ, или во осужденіе“. (Лит. св. *І. Златоуста*. Молитва по пресуществленіи).

соединяетъ насъ и между собою. Всѣ „мы“ члены „одного“ таинственнаго „тѣла“; „ибо,—говоритъ ап. Павелъ,—всѣ причащаемся отъ одного тѣла“ (1 Кор. 10, 17).

То же таинство имѣетъ, наконецъ, значеніе безкровной жертвы Богу, постоянно приносимой въ Церкви и составляющей какъ бы продолженіе искупительнаго жертвоприношенія Христова; поэтому оно и является средоточіемъ всего христіанскаго Богослуженія, также какъ нѣкогда жертва всесожженія являлась средоточіемъ всего ветхозавѣтнаго Богослуженія. Таинство тѣла и крови Христовой есть жертва хваленія и благодаренія, почему оно и называется *Евхаристіей*, благодарственнымъ приношеніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ это таинство есть и жертва умилоостивительная, замѣняющая собою всѣ очистительныя жертвы ветхозавѣтныя. Никакими нравственными дѣйствіями своими мы не можемъ восполнить потокъ благодатныхъ чувствъ хвалебной и благодарственной жертвы, составляющей сущность Божественной литургіи, какъ жертвы. И насколько жертва выше нравственнаго долга, настолько жертва хваленія и благодаренія выше всѣхъ нашихъ нравственныхъ дѣяній. Вотъ почему внутренне опыты, переживаемые во Евхаристіи, какъ то: душевный миръ, замѣтное обновленіе любви къ Богу и ближнимъ, приростъ силъ на борьбу жизни и пр., ощущаются нами въ большей степени, чѣмъ даже въ молитвѣ. Съ другой стороны, никакими нравственными дѣйствіями своими мы не можемъ столько очищаться отъ вольныхъ и невольныхъ *согрѣшеній* своихъ и достигать святости жизни, какъ своимъ сердечнымъ участіемъ въ возносимой безкровной жертвѣ ¹⁾. Это сильнѣйшая защита Церковію чадъ своихъ, которой ничто замѣнить не можетъ.

Указанныя значенія таинства Евхаристіи, очевидно, нераздѣльны; ибо Спаситель потому и даровалъ намъ Свою плоть и Свою Кровь въ пищу и питіе (Іоан. 6, 55), что тѣло Его за насъ предано и кровь Его за насъ пролита (Лук. 22, 19—20). Совершаемая въ Церкви ежедневно, въ качествѣ безкровной жертвы, Евхаристія должна служить *какъ можно чаще* и трапезою Христовою для всѣхъ насъ, приступающихъ

¹⁾ По словамъ св. Григорія Богослова, таинство св. Причащенія есть „искупленіе первородныхъ немощей“ (Творенія, ч. IV. М. 1844 г. стр. 249).

къ ней съ достойнымъ приготовленіемъ. *Св. Василій Великій* пишетъ: „хорошо и полезно каждый день приобщаться и принимать святое тѣло и кровь Христову: потому что Самъ Христосъ ясно говоритъ: „ядый Мою плоть и пійай Мою кровь, имать животъ вѣчный“ (Іоан. 6, 54) ¹⁾.

Но какъ достойнымъ образомъ принимать святаыя Тайны? „Ибо кто ѣсть и пьетъ недостойно,—говоритъ ап. Павелъ,— тотъ ѣсть и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о тѣлѣ Господнемъ“ (1 Кор. 11, 29), т. е. кто приобщается тѣла и крови Христовой, не очистившись отъ грѣховъ, тотъ самъ подвергаетъ себя осужденію, не имѣя уваженія къ тѣлу Господню, не дѣлая различія между трапезою Христовою и обыкновенною. Поэтому для достойнаго приобщенія св. Даровъ надобно предварительно очистить свою совѣсть отъ грѣховъ чрезъ таинство покаянія: „да *искушаетъ* себя человекъ,—заповѣдуетъ тотъ же Апостолъ,—и такимъ образомъ пусть ѣсть отъ хлѣба сего и пьетъ отъ чаши сей (1 Кор. 11, 28) ²⁾. Само собою разумѣется, что для достойнаго принятія св. Таинъ, кромѣ покаянія, нужна еще не только несомнѣнная, но и благоговѣйная *вѣра*, какъ живая увѣренность въ дѣйствительномъ присутствіи въ Евхаристіи Господа Иисуса Христа: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“,—взываетъ св. Церковь. „Смѣло и не сомнѣваясь ѣшь Тѣло и пей Кровь, если желаешь жизни“,—наставляетъ св. *Григорій Богословъ*.—„*Безъ невѣрія* внимай ученію о Плоти“ ³⁾. Если св. Церковь для достойнаго приобщенія тѣла и крови Христовой требуетъ покаянія и вѣры, то этимъ она не отвергаетъ и слабой вѣры, т. е. такой, которая обладаетъ лишь слабымъ разумѣніемъ ея. Въ противномъ случаѣ она оказалась бы въ противорѣчій съ извѣстнымъ изреченіемъ Спасителя: „приходящаго ко мнѣ не изгоню вонъ“ (Іоан. 6, 37) и съ извѣстнымъ предсказаніемъ о Немъ пророка Исаи: „трости надломленной не переломить и льна курящагося не угасить“ (Ис. 42, 3. Ср. Мѡ. 12, 20). Слабая, несовершенная вѣра чрезъ св. Евхаристію можетъ только укрѣпляться и восходить отъ силы въ силу. На этомъ основаніи, равно

¹⁾ Творенія, ч. VI. Серг. Пос. 1892 г., стр. 201.

²⁾ Ср. твор. св. *І. Златоуста*, въ послѣднемъ изданіи Спб. дух. Академіи, т. IV, стр. 240.

³⁾ Творенія, ч. IV. М. 1844 г., стр. 173.

какъ на основаніи словъ Іисуса Христа: „пійте отъ нея вси“ и младенцы не лишаются православною Церковію участія въ этомъ таинствѣ.

Если мы приступаемъ къ св. Причащенію, чтобы „примириться съ нашимъ Богомъ“ чрезъ очищеніе себя отъ грѣховъ, то въ то же время мы не должны имѣть ни съ кѣмъ вражды въ своемъ сердцѣ (Мѡ. 5, 23—24) и „быть въ мирѣ со всѣми людьми“ (Рим. 12, 19). Такимъ образомъ къ достойному приготовленію къ св. Евхаристіи относится не только прошеніе молитвы Господней: „остави намъ долги наша“, но и слова этой молитвы: яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Къ соблюденію единенія съ братіями, по словамъ св. *І. Златоуста* „побуждаетъ насъ та великая, страшная и ужасная жертва, которая повелѣваетъ приступать къ ней съ совершеннымъ *единодушіемъ* и пламенною любовію ¹⁾. Существуетъ, какъ извѣстно, благочестивый обычай въ нашей Церкви, нечуждый даже протестанскимъ общинамъ ²⁾ по которому говѣющіе, прежде чѣмъ приступить къ св. Тайнамъ, взаимно просятъ другъ у друга прощенія и прощаютъ другъ другу.

По словамъ притчи о званыхъ на вечерю, мы должны приступать къ трапезѣ Господней въ „брачной одеждѣ“ (Мѡ. 22, 11—12). Это означаетъ, что достойное приготовленіе наше къ таинству св. Причащенія, касающееся, конечно, главнымъ образомъ, души, внутренняго нашего состоянія, въ то же время должно простираться и на самую нашу внѣшность (Ср. Мѡ. 23, 26; 1 Тим. 2, 9—10; Евр. 10, 22). А послѣ приобщенія св. Даровъ мы не должны сразу погружаться въ мірскую суету и земныя заботы (Мѡ. 6, 24—25; 13, 22; Мрк. 4, 18—19; Лук. 10, 41—42), но должны молить Господа „соблюсти насъ въ Его святыни“, дабы благодать св. Евхаристіи могла произвести въ насъ свое дѣйствіе. Отсюда (т. е. съ свящ. вечера),—пишетъ *Тертуллианъ*,—мы расходимся не для того, чтобы составлять собою толпы бойцевъ, или станицами бѣгать по улицамъ, но чтобы по прежнему пещись о скромности и цѣломудріи, какъ вечерявшіе не столько вечерю, сколько правила жизни (Аролог. с. 39).

¹⁾ Творенія, т. X, кн. 1. Спб. 1904 г., стр. 240.

²⁾ Мартенсенъ, т. II, стр. 200—201.

Какъ часто должны мы причащаться? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ стоять въ зависимости лишь отъ личнаго нравственнаго состоянія каждаго, хотя, во всякомъ случаѣ, касательно принятія таинства св. Евхаристіи долженъ существовать опредѣленный порядокъ и извѣстная правильность. Въ первыя времена Церкви христіане причащались часто, большею частію каждую недѣлю и именно въ связи съ *агапами* (вечерями любви), т. е. трапезами для бѣдныхъ ¹⁾. Но въ *постыдующіе вѣка* вѣрующіе стали признавать себя недостойными такъ часто приступать къ этому великому таинству ²⁾, помня завѣтъ Спасителя: „не давайте святыни псамъ, и не бросайте жемчуга предъ свиньями“ (Мѡ. 7, 6) ³⁾. Поэтому св. Церковь постановила, чтобы желающіе вести особенно благоговѣйную и строгую жизнь, причащались по крайней мѣрѣ въ каждый изъ четырехъ установленныхъ ею продолжительныхъ постовъ, какъ наиболѣе благопріятное время для нашего освященія св. Тайнами, а всѣ обязательно, хотя одинъ разъ въ году, по преимуществу великимъ постомъ. Къ исполненію такого дѣла она заповѣдуетъ приучать и дѣтей съ такого возраста, когда они становятся способными, подъ руководствомъ старшихъ, понимать, въ достаточной для нихъ мѣрѣ, значеніе христіанскихъ священнодѣйствій. Мы должны также заботиться о нашихъ больныхъ, чтобы они не лишались возможности принимать св. Тайны съ полнымъ сознаніемъ, и не только спѣшить исполненіемъ ихъ собственнаго желанія причаститься, но и располагать ихъ къ такому желанію, если почему-нибудь

¹⁾ См. Тертулліана. *Apolog.* с. 39.

²⁾ Уже во времена св. *Г. Златоуста* многіе приступали къ таинству св. Причащенія всего однажды въ годъ (Творенія, т. XI, с. 656; т. XII, стр. 153).

³⁾ Назидательна въ данномъ случаѣ горячая полемика въ XVII столѣтіи между іезуитами и янсенистами. Іезуиты въ цѣляхъ своекорыстныхъ рекомендовали причащаться почаще, чѣмъ способствовали развитію въ римско-католическомъ обществѣ поразительнаго легкомыслія въ отношеніи къ самому таинству. Извѣстенъ случай съ княгиней *Гелене*, которая хотѣла причаститься по дорогѣ на балъ и въ бальномъ платьѣ, хотя въ этомъ и отказано было ей духовенствомъ. Въ борьбѣ съ подобнымъ безчینیемъ другъ и соподвижникъ геніальнаго *Паскаля*, раздѣлявшаго идеи янсенизма, *Арнольдъ* издалъ свое знаменитое сочиненіе: „*De la frequente communion*“ („О частомъ причащеніи“). (Herzog. „*Theolog. Realen. Encyclopädie*“. I. Art. *Arnauld*).

у нихъ нѣтъ его. Бываютъ и помимо болѣзней чрезвычайныя поводы для обращенія къ таинству причащенія, какъ напр.—предъ вступленіемъ въ бракъ, предъ началомъ какого-нибудь особенно труднаго или опаснаго для насъ дѣла и под. Причащенію св. Тайнъ должны предшествовать всегда такъ называемое *говѣніе* и таинство исповѣди, кромѣ исключительныхъ, не позволяющихъ такого приготовленія случаевъ.

Намѣренное уклоненіе отъ приобщенія св. Даровъ—явленіе въ высшей степени печальное. Кто не чувствуетъ въ себѣ потребности въ этомъ таинствѣ, тотъ, очевидно, равнодушенъ къ самому дару безпредѣльной любви Божіей къ людямъ, не цѣнитъ жертвы за себя своего Спасителя, не желаетъ „пребывать въ Немъ“, какъ вѣтвь на лозѣ (Іоан. 15, 4), и хотя находится среди вѣрующихъ, но не принадлежитъ къ нимъ, какъ засохшая вѣтвь не принадлежитъ болѣе къ дереву, хотя и остается пока на немъ.

Для общественнаго Богослуженія христіане собираются въ особо освященныя мѣста, называемыя *храмами* Божіими. Поэтому храмъ для христіанъ имѣетъ весьма важное значеніе, какъ мѣсто особеннаго присутствія Божія (Мѡ. 18, 20. Ср. 3 Цар. 9, 3; Пс. 25, 8 и др.), какъ мѣсто для возношенія общихъ молитвъ Господу (Мѡ. 21, 13; Мрк. 11, 17; Лук. 19, 46; Іоан. 2, 16) и для полученія благодати Божіей чрезъ таинство причащенія и другія таинства (1 Кор. 11, 22 и дал.). „Здѣсь“,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*—„хранятся великія наши сокровища, здѣсь всѣ наши надежды“¹⁾.

Все это обязываетъ насъ любить храмъ Божій и *почитать* его. Еще во времена Ветхаго Завѣта мѣста Богослуженія и Богоявленія были окружены почитаніемъ и благоговѣніемъ. Патриархъ Іаковъ, увидѣвши таинственную лѣстницу, съ священнымъ страхомъ воскликнулъ: „какъ страшно сіе мѣсто. Это не иное что, какъ домъ Божій, это врата небесныя“ (Быт. 28, 17). Моисею Самъ Богъ внушалъ страхъ и почтеніе къ святому мѣсту: „не подходи сюда; сними обувь твою съ ногъ твоихъ; ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая“ (Исх. 3, 5), и гору Синай повелѣлъ обвести чертою и, подъ страхомъ смерти, запретилъ народу

¹⁾ Творенія, т. VII, кн. 1. Слб. 1901 г., стр. 358.

прикасаться къ подошвѣ ея (Исх. 19, 12). Такимъ же почтеніемъ пользовалась Скинія, равно какъ и храмъ Соломоновъ. Народъ могъ молиться только во дворѣ Скиніи или храма; внутренность же ихъ для него была недоступна. Христіанскіе храмы должны быть окружены еще большимъ почитаніемъ. Господь и Самъ почиталъ храмъ Божій, и ясно внушалъ и другимъ благоговѣйное отношеніе къ нему, какъ мѣсту общественной молитвы и потому священному для людей. „Домъ Мой есть домъ молитвы“,—говоритъ Онъ іудеямъ, и изгналъ вонъ изъ храма всѣхъ продающихъ и покупающихъ и мѣновщиковъ денегъ (Мѡ. 21, 12—13; Мрк. 11, 15—17; Лук. 19, 45—46; Іоан. 2, 14—16. Ср. Ис. 56, 7; Іерем. 7, 11). Другой разъ, обличая книжниковъ и фариисеевъ, Онъ ясно давалъ понять имъ, что храмъ есть мѣсто особеннаго селенія Божія, что онъ святъ и освящаетъ наши дары и приношенія, и что кто клянется храмомъ, тотъ клянется имъ и живущимъ въ немъ (Мѡ. 23, 16—22). Можно ли послѣ этого, согласиться съ *Л. Толстымъ*, будто бы Христосъ, отрицая общественную молитву, „запретилъ самые храмы, сказавъ, что пришелъ разрушить ихъ, и что молиться надо не въ храмахъ, а въ духѣ и истинѣ¹⁾. По примѣру Спасителя благоговѣйное уваженіе къ храмамъ Божиимъ внушали и Апостолы (1 Кор. 11, 22; 14, 33—35 и др.). Важность храмовъ Божіихъ открывается и изъ того, что они въ христіанской древности служили убѣжищемъ для невинныхъ и угнетенныхъ²⁾, причемъ самые язычники не дѣлали оскорбленій тѣмъ, кто въ этихъ храмахъ находили себѣ безопасность³⁾.

Свое почитаніе къ храму Божію вѣрующій христіанинъ выражаетъ тѣмъ, что, проходя, напр., мимо храма, обнажаетъ голову и совершаетъ крестное знаменіе,—ограждаетъ храмъ отъ всего несогласнаго съ достоинствомъ его, воспрещая, напр., устраивать на церковномъ погостѣ игры и курить табакъ, открывать вблизи него питейные дома, приносить въ него мяса и т. п.;—охотно и радостно посѣщаетъ

¹⁾ „Воскресеніе“, гл. XL, стр. 153. Берлинъ, 1900 г.

²⁾ *Св. Григорій Богословъ* въ надгробн. словѣ Вас. В. Т. IV, с. 110. М. 1844 г.

³⁾ См. *Витринскій*. Памятники древн. христ. церкви. Т. II, стр. 204; 218—230.

храмъ Божій и время, посвященное въ немъ общественнымъ моленіямъ и священнодѣйствіямъ, почитаетъ самымъ дорогимъ для себя временемъ (Пс. 25, 8 и др.)—входитъ сюда въ благопристойномъ видѣ и присутствуетъ здѣсь съ такимъ благоговѣніемъ, которое бы соотвѣтствовало святости мѣста таинственнаго обитанія Божія (Пс. 5, 8). „Возрадовался я, когда сказали мнѣ: поидемъ въ домъ Господень“ (Пс. 121, 1)—вотъ какъ одинъ изъ древнихъ св. мужей выражалъ свои чувства относительно храма Божія.

Питая любовь и уваженіе къ храмамъ Божиимъ, мы должны заботиться о такомъ внѣшнемъ ихъ благолѣпіи, которое бы могло возбуждать въ каждомъ изъ насъ чувства высокія и небесныя. Въ церковныхъ собраніяхъ „вся благообразно и по чину да бываютъ“ (1 Кор. 14, 40). Хотя вся „слава“ Церкви „внутри ея“, въ живомъ союзѣ вѣрующихъ между собою, подъ общею всѣмъ главою Христомъ-Спасителемъ, однакожъ и внѣшнее благоукрашеніе, насколько оно возможно, должно соотвѣтствовать тому, что совершается во славу Божию. Церковь желаетъ, чтобы мѣста Богослуженія по самому виду своему возможно болѣе отвѣчали высокому назначенію своему, чтобы въ храмѣ стоящіе дѣйствительно „мнили“ стоять на небѣ, какъ поется въ одной церковной пѣснѣ: „въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ“. Мудрѣйшій изъ царей израильскихъ Соломонъ приложилъ наиболѣе старанія къ построенію, достойнаго величія Божія, храма, и Господь не только не отвергъ этого величественнаго храма, но и чудеснымъ образомъ проявилъ Свое благоволеніе при его освященіи (3 Цар. 8, 10—11).

Но для внѣшняго церковнаго благоустройства необходимы матеріальныя средства, тѣмъ болѣе, что, хотя оно предпринимается во имя Бога и ради Бога, но не остается безъ плода и для нашихъ ближнихъ. Жертва, даруемая на украшеніе храма Божія, не только содѣйствуетъ поддержанію храма въ приличномъ видѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, устроая благолѣпіе церковное, способствуетъ возвышенію нравственнаго настроенія и духовнаго утѣшенія въ тысячахъ людей, приходящихъ молиться въ благолѣпномъ храмѣ. Поэтому христіане должны охотно содѣйствовать благосостоянію храмовъ Божіихъ, а равно и ихъ служителей посильными жертвами. Такія пожертвованія мы видимъ уже въ Ветхомъ

Завѣтъ (Исх. 35, 20—29; 36, 4—7; 1 Пар. 29, 9). Примѣръ тому въ Новомъ Завѣтѣ имѣемъ въ лицѣ бѣдной вдовы, положившей въ даръ Богу отъ скудости своей двѣ лепты (Мрк. 12, 41—44; Лук. 21, 1—4), и въ Лицѣ Самого Спасителя, Который, хотя и считалъ Себя, какъ Сына Божія, свободнымъ отъ храмовой подати, тѣмъ не менѣе уплатилъ на храмъ требующуюся отъ всякаго іудея дидрахму (Мѡ. 17, 24—27). И св. Церковь молится о создателяхъ св. храмовъ, почитая ихъ достойными присной памяти“, а также о всѣхъ „плодоносящихъ и добродѣющихъ“ для храмовъ, равно какъ и для „труждающихся и поющихъ въ нихъ“. Самъ Господь ясно даетъ понять, что служители Церкви имѣютъ право на матеріальную помощь себѣ отъ христіанъ. Совѣтуя Своимъ ученикамъ, отправлявшимся на проповѣдь, не брать съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни сумы, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха, Онъ говоритъ: „трудящійся достоинъ пропитанія“ (Мѡ. 10, 9—10). Мысль Спасителя повторяется и ап. Павломъ: „развѣ не знаете“,—пишетъ онъ,—„что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія“ (1 Кор. 9, 13—14). Внушая намъ заботу о матеріальныхъ нуждахъ служителей алтаря, Церковь имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, нашу же пользу, такъ какъ только при этомъ условіи они могутъ безпрепятственно исполнять свое святое дѣло при храмѣ. Ап. Павелъ, выражая Филиппійцамъ радость свою по поводу ихъ попеченія о его нуждахъ, въ то же время говоритъ, что радуется „не потому, чтобы я искалъ даянія; но ищу плода умножающагося въ пользу вашу“ (Филип. 4, 10—17).

Такимъ образомъ, приношеніе, дѣлаемое духовному пастырю, есть не только справедливое воздаяніе за трудъ, подобающее всякому трудящемуся, но вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ средствъ къ поддержанію пастыря въ томъ приличномъ положеніи, какое нужно ему для того, чтобы имѣть болѣе нравственнаго вліянія на пастѣу.

Почитая храмъ Божій, какъ мѣсто общественнаго Богослуженія, мы естественно должны *почитать* и всѣ его *святыни*, которыя служатъ для насъ освященными орудіями благодатныхъ дѣйствій, подобно тому какъ въ Вѣхомъ За-

вѣтъ ковчегъ Завѣта и другія принадлежности Скиніи освящали прикасающихся (Исх. 30, 29; Чис. 10, 31; 2 Цар. 6, 11), или какъ нѣкогда одежды Спасителя исцѣляли больныхъ (Мѡ. 9, 20—22; 14, 36), или какъ одежды апостоловъ были орудіемъ различныхъ исцѣленій (Дѣян. 19, 11—12; 5, 15—16). Въ храмѣ особенно почитаются честный крестъ, св. евангеліе, св. иконы и св. мощи.

Честный *крестъ*, какъ орудіе „страданій и смерти Іисуса Христа, особенно благоговѣнно почитается вѣрующими. „Я не желаю хвалиться, развѣ только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа“,—писалъ ап. Павелъ,—„которымъ для меня міръ распятъ и я для міра“ (Гал. 6, 14. Ср. 1 Кор. 1, 17—18). Изначала въ Церкви Христовой крестъ служилъ ¹⁾ и теперь служитъ священнымъ знаменіемъ нашего спасенія, предъ которымъ преклонялись и преклоняются вѣрующіе, какъ предъ великою святынею. Вещественное изображеніе креста въ христіанскихъ храмахъ представляется вездѣ, какъ до-стопоклоняемый памятникъ нашего искупленія: полагается на престолѣ (иногда ставится и за престоломъ), вѣнчается собою иконостасъ и куполь храма; онъ дается каждому при крещеніи для постояннаго ношенія на тѣлѣ и служитъ какъ бы печатью всѣхъ предметовъ, посвященныхъ Богу; ему посвящаются особы пѣснопѣнія церковныя, въ честь его совершаются Церковію особы празднества ²⁾).

Св. *евангеліе* издревле составляло предметъ предпочтительнаго предъ прочими свящ. книгами благоговѣннаго почитанія для вѣрующихъ. Заключая въ себѣ благу ю вѣсть о Спасителѣ и совершенномъ Имъ спасеніи, оно естественно напоминало имъ о Самомъ Спасителѣ, и они всегда взирали на него съ особенною вѣрою, и свое благоговѣніе къ нему выражали въ различныхъ знакахъ и дѣйствіяхъ. Такъ, въ храмѣ Евангеліе читали только лица освященныя, а не простые чтецы. При чтеніи его всѣ вѣрующіе, не только народъ,

¹⁾ См. *Минуцій Феликсъ*, „Октавій“, гл. 9, 12, 29. Сочиненія древн. христ. апологетовъ. Москва, 1868 г. *Оригенъ*, *Contra Cels.* 1. 11, п. 47. *Тертул.*, *Apolog.* с. 16; VI вселенск. собора прав. 73. См. Правила св. вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Изд. Москов. Общ. люб. дух. просвѣщенія. М. 1900 г., стр. 277—278.

²⁾ См. *Остроумова Ст.* „Православное почитаніе животворящаго креста и св. иконъ“. „Вѣра и Разумъ“ 1897 г., № 15.

но и пастыри, стояли въ глубокомъ молчаніи съ наклоненными головами, въ знакъ всецѣлой покорности Господу ¹⁾. Предъ чтеніемъ евангелія и днемъ возжигали свѣтильники ²⁾, и епископъ стоя выслушивалъ чтеніе его, знаменуя тѣмъ присутствіе Самого Верховнаго Пастыреначальника и Владыки ³⁾. По прочтеніи евангелія, пастыри давали цѣловать его народу ⁴⁾. Въ настоящее время, кромѣ того, по произнесеніи присяги вѣрующіе цѣлуютъ евангельскія письмена, какъ слова Самого Христа Спасителя.

Св. *иконами* называются живописныя изображенія Самого Бога въ томъ видѣ, какъ Онъ являлся нѣкоторымъ изъ св. пророковъ (Исаи, Іереміи, Іезекіилю и др.), изображенія воплотившагося Сына Божія, какъ явился людямъ на землѣ, Пресвятой Матери Его и другихъ святыхъ и ангеловъ, равно какъ и изображенія священныхъ событій изъ исторіи царства Божія на землѣ. Естественное чувство любви требуетъ особеннаго вниманія и уваженія къ изображеніямъ тѣхъ лицъ, которыя дороги сердцу. И потому, если мы дорожимъ изображеніями нашихъ земныхъ благодѣтелей и покровителей, то тѣмъ болѣе дороги и священны должны быть для насъ изображенія небесныхъ покровителей и особенно Самого Господа, Творца и Спасителя нашего. Будучи глубоко естественнымъ, почитаніе св. иконъ и весьма полезно для насъ, потому что онѣ, напоминая намъ о своихъ первообразахъ съ одной стороны, воспроизводятъ въ нашей памяти величайшія ихъ благодѣянія, явленныя ими роду человѣческому посредствомъ ихъ ученія, примѣра, молитвы къ Богу и различныхъ чудотвореній, съ другой—возбуждаютъ насъ къ благодарному о нихъ воспоминанію, къ выраженію нашего къ нимъ благоговѣнія и къ подражанію ихъ святой жизни, служа, такимъ образомъ, для насъ истиннымъ училищемъ благочестія, и чрезъ то привлекаютъ къ намъ благоволеніе Божіе и нерѣдко дѣлаются орудіями особенной благодати Божіей (чудотворныя иконы) ⁵⁾.

1) См. Постановленія Апостольск. кн. II, гл. 57.

2) *Бл. Іеронимъ*. Прот. Вишл. гл. 3.

3) *Св. Исидоръ Пелусіотъ*. Пис. 136, Творенія, ч. I. М., 1859 г., стр. 91—92.

4) Свидѣтельство *св. Софронія Іерусалимскаго*, см. „Христ. Чт.“, 1855 г., авг., стр. 284—285.

5) См. *Стефана Яворскаго*. Камень вѣры, т. I, ч. I. гл. 3—5.

Есть сектанты, которые утверждаютъ, что почитаніе иконъ запрещается второю заповѣдію закона Божія, какъ идолопоклонство (Исх. 20, 4—5). Но эта заповѣдь запрещаетъ дѣлать истуканы или кумиры, почитать ихъ богами, поклоняться и служить имъ, какъ истинному Богу, но нисколько не запрещаетъ почитанія св. иконъ. Иконы отличаются отъ кумировъ тѣмъ, что послѣдніе суть изображенія какой-нибудь твари, или какого-нибудь вымышленнаго существа, въ которыхъ видятъ Бога и которымъ поклоняются и служатъ вмѣсто Бога; а иконы суть изображенія истиннаго, хотя и невидимаго, Бога и святыхъ Его, жившихъ нѣкогда на землѣ, а теперь живущихъ на небѣ и ходатайствующихъ о насъ предъ Богомъ. Идолопоклонники боготворятъ самые кумиры; христіане же, почитая св. иконы, не считаютъ ихъ богами, и не къ веществу ихъ, изъ котораго сдѣланы, привязываютъ свое вниманіе, а при поклоненіи возносятся духомъ своимъ къ самымъ святымъ лицамъ и событіямъ, изображеннымъ на нихъ ¹⁾. Наконецъ, если бы почитаніе св. иконъ противорѣчило второй заповѣди, то Самъ Богъ не повелѣлъ бы поставить золотыя изображенія Херувимовъ въ святомъ святыхъ надъ ковчегомъ завѣта, куда народъ обращался съ молитвою, и ковчегъ завѣта и все принадлежности Скинии не были бы предметомъ благоговѣйнаго почитанія (Исх. 25, 10—22; 30, 26—29; Числ. 10, 34—35; 2 Цар. 6, 11). А между тѣмъ указанное повелѣніе дано было тому же пророку Моисею, чрезъ котораго дана была заповѣдь, запрещающая боготвореніе кумировъ, и при томъ дано было въ одно и то же время съ этимъ запрещеніемъ. Вотъ почему христіанское почитаніе иконъ современно самому началу христіанства. Такъ, Іисусъ Христосъ, по преданію, нерукотворенно изобразилъ на платѣ Образъ Свой и отдалъ его живописцу, бывшему въ числѣ пословъ къ Нему отъ Авгаря, владѣльца Едесскаго, который, находясь въ тяжелой болѣзни, просилъ Господа посѣтить и исцѣлить его ²⁾. По другому преданію, евангелистъ Лука написалъ изображеніе Спасителя, Божіей Матери, св. Апостоловъ и Пророковъ ³⁾.

¹⁾ См. кн. Прав. VII вселенск. собора.

²⁾ *Евагріій. Hist. Ecclē IV, с. 27. Иоаннъ Дамаскинъ. Излож. прав. вѣры, т. IV, гл. 16.*

³⁾ *Иоаннъ Дамаскинъ, Epist. ad Theoph. imper. n. 4. Ср. „Нов. Скрижаль“, гл. XII, f. 3.*

Св. *мощи* мы почитаемъ, какъ чистые сосуды Благодати Божіей. Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранилась благовонная масть,—говорить великій отечественный богословъ,—заимствуетъ отъ нея силу благоуханія, такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитала благодатная сила Христова, проникается ею во всемъ составѣ своемъ и даже благоухаетъ ею на другихъ“¹⁾. Самъ Богъ внушаетъ почтеніе къ св. мощамъ, вопреки всеобщему закону тлѣнія, прославляя ихъ нетлѣніемъ (Пс. 15, 10; Ис. 58, 11; Сир. 46, 14; 49, 12) и сообщая имъ даръ исцѣленія отъ болѣзней и другія благодатныя дѣйствія для вѣрующихъ (4 Цар. 13, 21; Дѣян. 19, 12)²⁾. VII вселенскій соборъ мощи святыхъ называетъ источниками исцѣленій и не почитающихъ ихъ подвергаетъ наказанію³⁾. Православная Церковь искони выражала почтеніе св. мощей благоговѣйнымъ собираніемъ и храненіемъ ихъ, торжественнымъ обрѣтеніемъ и перенесеніемъ ихъ, установленіемъ праздниковъ въ память ихъ обрѣтенія и перенесенія⁴⁾, созиданіемъ надъ ними храмовъ или алтарей; и постояннымъ правиломъ поставляла—полагать мощи святыхъ въ основаніе св. алтарей, и безъ того не освящать храмовъ⁵⁾ Въ послѣднемъ случаѣ она, очевидно, руководствовалась откровеніемъ, бывшимъ ап. Іоанну, который видѣлъ на небѣ жертвенникъ, а „подъ жертвенникомъ души убиенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли“ (Апок. 6, 9). Поэтому въ чинѣ освященія храма крови св. мучениковъ, послѣ крови Христовой, усвоется значеніе какъ бы втораго основанія Церкви, и она именуется багрянницею и виссономъ⁶⁾.

Проф.-Прот. Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).

1) *Филаретъ*, митр. Москов. „Слова и рѣчи“. Изд. 1848 г., т. I, стр. 297.

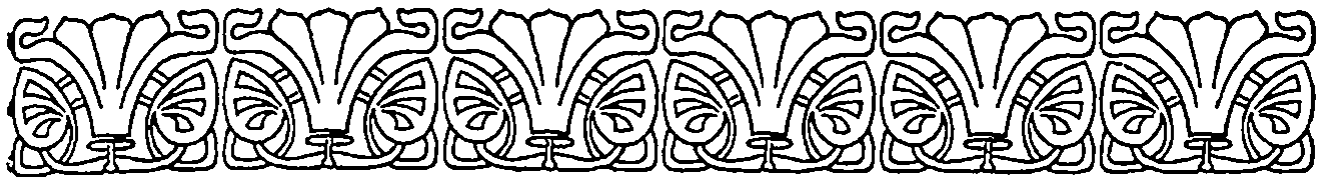
2) См. объ этомъ *Д. Н. Протопопова*. Москва, 1889 г.

3) Прав. 7. Прав. св. вселен. соб. М. 1900 г., стр. 432—433.

4) См. „Христ. Чт.“ 1821 г., кн. 2, стр. 138; 1822, кн. 12, стр. 355.

5) VII вселен. соборъ прав. 7.

6) Тропарь при крестномъ ходѣ. Кромѣ цитированныхъ сочиненій о почитаніи св. мощей можно читать въ слѣдующихъ изданіяхъ: *Вишневскаго*, „Апология истины нетлѣнія св. мощей“. Кіевъ, 1896 г.; *Властова*, „О нетлѣнии св. мощей“, 1890 г.; *о. Г. Ключарева*, „Въ защиту почитанія нетлѣнныхъ мощей“. Ставрополь, 1903 г. и др.

Вселенскій соборъ и римскій папа.

(Окончаніе) *).

V.

Насколько охотно ссылаются римляне на дѣянія Халкидонскаго собора, якобы говорящія въ пользу ихъ мнѣнія о вселенскомъ главенствѣ римскаго епископа въ эпоху вселенскихъ соборовъ,—настолько же не любятъ они V вселенскаго собора, который въ корнѣ разрушаетъ всѣ хитрыя построенія ультрамонтановъ, пытающихся обосновать свою теорію папства на фактахъ исторіи вселенскихъ соборовъ. Этотъ соборъ дѣйствительно крайне униженъ для папской власти въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ теперь католики, и поэтому они не только не сохранили дѣяній его на греческомъ языкѣ, но даже въ изданіи соборовъ выкинули тѣ мѣста, которыя казались оскорбительными для чести Вигилія или римскаго престола¹⁾. Но факты все же остаются фактами для безпристрастнаго историка, какъ бы ихъ не искажали и не наклоняли въ свою пользу тѣ, кому это нужно.

Поэтому не требуется большихъ усилій доказать прежде всего то, что V вселенскій соборъ, подобно четыремъ предшествовавшимъ, не былъ созванъ папою. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ собору и тѣсно съ нимъ связаннымъ. Мы постараемся передать ихъ возможно кратче.

Императоръ Юстиніанъ, поставившій своею задачей присоединить монофизитовъ къ православію, разослалъ ко всѣмъ епископамъ эдиктъ, въ которомъ осуждалось „Три главы“ съ требованіемъ подписать его. Восточные епископы

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12 за 1914 г.

¹⁾ Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ кафедрахъ.

согласились на это осужденіе, но западные во главѣ съ папою Вигиліемъ составили сильную оппозицію эдикту императора и категорически отказались подписать осужденіе „Трехъ главъ“. Противодѣйствіе западныхъ епископовъ сильно смутило императора и онъ въ 547 году вызвалъ въ Константинополь Вигилія, надѣясь склонить его къ осужденію „Трехъ главъ“. И дѣйствительно, Вигилій былъ вынужденъ подписать это осужденіе и склонилъ къ этому хитростью и прибывшихъ съ нимъ епископовъ. Но этотъ поступокъ Вигилія вызвалъ крайнее возмущеніе на западѣ, и онъ на Карѳагенскомъ соборѣ (551 г.) епископами Африки, Илирики и Далматинъ былъ торжественно отлученъ отъ общенія. Вигилій, необыкновенно испуганный излившимся на него осужденіемъ, смиренно просилъ императора созвать вселенскій соборъ для прекращенія разногласія. Уступая просьбамъ папы, Юстиніанъ и созвалъ въ 553 году соборъ, разославши отъ своего имени пригласительныя грамоты къ епископамъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что папа Вигилій не приписывалъ себѣ права созывать собора, а обращается за этимъ къ императору. Сказаннымъ мы убѣждаемся также и въ томъ, что папа Вигилій не считалъ себя непогрѣшимымъ и авторитетнымъ учителемъ вѣры, но запутавшись въ противорѣчіяхъ, снѣшитъ прибѣгнуть къ вселенскому собору, въ немъ одномъ усматривая непогрѣшимаго и авторитетнаго судью.

Самъ побуждая императора къ созванію собора, Вигилій однако же отказался на немъ присутствовать, не смотря на усиленные и почтительныя просьбы отцовъ собора, умолявшихъ его принять предсѣдательство, какъ епископа славнѣйшей апостольской кафедрѣ. Свой отказъ Вигилій мотивировалъ тѣмъ, что на соборѣ западные епископы присутствуютъ—де не въ столь большомъ количествѣ, какъ восточные. Ему замѣтили, что въ Константинополѣ было больше тогда западныхъ епископовъ, чѣмъ на другихъ вселенскихъ соборахъ. Когда же Вигилій продолжалъ упорствовать, соборъ открылъ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Евтихія, архіепископа Константинопольскаго.

Итакъ, на пятомъ соборѣ папа не только не предсѣдательствуетъ самъ лично, хотя имѣлъ къ тому полную возможность, но даже не имѣетъ на соборѣ своихъ легатовъ.

Отказавшись принять непосредственное участіе въ соборныхъ совѣщаніяхъ, папа Вигилій тѣмъ не менѣе отослалъ собору свое мнѣніе „о трехъ главахъ“, въ которомъ снова воспротивился ихъ осужденію и такимъ образомъ въ третій разъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Какъ же соборъ отнесся къ папѣ Вигилію, отказавшемуся явиться на соборныя совѣщанія и не приславшему даже своихъ легатовъ?

Отцы собора, видя упрямство Вигилія, вынесли ему такой приговоръ: „Если вы не хотите поступить согласно съ тѣмъ, что нами опредѣлено въ перепискѣ, и прибыть на соборъ, то пусть вѣдаетъ ваше блаженство, что мы и одни должны, собравшись вмѣстѣ, объявить наше мнѣніе. Ибо и несправедливо какъ благочестивѣйшаго императора, такъ и вѣрный народъ подвергать соблазну изъ-за того, что дѣло откладывается тогда, когда отвѣтъ на половину готовъ“¹⁾. Вотъ приговоръ, ясно показывающій, что вселенскій соборъ въ себѣ одномъ и только въ себѣ видѣлъ непогрѣшимаго и авторитетнаго судью въ спорныхъ вопросахъ вѣры. Этотъ приговоръ съ убѣдительностью говоритъ также и о томъ, что не въ присутствіи папы или папскихъ легатовъ на соборѣ отцы собора усматривали въ послѣднемъ характеръ вселенскости.

Мало того, что V соборъ вопреки папскому желанію осудилъ проникнутыя несторіанскими идеями сочиненія „трехъ главъ“ и анаематствовалъ Иву и Θεодора, онъ и самого папу Вигилія согласно волѣ императора исключилъ изъ церковныхъ диптиховъ²⁾. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ соборъ ясно показалъ, какъ далека была отъ него мысль о непогрѣшимости римскаго епископа,—мысль, которую навязываютъ ему римляне.

Но особенно рельефно выразили свой взглядъ отцы собора на необходимость въ церкви вселенскихъ соборовъ, какъ единственнаго средства узнать истину въ вопросахъ вѣры, на послѣднемъ засѣданіи. Въ подтвержденіе своего взгляда они ссылались на примѣръ апостольскаго собора въ Іерусалимѣ и на примѣръ отцовъ первыхъ четырехъ

¹⁾ Дѣянія соборовъ, т. V, стр. 47—48.

²⁾ „Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ кафедрахъ“.

соборовъ, сообща рѣшавшихъ вопросы относительно еретиковъ.

Въ заключеніе отцы собора изрекли: „если кто дерзнетъ вопреки тому, что мы благочестиво изложили, или передавать или учить или писать, такой, если будетъ епископъ или клирикъ, да будетъ лишенъ епископства и клира, какъ дѣлающій чуждое священникамъ и церковному состоянію, а если монахъ или мірянинъ, да будетъ анаемствованъ“¹⁾. Не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы ясно увидѣть въ этомъ опредѣленіи угрозу со стороны собора папѣ Вигилію, хотя имя его и не упоминается здѣсь.

Долго Вигилій не хотѣлъ соглашаться съ опредѣленіями собора, осудившаго его самого и его мнѣнія. Но, наконецъ, онъ понялъ, что ошибался, защищая дурное ученіе подъ предлогомъ уваженія къ Халкидонскому собору. Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ закрытія собора, Вигилій смиренно писалъ „возлюбленному брату своему Евтихію“ письмо, въ которомъ сознавался, что онъ нарушилъ любовь, отдѣлившись отъ братьевъ; что, защищая свое ученіе, онъ былъ орудіемъ въ рукахъ діавола; но что теперь Христосъ Богъ отклонилъ всякое смущеніе отъ мыслей его²⁾. Такимъ образомъ Вигилій присоединился къ соборному рѣшенію.

О чемъ же свидѣтельствуетъ такое поведеніе папы Вигилія? Оно ясно говоритъ намъ, что самъ Вигилій считалъ возможнымъ для папы заблуждаться; что смиренно подчинившись соборному авторитету, Вигилій тѣмъ самымъ поставилъ послѣдній неизмѣримо выше собственнаго,—папскаго.

Итакъ V вселенскій соборъ не былъ созванъ и не находился подъ предсѣдательствомъ римскаго епископа, хотя и присутствовавшего въ городѣ, гдѣ этотъ соборъ засѣдалъ. Засѣданія этого собора происходили не только безъ этого епископа, но и противъ него. Однако же опредѣленія этого собора были признаваемы каноническими и самъ папа, какъ мы видѣли, подчинился имъ. Такимъ образомъ соборъ собирался безъ папы и противъ папы и все же имѣлъ вселенскій характеръ.

VI.

Римъ, при своемъ стремленіи къ увеличенію власти, воспользовался моноелитскими спорами въ церкви Восточной,

¹⁾ Дѣянія соборовъ, т. V, стр. 381.

²⁾ Дѣянія соборовъ, т. V, стр. 404—405.

чтобы приписать себѣ вселенское господство въ церкви въ силу мнимаго „преемства его отъ апостола Петра“. Эта формула болѣе и болѣе приходила въ употребленіе въ Римѣ съ половины VII вѣка, и папа Мартинъ по преимуществу способствовалъ ея закрѣпленію. Онъ приписывалъ себѣ власть, которою никогда не пользовались его предшественники, низлагая безъ всякаго формальнаго слѣдствія епископовъ; мало того,—воспользовавшись еретичествомъ константинопольскихъ патріарховъ, онъ на востокъ посылаетъ Іоанна епископа Филадельфійскаго, именуя его своимъ викаріемъ восточныхъ церквей.

Естественно было, что первые захваты папства возбудили сильную реакцію противъ себя на востокѣ. Церкви западная и восточная прекратили официальные сношенія между собою, низлагая и анаематствуя одна у другой предстоятелей.

Такъ продолжалось это, пока на престолъ не вступилъ императоръ Константинъ Пагонатъ, рѣшившій дать торжество православному ученію о воляхъ во Христѣ и примирить враждующія каеедры Запада и Востока. Единственное средство для этого императоръ усматриваетъ въ вселенскомъ соборѣ и поэтому разсылаетъ епископамъ грамоты, приглашая ихъ собраться въ Константинополь. Была послана приглашительная грамота и папѣ Дону, въ которой очень ясно и опредѣленно было сказано,—что для рѣшенія догматическихъ и церковныхъ вопросовъ не достаточно опредѣленія одного римскаго папы, но „необходимъ соборъ обоихъ престоловъ, дабы, сообразуясь съ опредѣленіями святыхъ пяти соборовъ... они достигли непоколебимаго убѣжденія и соединились во единыя уста и единое сердце“¹⁾. Эта грамота, уравнивая церковныя права предстоятелей двухъ великихъ церквей запада и востока, являлась также замѣчательнымъ отвѣтомъ папскимъ притязаніямъ на вселенское главенство.

Донъ скончался, когда императорское посланіе прибыло въ Римъ (679 г.). Оно было передано папѣ Агаѣону, созвавшему по этому случаю многочисленный соборъ для избранія легатовъ, которыхъ нужно было уполномочить для отправленія въ Константинополь.—Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ мы ясно усматриваемъ, что VI вселенскій соборъ былъ созванъ

¹⁾ Дѣянія соборовъ, т. VI.

не папою Агаѳономъ, а императоромъ Константиномъ; что самъ Агаѳонъ, не смотря на усиливавшуюся въ его преемникахъ по каѳедрѣ тенденцію—возвысить свое личное мнѣніе на степень непогрѣшимой, авторитетной истины;—самъ Агаѳонъ себя носителемъ непогрѣшимаго учительнаго авторитета не считалъ.

Легко и очень опредѣленно рѣшается также и вопросъ о предсѣдательствѣ на шестомъ вселенскомъ соборѣ.

Прежде всего, самъ папа Агаѳонъ, посылая легатовъ на соборъ, не претендуетъ или по крайней мѣрѣ не изъявляетъ желанія видѣть ихъ тамъ предсѣдателями. Это ясно видно изъ его грамоты къ императору, въ которой онъ смиренно проситъ принять его легатовъ „и благосклонно выслушать ихъ заявленіе“, именуя послѣднихъ людьми немудрыми (!), не обладающими знаніемъ Писаній и не краснорѣчивыми. Какъ не похожа эта смиренная просьба Агаѳона на горделивую заботливость папы Льва,—доставить предсѣдательство своимъ легатамъ на соборѣ Халкидонскомъ!

Наконецъ, если мы обратимся къ соборнымъ дѣяніямъ, то дѣйствительно увидимъ, что папскіе легаты не предсѣдательствовали на VI соборѣ, хотя и открыли его засѣданія своею рѣчью. Они занимали на немъ почетное мѣсто, равно какъ и Константинопольскій архіепископъ Георгій. Предсѣдательствовалъ же на соборѣ императоръ Константинъ. Засѣданія собора носили такую картину: въ царскомъ дворцѣ, такъ называемомъ Труллѣ, посрединѣ его возсѣдалъ императоръ Константинъ; по лѣвую сторону его засѣдали легаты римскаго и іерусалимскаго епископовъ; по правую же патріархи Константинополя и Антиохіи и легаты Александріи. Въ продолженіе многихъ засѣданій руководитъ разсужденіями собора императоръ, останавливая отцовъ собора на томъ или другомъ вопросѣ, подлежащемъ соборному изслѣдованію. Папскіе же легаты наравнѣ съ прочими епископами только высказываютъ свои мнѣнія, предлагая ихъ на разсмотрѣніе собора, но ни разу мы не слышимъ рѣчей въ родѣ тѣхъ, какія произносили папскіе легаты на IV вселенскомъ соборѣ: „мы имѣемъ повелѣніе отъ блаженнаго и апостольскаго епископа римской церкви, главы всѣхъ церквей“...

Шестой вселенскій соборъ крайне неблагопріятенъ для ультрамонтанской теоріи современнаго папства. Можно сказать

съ увѣренностью, что онъ, какъ и V вселенскій соборъ, въ самомъ корнѣ разрушаетъ ее.

И дѣйствительно, осудивши многочисленными анаематствованіями вмѣстѣ съ прочими еретиками-епископами и папу Григорія, соборъ тѣмъ самымъ прежде всего показалъ, что ему ничего не было извѣстно о непогрѣшимости римскаго епископа. А затѣмъ, новымъ разборомъ дѣла и новымъ осужденіемъ еретиковъ—Кира, Сергія, Павла и Пирра шестой вселенскій соборъ прекрасно отвѣтилъ и на притязанія папы Мартина, дерзнувшаго въ такихъ выраженіяхъ подписаться подъ осужденіемъ указанныхъ еретиковъ на Римскомъ соборѣ 649 года: „Мартинъ, милостію Божіею епископъ св. каѳолической и апостольской церкви города Рима, подписываюсь, какъ судья, подъ этимъ опредѣленіемъ“. ¹⁾ Именно—соборъ показалъ, что юрисдикція римскаго епископа не распространяется на вселенскую церковь; что правомъ суда во всей его полнотѣ обладаетъ только вселенскій соборъ; только послѣдній есть высшая судебная инстанція, рѣшенія которой безапелляционны.

Съ выраженіемъ глубокаго уваженія къ личнымъ достоинствамъ папы Агаѳона и первенству его престола у отцовъ шестого вселенскаго собора мы совершенно не замѣчаемъ какой-либо подчиненности, противной правиламъ церкви. Мало того, мы не встрѣчаемъ теперь даже и тѣхъ пышныхъ титуловъ, которыми награждали римскаго папу на IV вселенскомъ соборѣ, ни въ рѣчахъ его легатовъ, ни въ рѣчахъ и посланіяхъ къ папѣ отцовъ собора. Послѣдніе въ своей грамотѣ къ епископамъ римской церкви именуютъ папу Агаѳона только „первопрестольникомъ вселенской церкви“, а не главою ея. Не считаетъ папу таковымъ и императоръ Константинъ,—предсѣдатель собора. Такъ въ грамотѣ къ папѣ Льву, говоря о созваніи имъ шестого вселенскаго собора, онъ пишетъ: „когда же по нашему приглашенію и повелѣнію сошлись и собрались у нашей благочестивой свѣтлости представители вашего блаженства, и сопрестольные ему, слѣдующіе за нимъ святѣйшіе патріархи..., мы входили въ разсужденія о вѣрѣ“ ²⁾ Эти выраженія императора очень опредѣленно говорятъ намъ, что послѣдній,

¹⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1894 г., т. 17, стр. 308.

²⁾ Дѣянія соборовъ, т. VI, стр. 286.

отдавая полное уваженіе преимуществамъ римскаго первосвященника, все же видитъ въ немъ только перваго между равными ему;—говоря проще,—поставляя папу первымъ въ епископатѣ, императоръ уравниваетъ его однако въ церковныхъ правахъ съ прочими патриархами. А что императоръ Константинъ смотрѣлъ на римскаго епископа глазами вселенскаго собора, объ этомъ свидѣтельствуется 36 правило пято-шестого вселенскаго собора, уравнивавшее Константинопольскаго патриарха въ его правахъ и преимуществахъ съ епископомъ древняго Рима и ограждавшее права прочихъ патриаршихъ кафедръ Востока.

Такъ шестой вселенскій соборъ отвѣтилъ этимъ правиломъ на притязанія римскихъ папъ на главенство въ церкви.

Акты соборные, утвержденные подписью императора Константина, принималъ не папа Агафонъ, а Левъ II, торжественно присоединившійся къ дѣяніямъ собора письмомъ отъ 7 мая 683 года. Въ этомъ письмѣ мы можемъ между прочимъ читать слѣдующія строки, говорящія о томъ, что папа Левъ не утверждалъ собора, а только присоединился къ его рѣшеніямъ, какъ представитель западной церкви: „поелику онъ (соборъ)... обстоятельно проповѣдалъ опредѣленіе православной вѣры, которое съ почтеніемъ принялъ апостольскій престолъ блаженнаго апостола Петра..,—пишетъ папа,—то и мы, а въ лицѣ нашемъ и сей достопочтенный апостольскій престолъ единомысленно и единокорно соглашается съ тѣмъ, что имъ (т. е. соборомъ) опредѣлено“¹⁾.

Итакъ факты, приведенные нами, достаточно ясны, чтобы всякому искреннему и безпристрастному человѣку видѣть, что шестой вселенскій соборъ не созывался папою; что папа на немъ не предсѣдательствовалъ; и что, наконецъ, самъ соборъ не вѣрилъ въ учительный авторитетъ римскаго епископа и не считалъ его главою вселенской церкви.

VII.

Седьмой вселенскій соборъ требуетъ къ себѣ особенно внимательнаго отношенія, какъ послѣднее торжественное соединеніе Востока и Запада за сто лѣтъ до ихъ окончательнаго разрыва. Необходимо тщательно выяснить тѣ взаимо-

¹⁾ Дѣянія соборовъ, т. VI, стр. 273.

отношенія, какія установились между вторымъ Никейскимъ соборомъ и папою Адрианомъ,—этимъ истиннымъ творцомъ современнаго папства,—въ виду того, что на VII вселенскій соборъ, равно какъ на IV, особенно охотно ссылаются ультрамонтаны.

При выясненіи этихъ взаимоотношеній мы должны строго различать слова папы Адриана и факты, которые имѣли мѣсто на соборѣ, придавая значеніе и вѣсъ только этимъ послѣднимъ. Безъ этого различенія мы можемъ впасть въ то заблужденіе, въ какое впади ультрамонтанскіе богословы, усматривающіе въ рѣчахъ папы Адриана свидѣтельство, якобы неопровержимо говорящее въ пользу папской теоріи.

Папа Адрианъ дѣйствительно очень опредѣленно въ своихъ грамотахъ къ императору и Тарасію предъявилъ свои права на вселенское господство въ церкви. Мы встрѣчаемъ у него, напримѣръ, такія выраженія: „мы очень удивились, пишетъ Адрианъ императору, увидѣвши, что въ вашемъ письмѣ Тарасію усвоается титулъ вселенскаго патріарха. Константинопольскій патріархъ не занималъ бы даже и второй степени безъ согласія на то нашего престола“. Или въ другомъ мѣстѣ: „—каѳедра св. Петра на всемъ земномъ шарѣ пользуется первенствомъ и учреждена съ тѣмъ, чтобы быть главою всѣхъ церквей... Наименованіе церкви вселенскою болѣе не должно относиться ни къ какой каѳедрѣ, кромѣ первой, всякій соборъ утверждающей своею властью ¹⁾“.

Мало того, пользуясь политическими обстоятельствами, высоко поднявшими его свѣтскій авторитетъ въ Римѣ, папа позволяетъ себѣ говорить и съ самимъ императоромъ въ такомъ тонѣ, какого мы не встрѣчаемъ въ прежнихъ папскихъ грамотахъ. Онъ прямо диктуетъ императору условія, какъ одно государство въ отношеніи къ другому, настаивая, напримѣръ, на возвращеніи конфискованныхъ императорами „вотчинъ св. Петра“. Папу привлекало уже не одно церковное главенство: его манила блестящая перспектива свѣтскаго владычества. У Адриана назрѣвала, подъ условіемъ политическихъ обстоятельствъ, идея папы,—раздаятеля царскихъ коронъ.

¹⁾ Ibid.

Вотъ съ какими притязаніями выступилъ передъ седьмымъ вселенскимъ соборомъ римскій первосвященникъ. Естественно казалось бы встрѣтить въ дѣянiяхъ соборныхъ нѣчто такое, что соотвѣтствовало бы смѣлымъ притязаніямъ этого уже на половину свѣтскаго владыки, что удовлетворяло бы ихъ. Но даже при поверхностномъ разсмотрѣніи ихъ мы ничего подобнаго тамъ не находимъ. Папскія притязанія, какъ ни громко и смѣло они были высказаны, такъ и остались притязаніями, не найдя себѣ подтвержденія въ дѣянiяхъ собора, руководившагося тѣми же древними апостольскими правилами, какъ и первые шесть соборовъ.

Предъ нами прежде всего тотъ твердый и историческій фактъ, что второй Никейскій 787 года соборъ былъ созванъ не папою Адрианомъ, а императрицею Ириною и по настоянію патріарха Константинопольскаго Тарасія. Замѣчательно при этомъ, что патріархъ Тарасій, побудившій императрицу созвать соборъ для прекращенія вражды между Востокомъ и Западомъ по вопросу иконопочитанія, именно въ немъ (соборѣ) полагалъ центръ католическаго единства, именуя также главою церкви Христа. Этотъ взглядъ очень характеренъ для Тарасія, какъ предсѣдателя собора, къ которому направлены были папскія притязанія на главенство въ церкви. О созваніи собора императрицей Ириной очень опредѣленно свидѣтельствуется ея грамота къ папѣ Адриану, въ которой она объявляетъ послѣднему, что вмѣстѣ съ сыномъ рѣшилась созвать соборъ. Полагая, что этого одного свидѣтельства вполне достаточно, чтобы судить о томъ, къ кому созванъ былъ седьмой вселенскій соборъ, мы не будемъ останавливаться на другихъ, въ большомъ количествѣ разбросанныхъ на страницахъ соборныхъ актовъ.

Судя по тону писемъ папы Адриана къ императрицѣ и патріарху Тарасію, можно было бы предположить, что на седьмомъ соборѣ будутъ предсѣдательствовать именно папскіе легаты; что они будутъ домогаться признанія за папою Адрианомъ всѣхъ его мнимыхъ преимуществъ; что въ этомъ смыслѣ они будутъ руководить и соборными совѣщаніями. Но обратившись къ соборнымъ актамъ, мы ничего тамъ не находимъ, что говорило бы о предсѣдательствѣ папскихъ легатовъ. Они, какъ мы видимъ, даже соборныхъ совѣщаній не открывали своею рѣчью, какъ это бывало на нѣкоторыхъ

прежнихъ соборахъ. Напротивъ, въ соборныхъ актахъ есть очень опредѣленные свидѣтельства о предсѣдательствѣ Тарасія, патріарха Константинопольскаго. Эти свидѣтельства мы усматриваемъ прежде всего въ рѣчи епископовъ Сициліи, которые при открытіи собора обратились къ нему съ такими словами: „считаемъ вполне приличнымъ этому святому и вселенскому собору и достойнымъ его дѣломъ, чтобы предсѣдатель святѣйшій архіепископъ царствующаго Константинополя, новаго Рима сдѣлалъ приличный приступъ къ вопросамъ, которые имѣютъ быть предметомъ изслѣдованій, и отворилъ двери къ преніямъ“¹⁾. Соборъ на это отвѣчалъ: „пусть будетъ удовлетворено желаніе святѣйшихъ епископовъ“. И Тарасіи открылъ соборныя совѣщанія своею вступительною рѣчью, въ которой указалъ на необходимость слѣдовать въ предпринимаемыхъ рѣшеніяхъ древнему церковному преданію.

Другое свидѣтельство, говорящее о предсѣдательствѣ патріарха Тарасія на седьмомъ вселенскомъ соборѣ мы почерпаемъ изъ посланія императрицы Ирины, читаннаго на соборѣ. Въ немъ императрица Ирина, излагая обстоятельства поставленія Тарасія на патріаршій престолъ, говоритъ: „всѣ единомысленно и единодушно подали голосъ за Тарасія, предсѣдательствующаго нынѣ въ санѣ первосвященника“²⁾. Изъ этого же посланія мы получаемъ представленіе о томъ положеніи, какое занимали на соборѣ папскіе легаты. Въ послѣднихъ строкахъ его императрица пишетъ: „мы получили посланіе, отправленное къ намъ Адріаномъ, святѣйшимъ папою древняго Рима, чрезъ его мѣстооблукителей, которые и засѣдаютъ вмѣстѣ съ вами“³⁾. Такимъ образомъ легаты римскіе занимали на соборѣ положеніе, равное со всѣми прочими епископами.

Полагаемъ, что приведенныя свидѣтельства очень опредѣленно указываютъ на лицо, предсѣдательствовавшее на седьмомъ вселенскомъ соборѣ.

Остается теперь еще выяснить,—какъ соборъ отвѣтилъ на притязанія папы Адріана,—смотрѣлъ ли онъ на него,

¹⁾ Дѣянія соборовъ, т. VII, стр. 37—38.

²⁾ Тамъ же, стр. 40.

³⁾ Дѣянія соборовъ, т. VII, стр. 41.

какъ на главу вселенской церкви, считалъ ли его непогрѣшимымъ носителемъ учительнаго авторитета.

Разрѣшеніе поставленныхъ вопросовъ мы находимъ въ тѣхъ же соборныхъ дѣяніяхъ. Они ясно показываютъ, что иное дѣло предъявлять притязанія, а иное,—какъ на нихъ отвѣчаютъ другіе.

Обходя молчаніемъ подобно отцамъ Халкидонскаго собора напыщенные и горделивыя выраженія папскихъ грамотъ о мнимыхъ правахъ и преимуществахъ римскаго епископа,—чтобы не раздувать вновь вражды между церквами,—соборъ рѣчами своего предсѣдателя, грамотою императрицы и другіи своими дѣйствіями однако показываетъ, что ему ничего неизвѣстно о вселенскомъ главенствѣ папы Адріана. Такъ грамота императрицы Ирины, читанная на соборѣ, очень опредѣленно указываетъ, что папѣ въ церковно-административномъ отношеніи подчинена только одна извѣстная область, а не вся вселенская церковь. Именно императрица, приводя рѣчи патріарха Тарасія, говорившія въ пользу его поставленія въ патріархи, останавливается на слѣдующихъ его словахъ: „умоляю созвать соборъ вселенскій, какъ изъ всѣхъ мѣстъ, управляемыхъ папою римскимъ, такъ и изъ тѣхъ, откуда могутъ послать мужей своихъ высшіе святители восточные“¹⁾: Эти слова патріарха Тарасія очень ясно говорятъ, что на Востокѣ не придавали никакого значенія притязаніямъ римскаго епископа на вселенское господство въ церкви и считали его только перво-епископомъ западной церкви.

Другое свидѣтельство, представляющее прекрасный отвѣтъ собора притязаніямъ папы Адріана на вселенское господство въ церкви, мы встрѣчаемъ въ словахъ епископа Анкирскаго Василія, которыя въ виду ихъ важности заслуживаютъ быть приведенными буквально. Епископъ Анкирскій Василій, раскаиваясь въ иконоборческомъ заблужденіи и направляя свое исповѣданіе вѣры ко всѣмъ предстоятелямъ славнѣйшихъ каедръ, говорилъ: „Я, Василій, епископъ города Анкира, желая присоединиться къ каеолической церкви, даю это письменное исповѣданіе Адріану, святѣйшему папѣ древняго Рима и блаженнѣйшему патріарху

¹⁾ Дѣянія соборовъ, т. VII, стр. 40

Тарасію и святѣйшимъ апостольскимъ престоламъ, то-есть Александрійскому, Антиохійскому и Святого града“¹⁾). Это столь православныя слова, одобренныя св. соборомъ, наглядно показываютъ, что соборъ не смотрѣлъ на римскаго папу, какъ на центръ католическаго единства, какъ на источникъ католической власти; что единство и власть онъ видитъ только въ единодушїи священнаго общества.

Не считая папу Адриана главою вселенской церкви, седьмой вселенскій соборъ не признавалъ за нимъ и учительнаго авторитета, который могъ бы быть поставленъ выше авторитета соборнаго. Это очень легко усматривается въ слѣдующемъ фактѣ, содержащемся въ соборныхъ дѣянїяхъ. Когда легаты римскіе по прочтенїи посланїя папы Адриана спросили у патріарха Тарасїа, — согласенъ ли онъ съ послѣднимъ, — то Тарасїй отвѣтилъ: „Адрианъ, предстоятель древняго Рима и преемникъ верховныхъ апостоловъ... ясно показалъ, что онъ вполне содержитъ древнее преданїе католической церкви. И сами мы, на основанїи писанїй... ученїя отцовъ, изслѣдовавъ истину, исповѣдали, исповѣдуемъ и будемъ исповѣдовать то же самое“. Отцы собора вслѣдъ за Тарасїемъ воскликнули: „весь соборъ такъ учитъ“. Затѣмъ, когда папскіе легаты вновь обратились къ собору съ словами: „пусть скажетъ намъ святой соборъ: „принимаетъ ли онъ посланїе святѣйшаго папы древняго Рима“, — соборъ отвѣчалъ: „допускаемъ и принимаемъ“²⁾). Итакъ мы видимъ, что соборъ не считается съ притязанїями папы на признанїе за нимъ непогрѣшимаго авторитета, а находитъ нужнымъ разсмотрѣть его грамоту и утверждаетъ ее только потому, что ученїе, содержащееся въ ней, согласно съ св. писанїемъ и преданїемъ св. отцовъ.

Заканчивая обзоръ соборныхъ дѣянїй, очень рельефно отражающихъ взглядъ отцовъ седьмого собора на права и преимущества римскаго первосвященника, мы позволимъ себѣ остановиться еще на одномъ свидѣтельствѣ, въ которомъ всякій безпристрастный историкъ увидитъ очень опредѣленный отвѣтъ на притязанїя папы Адриана. Свидѣтельство это содержится въ грамотѣ патріарха Тарасїа „святѣйшему и блаженнѣйшему брату и сослужителю папѣ Адриану“. Сказавши ему о козняхъ еретическихъ и о препятствїяхъ, быв-

¹⁾ Дѣянїя соборовъ, т. VII.

²⁾ Дѣянїя соборовъ, т. VII, стр. 80.

шихъ для соединенія собора, Тарасій говоритъ, — что, наконецъ, „пришли всѣ епископы въ городъ Никею съ легатами римскими и намѣстниками восточными. Когда же мы заняли мѣста, то сдѣлали главою Христа; потому что на святомъ престолѣ лежало св. евангеліе“¹⁾. Такимъ образомъ патріархъ Тарасій, ранѣе обходившій молчаніемъ напыщенныя и горделивыя выраженія папскихъ грамотъ, читанныхъ на соборѣ, — чтобы не раздувать готовой потухнуть распри между церквями; — теперь приведенными словами своей грамоты, прямо отвѣчаетъ папѣ Адріану, что онъ и весь соборъ считаетъ главою вселенской церкви только Христа, ея Божественнаго Основателя, а не римскаго епископа.

Итакъ относительно седьмого вселенскаго собора мы также при помощи историческихъ фактовъ установили, что онъ не былъ созванъ римскимъ папою; что послѣдній на немъ не предсѣдательствовалъ; что самъ соборъ, признавая римскаго епископа первымъ только ради чести, не приписывалъ его свидѣтельствамъ учительной власти и не признавалъ его главою вселенской церкви.

Вторымъ Никейскимъ соборомъ, который былъ и послѣднимъ вселенскимъ, и заканчивается настоящая историческая справка.

При помощи чистыхъ фактовъ исторіи и объективнаго къ нимъ отношенія мы постарались рѣшить всѣ тѣ вопросы, какіе были поставлены въ началѣ этой справки. Для этого мы обращались къ каждому изъ вселенскихъ соборовъ въ отдѣльности и въ его дѣянiяхъ, а также и въ постороннихъ историческихъ свидѣтельствахъ мы находили достаточно матеріала, позволяющаго намъ составить определенное представленіе о взаимоотношеніяхъ, установившихся между папою и даннымъ вселенскимъ соборомъ. И теперь, суммируя все сказанное относительно каждаго изъ вселенскихъ соборовъ въ частности, мы въ результатѣ нашей справки получаемъ выводы, діаметрально противоположные ультрамонтанской системѣ.

Первый изъ нихъ представляетъ собою тотъ прочный историческій фактъ, что ни одинъ вселенскій соборъ не созывался римскимъ папою; что ни на одномъ изъ нихъ

¹⁾ Дѣянiя соборовъ, т. VII, стр. 321.

послѣдній не предсѣдательствовалъ ни самъ лично, ни въ лицѣ легатовъ, если только не считать Халкидонскаго собора, гдѣ папскіе легаты, какъ мы знаемъ, не единолично предсѣдательствовали, а вмѣстѣ съ патріархомъ Анатоліемъ. Другой выводъ, какой вытекаетъ изъ нашей справки, касается истиннаго положенія римскаго папы на вселенскомъ соборѣ,— того, какъ смотрѣлъ на римскаго папу вселенскій соборъ. Этотъ выводъ также очень опредѣленный и далеко не говорящій въ пользу папистовъ. Припоминая все сказанное относительно cadaго изъ вселенскихъ соборовъ въ частности, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что уваженіе къ достоинствамъ и преимуществамъ римскаго епископа у вселенскаго собора не вытекало изъ представленія о немъ, какъ главѣ вселенской церкви. Высшую и верховную власть въ церкви вселенскій соборъ приписывалъ только себѣ, какъ это видно прежде всего изъ соборныхъ правилъ, которыми онъ ограждалъ права и преимущества другихъ славнѣйшихъ кафедръ, а затѣмъ и изъ того, что соборъ осуждаетъ и низлагаетъ старѣйшихъ епископовъ и даже римскихъ папъ въ случаѣ ихъ ереси и своимъ опредѣленіямъ придаетъ вселенское значеніе: „мы опредѣляемъ и поставляемъ“,—вотъ выраженіе верховной власти вселенскаго собора.

Не смотрѣлъ вселенскій соборъ на римскаго папу и какъ на непогрѣшимаго учителя вѣры и нравственности, авторитетъ котораго долженъ быть поставленъ выше соборнаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ съ одной стороны то обстоятельство, что папскія догматическія посланія принимались и утверждались соборомъ только послѣ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ на соборѣ, а съ другой,—что иногда самыя мнѣнія римскаго епископа подвергались осужденію соборному, какъ это было, напримѣръ, на пятомъ вселенскомъ соборѣ.

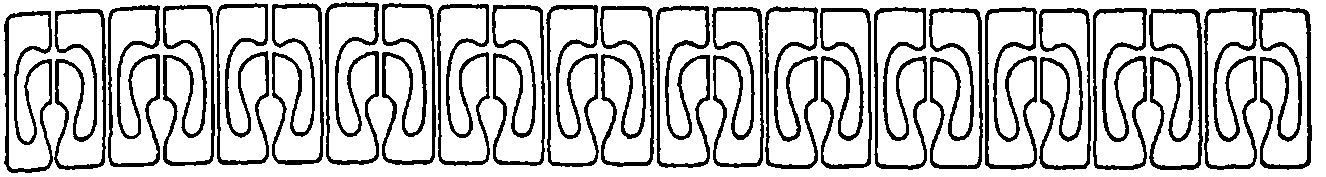
Естественно, наконецъ, что не являясь главою вселенской церкви и носителемъ учительнаго авторитета, римскій папа и не утверждалъ соборныхъ актовъ, какъ ни доказываютъ противное ультрамонтаны,—а только соглашался съ ними. Утверждалъ же рѣшенія вселенскаго собора всегда императоръ.

Вотъ выводы, къ которымъ необходимо прійдетъ всякій искренній и безпристрастный изслѣдователь, съ уваженіемъ

относящійся къ фактамъ, какъ исторической истинѣ, а не играющій ими, не наклоняющій ихъ произвольно въ ту или другую сторону. Находясь въ полномъ соотвѣтствіи съ историческою дѣйствительностью, всецѣло опираясь на историческіе факты, эти выводы съ неотразимой очевидностью въ то же время свидѣтельствуютъ, какъ далеки отъ исторической правды всѣ хитроумныя построенія ультрамонтановъ, пытающихся исторически обосновать свою систему; какъ эта система исторически непрочна и бездоказательна.

Б. Волобуевъ.

Отношеніе христіанства къ политикѣ и общественнымъ учрежденіямъ.

Мы переживаемъ замѣчательный моментъ обострившейся борьбы политическихъ партій. Всѣ болѣе или менѣе образованные слои русскаго общества раскололись на части по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Создались особыя политическія платформы, опираясь на которыя представители партіи отстаиваютъ свои позиціи. Въ борьбу вовлечены не только повременная литература и печать, но даже такія стороны жизни, какъ искусство и наука, не остаются свободными отъ политическихъ вліяній. И что всего болѣе замѣчательно, въ политическую партійную игру замѣшана и религія, которая, казалось бы, всего меньше могла быть подчинена какимъ либо земнымъ вліяніямъ. Какъ представитель богословской науки, я не могу обойти молчаніемъ такого важнаго момента настоящей эпохи, когда самый фактъ вовлеченія христіанской религіи въ политику служитъ предметомъ горячихъ споровъ, когда крайнія лѣвыя партіи отвергаютъ это явленіе, какъ незаконное,—а другія—правыя напротивъ выступаютъ подъ флагомъ религіи, полагая, что церковь—религіозное общество, должна вмѣшиваться въ политику въ видахъ поддержанія существующаго общественнаго порядка и государственнаго устройства. Я не намѣренъ вамъ, г.г., излагать теорію взаимоотношеній между государствомъ и церковью, полагая что это относится къ сферѣ науки каноническаго права, но я считаю себя обязаннымъ вмѣшаться въ принципиальный споръ о томъ,—*можетъ ли и должна ли сфера политики быть абсолютно свободною отъ религіозныхъ вліяній, отъ вліяній Евангелія, христіанства, вѣры и церкви. Не нужно забывать, что отъ стороны, правая и лѣвая, т. е. та, которая стоитъ за вмѣшательство ре-*

лигіи въ политику, и та, которая отвергаетъ это вмѣшательство,—обѣ ищутъ опоры своимъ взглядамъ въ той же религіи, *цитируютъ* Новый и Ветхій Завѣтъ, Евангеліе, исторію церкви, приводятъ подлинныя слова Христа и апостоловъ. Прислушайтесь къ рѣчамъ нашихъ депутатовъ, когда идетъ вопросъ о смѣтѣ *Синодальнаго вѣдомства*, о народномъ образованіи, о жалованьѣ учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ или духовенству, о положеніи русской церкви,—и вы убѣдитесь, какой степени страстности достигаютъ эти споры, какая удушливая атмосфера создается подъ сводами Таврическаго дворца. Въ этомъ вопросѣ, очевидно, партіи меньше всего могутъ пойти на взаимныя уступки. *Присутствіе въ рядахъ депутатовъ Госуд. Думы* представителей духовенства, которое вмѣсто того, чтобы создать особую группу, разсѣлось по разнымъ кресламъ Думы, (больше всего на правой сторонѣ кресель),—только осложняетъ дѣло, обязывая насъ разсмотрѣть данный вопросъ какъ можно обстоятельнѣе. Итакъ, первый вопросъ и самый принципиальный, подлежащій нашему разсмотрѣнію, есть вопросъ объ отношеніи христіанства, какъ религіи, къ политикѣ, т. е. къ такому или иному общественному устройству.

Когда мы изучаемъ исторію какихъ бы то ни было религій, мы не можемъ не замѣтить глубокаго вліянія религіозныхъ вѣрованій на общественный бытъ народа. Вліяніе это отражается на всѣхъ сторонахъ народной жизни, не исключая политическаго устройства. Что напр. мѣшало *индусамъ* образовать сильное и вполнѣ самостоятельное государство? Для насъ этотъ вопросъ *тѣмъ болѣе важенъ*, что мы, европейцы, имѣющіе такое сложное и высокоорганизованное государственное устройство, одной съ ними расы, одного происхожденія. Это доказано наукою и установлено какъ фактъ. Что же мѣшало нашимъ, если можно такъ выразиться сородичамъ создать у себя политическую организацію? Оказывается, въ этомъ народѣ *кастичное устройство* парализовало съ самыхъ древнихъ временъ всякое стремленіе къ политическому обособленію и устройству. Браминство, индусская религія, учитъ, что Брама, верховное божеское начало, реализуясь или воплощаясь въ міровыхъ явленіяхъ и предметахъ, отражается въ нихъ не въ одинаковой степени. Что касается людей, то и они въ этомъ отношеніи не предста-

вляють исключенія. По степени близости къ Брамъ люди дѣлятся на касты жрецовъ, воиновъ, купцовъ и рабовъ. Слловія эти рѣзко разграничены и не должны смѣшиваться. Ихъ навсегда раздѣляетъ религіозная преграда. *Такое ученіе убило въ инд. народѣ всякій политическій и общественный прогрессъ* въ самомъ корнѣ и отдало ихъ навсегда въ рабство другимъ народамъ. Нынѣшніе фактическіе хозяева Индіи—англичане—отлично понимаютъ и принимаютъ въ расчетъ это обстоятельство. Почему и не двигаютъ пальцевъ, чтобы разсѣять это древнее религіозное суевѣріе. Иначе трудно было бы имъ удержать въ политическомъ рабствѣ трехсотъ-милліонное индусское населеніе.

Извѣстно наприм., что *древніе арабы* были высокоразвитымъ въ умственномъ отношеніи народомъ. Они имѣли блестящую литературу и науку, а по своему характеру способны къ самому героическому самопожертвованію. Но ихъ *религія проповѣдуетъ фатализмъ*, который всосался въ самую кровь ихъ. Въ Коранѣ сказано, что Магометъ въ тотъ день, когда увидалъ первый разъ соху, проклялъ ее, потому что она была, въ его глазахъ, орудіемъ рабовъ. Это проклятіе пророка тяготѣетъ на его племени и *вся его усилія къ прогрессу* поражаетъ безнадежная бесплодность. *Китайцы* своимъ религіознымъ ученіемъ, проповѣдующимъ спокойствіе и безстрастность какъ высшую добродѣтель, сдѣлали то, что ихъ имперія (въ наст. вр. республика), величайшая во всемъ мірѣ, играетъ весьма жалкую роль, служа приманкой для европейцевъ. Такіе примѣры могли бы быть приведены въ большомъ количествѣ и всѣ доказывали бы, какъ фактъ, вліяніе религіи на внѣшнее политическое устройство народа и на ихъ гражданскій бытъ. Хотя *нѣкоторые ученые и утвержаютъ, что общественное значеніе религіи* въ послѣднее время *падаетъ* и что на смѣну религіознымъ вліяніямъ идетъ вліяніе соціально-экономическаго фактора, но мнѣ не трудно было бы доказать, что въ основаніи многихъ вопросовъ общественно-политической жизни во Франціи, Италіи, Германіи и др. государствахъ въ той или иной мѣрѣ затронутъ и религіозный вопросъ. Да и вообще говоря, нужно признать за несомнѣнное, что нельзя заниматься политическими дѣлами, совсѣмъ не принимая во вниманіе религіи. Что сказали бы *вы объ архитекторѣ*, который, выдвигая свои сооруженія,

не позаботился бы ни о климатѣ, ни о переменѣнахъ температуры или атмосферныхъ условіяхъ. А вѣдь религія—это атмосфера человѣческихъ душъ, и безумцы тѣ, кто рассчитываетъ основать что нибудь прочное и продолжительное, не принявъ ея въ расчетъ.

Христіанство, въ качествѣ религіи, не представляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Правда, Христосъ основалъ церковь, общество,—съ одними только религіозными задачами, но это не значитъ, *чтобы эти задачи стояли въ полной противоположности съ задачами* гражданскаго общества. Предположить, что Христосъ смотрѣлъ на область гражданскихъ и политическихъ интересовъ, какъ на область совершенно чуждую для церкви и недоступную ея вліяніямъ, значило бы не понимать евангельскаго духа. Одна изъ самыхъ *видныхъ особенностей Евангелія* въ томъ и состоитъ, что оно *не дѣлаетъ изъ религіи предмета, чуждаго* остальнымъ человѣческимъ отношеніямъ и установленіямъ; наоборотъ, видитъ въ ней особую духовную силу, которая все проникаетъ, на все кладетъ своеобразный отпечатокъ. Нѣтъ такой сферы, которая была бы совершенно закрыта отъ религіи. Особенно просто и ясно эта мысль высказана Ап. Павломъ въ словахъ: *„идите ли вы, ѣдете ли, или дѣлаете что нибудь другое, дѣлайте все во славу Божию“*. Если самыя обыденныя дѣйствія человѣческія должны быть совершаемы для Божіей славы, то какимъ же образомъ такая важная область жизни, какъ общественное и политическое устройство, можетъ быть закрыта для славы Божіей? Истинная религія никогда *не остановится на порогѣ въ эту* область, но вездѣ будетъ стремиться перешагнуть черезъ него. Она проникнетъ въ семью и въ парламентъ, въ Сенатъ, и судебныя учрежденія. Ни одинъ законъ не останется для нея чуждымъ: всегда она *будетъ вносить мысль о справедливости, любви, милосердіи, равенствѣ; будетъ отстаивать права* слабыхъ, малыхъ, вдовъ и сиротъ; будетъ приводить къ истинѣ, обнажать ложь и лицемеріе, обнаружить пустоту обычаевъ, условностей и приличій... Однимъ словомъ, только *самымъ хитрымъ софизмомъ можно было бы доказать*, что человѣкъ можетъ быть проникнутъ религіей только индивидуально, лично, въ дѣлахъ только своего внутренняго міра, и способенъ забыть о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, когда дѣло идетъ объ

общественныхъ интересахъ. Этого не нужно желать, и никогда нельзя этого достигъ. Нельзя заставить судью оставить свою совѣсть у дверей той комнаты, гдѣ онъ рѣшаетъ дѣла. Невозможно требовать, чтобы человѣкъ, служащій общественнымъ интересамъ, забылъ свою религію при отправленіи своихъ обязанностей.

Въ основѣ христіанской религіи лежатъ *задачи жизни, заповѣданныя* Богочеловѣкомъ І. Христомъ, Его ученіемъ, жизнью и смертію. Не нужно доказывать, что эти *задачи гораздо выше* всѣхъ политическихъ, національныхъ и *соціальныхъ задачъ*, которыя преслѣдуетъ государство. Государству приходится имѣть дѣло съ наличностью множества болѣзненныхъ и уродливыхъ явленій жизни, примѣняться къ нимъ и даже терпѣть ихъ. Поэтому законы государственные предъявляютъ къ людямъ всегда *минимумъ* нравственныхъ требованій, безъ которыхъ никакой порядокъ немыслимъ: не будьте ворами, убійцами, клеветниками, насильниками и т. д. Религія Христа наоборотъ предъявляетъ высшую мѣру требованій: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“. Отсюда понятно, что христіанская религія должна вліять на государство, въ *мутную жизнь политики* должна вносить очищающее и оздоравливающее начало Божьей правды и любви. Мы не станемъ приводить фактическихъ данныхъ *въ подтвержденіе* сказанной мысли; ограничимся простымъ указаніемъ на тотъ общезвѣстный фактъ, что *всѣ либеральныя конституціи* введены были сначала въ Европейскихъ христіанскихъ государствахъ; общественныя движенія создались тутъ-же; законодательство по отношенію къ бѣднымъ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ, вопросъ о положеніи женщинъ—все это выросло въ средѣ „христіанскихъ“ государствъ и здѣсь получило свое развитіе. Всѣ либеральныя теченія, социализмъ, анархизмъ зародились въ странахъ „христіанской“ культуры. Намъ, въ данномъ случаѣ, не удивляетъ то, что въ числѣ сторонниковъ указанныхъ теченій нерѣдко встрѣчаются лица невѣрующія, порвавшія связь съ церковью, атеисты.

Идеи, положенныя въ основаніе всѣхъ великихъ движеній, христіанскаго происхожденія, и на самыя эти движенія и теченія мы не иначе можемъ смотрѣть, какъ на попытки, хотя быть можетъ и неудачныя, къ осуществленію

великихъ началъ, возвѣщенныхъ первый разъ на землѣ Иисусомъ Христомъ. Слѣдовательно, если въ нихъ участвуютъ люди, не имѣющіе религіознаго настроенія, оно не становится отъ этого менѣе святымъ и христіанскимъ.

Такимъ образомъ, вліяніе религіи на политику и государственность нужно признать неоспоримымъ фактомъ. Вопросъ теперь въ томъ, насколько далеко должно простираться это вліяніе, и въ какихъ формахъ оно должно выражаться. Чтобы найти истинный критерій для взаимоотношенія между христіанскою религіею и государственнымъ устройствомъ (или между церковью и политикой), обратимся къ Евангелію.

Господь Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе въ Іудейской землѣ, политическое устройство которой находилось въ исключительномъ положеніи. Прежняя политическая власть іудейскаго народа, въ лицѣ Ирода, потеряла всякое значеніе, была фикціей. Вся полнота государственной власти находилась въ рукахъ Римскаго намѣстника, какъ представителя Кесаря Августа. Впрочемъ, немаловажнымъ вліяніемъ на политическія дѣла пользовались представители церкви, фарисеи и священники, которые, опираясь на законъ, употребляли свою власть въ дѣлахъ духовныхъ и гражданскихъ, руководя политикой. Такимъ образомъ политическая власть въ Іудеѣ была въ нѣсколькихъ рукахъ. Поэтому вопросъ о томъ, какъ І. Христосъ относился къ власти, естественно распадается на частные вопросы—объ отношеніи Христа къ властямъ римскимъ, и тогдашней феоκραтической власти въ лицѣ священниковъ.

Не нужно доказывать, что Іисусъ Христосъ Своимъ ученіемъ и всею жизнью обнаружилъ Свою полную непричастность къ политическимъ движеніямъ страны, что Онъ очень мало интересовался и говорилъ о свѣтской власти, правительствѣ, политикѣ и проч. На вопросъ Пилата „царь-ли Ты“, Онъ далъ отвѣтъ, что царь, но только не земной и царство его „не отсюда“. Когда Апостолы спросили Его уже послѣ воскресенія „не теперь-ли ты, Господи, устрояешь царство Израилю“,—Онъ отвѣтилъ въ томъ же смыслѣ: „не ваше дѣло знать времена и сроки“. Еще болѣе суровый, въ тонѣ обличенія далъ отвѣтъ І. Христосъ тогда, когда мать-сыновъ, Зеведеевыхъ обратилась къ Нему съ просьбой посадить ея дѣтей въ Его царствѣ на первыя мѣста. „Не

знаете, чего просите“. I. Христосъ былъ далекъ отъ всякой политической агитаціи, не выставлялъ никакой политической программы и никогда не былъ революціонеромъ въ политическомъ смыслѣ. Когда народъ Іудейскій хотѣлъ силой провозгласить Его царемъ, Онъ уклонился. Но когда дѣло касалось Его Мессіанскаго значенія, въ качествѣ духовнаго властителя, когда рѣчь шла о небесномъ потустороннемъ царствѣ, во всѣхъ такихъ случаяхъ Онъ открыто признавалъ Себя царемъ. Онъ увѣренъ, что Его Отецъ пошлетъ Ему 12 легионовъ ангеловъ, если въ этомъ будетъ нужда, но Онъ не хочетъ просить. Храмъ Іерусалимскій Онъ называетъ „домомъ Своимъ и домомъ Отца Своего“ и властно изгоняетъ изъ него торжниковъ. Когда Онъ призналъ нужнымъ открыто явить Себя народу, какъ Мессія, Онъ допустилъ торжественное шествіе въ Іерусалимъ и принялъ общее преклоненіе предъ Собою, какъ Сынъ Давида. На поставленный Пилатомъ вторичный вопросъ о Своемъ царскомъ достоинствѣ сказалъ прямо „да, Я царь“, и чтобы не было сомнѣній, въ какомъ смыслѣ Онъ понимаетъ слово царь, добавилъ: „Я на то и родился, на то и пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ и всякій кто отъ истины послушаетъ Моего голоса“.

При такомъ пониманіи Іисусомъ Христомъ Своей власти въ смыслѣ религіоз. руководительства и нравств. авторитета (безъ всякаго внѣшняго гнета, насилія и принужденія), все, что клонилось къ искаженію подобной идеи, подвергалось съ Его стороны полному осужденію. Онъ беспощадно обличалъ книжниковъ и фарисеевъ, духовныхъ руководителей народа, за ихъ уклоненіе отъ этой идеи въ сторону мірскихъ интересовъ, внѣшней власти и политической агитаціи. Когда эта власть дѣйствовала правильно, въ предѣлахъ законныхъ, Іисусъ Христосъ ее принималъ. Прокаженнымъ, которыхъ исцѣлилъ, Онъ сказалъ: „Пойдите и покажитесь священникамъ“. Поскольку духовная власть учитъ Закону Божию, Іисусъ ее признавалъ: „что они, — книжники и фарисеи, говорятъ вамъ, — дѣлайте“. Но священное негодованіе Іисуса Христа не знало предѣловъ тогда, когда Онъ видѣлъ въ лицѣ фарисеевъ и священниковъ узурпаторовъ власти свѣтской, когда замѣчалъ въ нихъ стремленіе властвовать не надъ душой, совѣстью и сердцемъ, а надъ тѣломъ и иму-

ществомъ; когда видѣлъ такое лицемѣріе, Онъ грозно говорилъ: „горе вамъ книжники и фарисеи лицемѣры, что удобообляетесь гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты“.

Но каково-же было отношеніе Христа къ власти политической, къ институту гражданскихъ властей и къ различнымъ правовымъ учрежденіямъ, существующимъ въ государствѣ?

Когда дѣло заходитъ объ отношеніи Христ. ученія къ властямъ предержащимъ, обыкновенно приводятъ извѣстныя слова Христа „воздадите Кесарево Кесареви“. Но если искать болѣе принципиальнаго рѣшенія даннаго вопроса, нужно взять другія слова Іисуса Христа, касающіяся властей. Эти слова цитуются гораздо рѣже, чѣмъ вышеприведенныя, но они значительно глубже отражаютъ мысль Іисуса Христа. У Еванг. Марка въ 10 главѣ 42 стихѣ читаемъ: „Подозвавши къ Себѣ учениковъ Своихъ, Іисусъ сказалъ имъ: вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ. А кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою, и кто хочетъ быть между вами первымъ, да будетъ всеѣмъ рабомъ“.

Обыкновенно относятъ эти слова Іисуса Христа къ тому духовному союзу, который желалъ оставить послѣ себя Іисусъ Христосъ изъ своихъ послѣдователей, т. е. къ церкви. Это, конечно, правда, хотя довольно горькая правда, потому что наличное церковное устройство не оправдываетъ этихъ словъ. Въ церкви существуютъ съ давнихъ поръ и князья и власти не только духовныя, но и свѣтскія, которыя любятъ, чтобы имъ послужили. Но не касаясь этого щекотливаго вопроса, необходимо признать, что приведенныя слова Іисуса Христа проливаютъ истинный свѣтъ на значеніе гражданской власти въ христіанскомъ государствѣ. Какъ ни толкуйте эти слова, но они сказаны ученикамъ Христа, и если мы съ вами и тѣ лица, которые облечены властью, носимъ названіе христіанъ, т. е. послѣдователей Христа, они и для насъ и для нихъ должны сохранить нравственно-обязательное значеніе даже въ нашемъ гражданскомъ правопорядкѣ. Если во главѣ государства будутъ стоять лица нехристіанскаго исповѣданія, то, конечно, они могутъ поступать, какъ имъ угодно, но,

христіанскія власти, поскольку они христіанскія, а не языческія или магометанскія, обязаны считаться съ ними и принимать ихъ хотя-бы въ качествѣ идеала. Если по смыслу словъ Христа „быть бѣльшимъ“ или „первымъ“ значитъ „*всѣмъ служить*“, то ясно, что въ основѣ дѣйствіи власти должно лежать лишь моральное принужденіе,—т. е. убѣжденіе, увѣщаніе, примѣръ, а не насиліе или принужденіе. Такимъ образомъ, по прямому смыслу словъ Христовыхъ, мы должны признать нравственную цѣнность за тою формою власти, которая окажется всего ближе къ указанному Евангеліемъ идеалу. Но это уже относится къ области дѣйствующаго права и подлежитъ особому разсмотрѣнію въ нашихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.

Высказывая такойъ принципіальный взглядъ на власть и ея служеніе, Иисусъ Христосъ при всемъ томъ, нигдѣ не училъ не признавать власти. На вопросъ фарисеевъ о подати онъ сказалъ, указывая на монету съ изображеніемъ Кесаря: „воздадите Кесарево Кесареви“, хотя тутъ же добавилъ „а Божіе Богу“. Добавленіе столь значительное, что на немъ стоитъ остановиться. *Обыкновенно думаютъ*, что Иисусъ Христосъ этими словами признавалъ двѣ власти, Бога и Кесаря, какъ *равноцѣнныя*, хотя для различныхъ областей: Бога для духовной сферы и Кесаря для земныхъ интересовъ. Принимая такое объясненіе, мы должны добавить, что центръ тяжести здѣсь лежитъ вовсе *не въ томъ*, что Христосъ *сравнивалъ* эти формы власти и признавалъ ихъ какъ-бы равноцѣнными. Напротивъ Онъ хотѣлъ подчеркнуть разницу между ними, разницу такую громадную, что между ними не можетъ возникнуть даже и конфликта. Кесарь и монета, власть земная, ея интересы и функціи—все это понятно само собой, и пусть все это будетъ, но главное не въ этомъ. Кесарю отдавайте монету, тѣло, виѣшность, имущество, если хотите, но не душу, не совѣсть, не религію. Это Божіе и отдавайте это Богу. Не смѣнивайте этихъ двухъ областей, политическую и религіозную. Пусть въ первой будутъ владычествовать Кесари,—но судіею и владыкою второй будетъ Богъ.

Такимъ образомъ и въ приведенныхъ словахъ удареніе лежитъ не столько на словахъ о дани Кесарю, сколько о дани Богу и на томъ, чтобы избѣгать смѣшенія той и другой дани. Съ этой точки зрѣнія, понятно, мы не можемъ

приводить словъ „воздадите Кесарево Кесарю“ за прямое признаніе І. Христомъ земной власти, не допускающее никакихъ сомнѣній. Здѣсь признаніе лишь косвенное, выводное, а вообще-же въ Евангеліи не существуетъ прямого и открытаго ученія о свѣтской власти и ея формахъ. Для насъ достаточно и этихъ указаній, поскольку они проливаютъ свѣтъ на вопросъ о власти. А сомнѣвающемуся мы могли-бы сказать, что на дѣлѣ, въ жизни Своей Христосъ власти почиталъ и хотѣлъ, чтобы ихъ почитали. Онъ не воспротивился приговору надъ Самимъ Собою, считая, что власть земная въ данномъ случаѣ исполнила лишь то, что опредѣлено было свыше. „Ты бы не имѣлъ власти ни единыя на мнѣ, если-бы тебѣ не дано было свыше“, сказалъ Онъ Пилату. Слова, не оставляющія сомнѣній въ томъ, что Христосъ понималъ власть въ религіозномъ значеніи этого слова, какъ носительницу Божественныхъ полномочій и исполнительницу Божественныхъ предначертаній. Эту идею религіознаго значенія власти особенно подробно развилъ въ послѣдствіи Ап. Павелъ (Римл. 13 гл.), и въ этомъ религіозно-мистическомъ пониманіи она имѣетъ безусловно обязательное значеніе, какъ орудіе Божественнаго Промысла о человѣческой жизни. Хотя о предѣлахъ этой власти, о ея приемахъ и способахъ дѣйствованія,—это нужно добавить,—Христосъ имѣлъ особое мнѣніе и находилъ, что одно господствованіе и властвованіе, выражающееся въ насиліи, принужденіи, въ самолюбимомъ превозношеніи своей особы и подавленіи личной свободы и самостоятельности подданныхъ,—все это приемы и способы нежелательные и съ христіанской точки зрѣнія неодобрительные. Чтобы не оставить въ такомъ пониманіи власти никакихъ сомнѣній, Господь Самъ умылъ на Тайной вечери ноги своимъ ученикамъ, чѣмъ и показалъ, какъ и въ чемъ, будучи Господиномъ и Учителемъ,—можно оказывать услуги своимъ подчиненнымъ. Служить—это строгоотличительная черта самаго дѣла Христа. Изъ этого слова, которое по обыкновеннымъ человѣческимъ пониманіямъ является униженіемъ, Христосъ составилъ Себѣ славу; въ немъ Онъ нашелъ средство, которымъ покорилъ сердца. И Онъ хотѣлъ, чтобы даже гражданская власть прониклась этимъ святымъ убѣжденіемъ: быть первымъ—значитъ быть слугою.

Ученіе Евангелія о правѣ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о власти стоитъ вопросъ о правѣ и правовыхъ учрежденіяхъ. Какъ и во всѣхъ остальныхъ вопросахъ Евангеліе находитъ себѣ или враговъ или союзниковъ, такъ и въ вопросѣ о правѣ. Взгляды Евангелія по этому вопросу понимаются различно. Нѣкоторые думаютъ, что Евангеліе отвергаетъ человѣческое право и законъ. На Западѣ такой взглядъ проводитъ Зомъ, у насъ Л. Толстой. По ихъ мнѣнію, христіанское государство и церковь, допускающія у себя разныя правовыя учрежденія, стоятъ въ полномъ противорѣчій съ Евангеліемъ. Особенную крайность во взглядахъ на власть и право приводитъ Толстой. Власть и право противорѣчатъ высшему, основному Евангельскому закону любви и должны быть вовсе упразднены. Евангельскія слова, которыя приводятся въ защиту Толстовскихъ взглядовъ, извѣстны: „не противься злему но кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему и лѣвую; и кто захочетъ съ тобой судиться и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“. Въ этихъ словахъ Толстой видитъ осужденіе великаго права, личнаго и государственнаго, гражданскаго и церковнаго, и на нихъ опирается въ своей теоріи „о непротивленіи злу“.

Такое оригинальное пониманіе Евангелія, которое практически оказывается совершенно неосуществимымъ, принесло плохую услугу Евангелію и христіанству. Многіе стали думать, что христіанство и дѣйствительная жизнь несоединимы, что христіанство есть утопія. Такое сознаніе практической непригодности христіанства еще болѣе обостряется въ виду нынѣшней борьбы низшаго сословія за свои права. Если христіанство учитъ отречься отъ своего права, то слѣдуетъ убѣждать рабочихъ только одной покорности и терпѣнію. Кто-же послѣдуетъ тогда за Христомъ и Евангеліемъ? Люди, раздѣляющіе взгляды социаль-демократической партіи, которые желали-бы руководиться указаніями Христа, жалуются, что въ этомъ пунктѣ Евангеліе оставляетъ ихъ, что своимъ требованіемъ терпѣнія и покорности оно усыпляетъ всякую живую энергію, обезоруживаетъ всякаго, кто хочетъ бороться и защищать слабыхъ.

Л. Толстой своимъ ученіемъ о непротивленіи злу по-

родилъ цѣлую специальную литературу. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ раздавались по этому поводу самые жгучіе литературные споры, и нельзя не признать, что Толстой въ сильной степени возстановилъ противъ христіанства, какъ религіи, пролетарскіе слои народа и всѣхъ дѣятелей социальнаго движенія.

Но взглядъ Толстого представляетъ крайность, которая противорѣчитъ духу Евангелія и должна быть обнаружена.

Въ виду сложности вопроса, намъ нужно стать на почву объективнаго разсмотрѣнія историческихъ условій, среди которыхъ стоялъ Іисусъ Христосъ, когда проповѣдывалъ Свое ученіе о непротивленіи злу. Цѣлыя столѣтія бѣдныя въ Израильскомъ народѣ вопили о своихъ правахъ. И въ словахъ пророковъ и въ псалмахъ Давида слышенъ крикъ этихъ обездоленныхъ и несчастныхъ, которыхъ въ Еврейскомъ народѣ было не менѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Еще не было на землѣ такого совершеннаго правового строя, гдѣ бы власти, люди сильные и богатые, не злоупотребляли своей силой и властью, и богатствомъ. Отъ этого не свободенъ былъ и Еврейскій народъ при еократическомъ строѣ.

Но если Христосъ и раздѣлялъ въ нѣкоторой мѣрѣ это общее убѣжденіе въ злоупотребленіи своимъ правомъ людьми сильными и властными, то съ другой стороны Онъ непоколебимо былъ убѣжденъ, что Богъ въ концѣ концовъ Самъ даетъ торжество праву. Если Онъ не дѣлаетъ этого здѣсь, то сдѣлаетъ тамъ, за гробомъ. Идея права въ смыслѣ справедливаго возмездія вовсе не отвергалась Христомъ. Наоборотъ, Онъ придавалъ ей высокое исключительное значеніе. Даже ученики Его нѣкогда примутъ участіе въ судѣ Божіемъ и сами будутъ судить. Слѣдовательно, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что Христосъ признавалъ право. Онъ отвергалъ только то, право, которое проводится съ насиліемъ, чему примѣры Онъ видѣлъ среди Еврейскаго народа. Въ торжествѣ-же истиннаго права Онъ былъ убѣжденъ до такой степени, что не видѣлъ даже необходимости прибѣгать къ силѣ, чтобы защищать его. Таковы истинные взгляды І. Христа на право. Но какъ-же понимать Его заповѣдь о непротивленіи злу? Не доказываетъ-ли она практическую непригодность Евангелія для дѣйствительной жизни?

Не доказываетъ уже по тому одному, что требованіе, заключающееся въ данныхъ словахъ, нельзя назвать невыполнимымъ или невозможнымъ. Въ кругу нашей семьи и друзей мы всегда можемъ найти людей, которые за зло не платятъ зломъ и на брань не отвѣчаютъ бранью. Да и вообще никакая семья, союзъ или товарищество не могли бы устоять, если бы члены ихъ только и заботились о томъ, чтобы ревниво оберегать свои права и не дѣлать никакихъ въ этомъ отношеніи уступокъ. А Христосъ именно такъ и смотритъ на учениковъ своихъ, какъ на тѣсный братскій кружокъ друзей, изъ котораго долженъ произойти громаднѣйшій братскій союзъ.

Но вопросъ въ томъ, смотрѣлъ-ли Христосъ на свои слова, какъ на обязательный законъ для всѣхъ рѣшительно случаевъ насилія, придавалъ-ли имъ правове значеніе. Нужно-ли уступать врагамъ, когда они посягаютъ на наши права; нужно-ли видѣть въ кротости единственное оружіе; нужно-ли соглашаться съ ученіемъ Л. Толстого, что власть вообще не имѣетъ права прибѣгать къ мѣрамъ насилія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда насильно врываются въ нашъ домъ и передаютъ его, положимъ, разграбленію (хотя могутъ быть при этомъ гораздо худшіе примѣры).

Осмѣливалось утверждать, что всѣхъ такихъ случаевъ Христосъ не имѣлъ въ виду въ указанныхъ словахъ и понимать ихъ въ этомъ смыслѣ является грубымъ и опаснымъ заблужденіемъ. Онъ всегда имѣлъ въ виду только индивидуума и постоянное настроеніе сердца въ любви. Что любви не можетъ быть при защитѣ собственнаго права или при добросовѣстномъ отправленіи правосудія, — это предразсудокъ, цѣпляющійся за букву Евангелія.

Здѣсь мы должны еще разъ коснуться вопроса, который однажды уже рѣшали, („Соціалист утопіи 19 вѣка“ Вѣра и Разумъ. 1903 г.) именно вопроса о допустимости съ христіанской точки зрѣнія борьбы, принужденія и насилія, когда идетъ рѣчь объ экономическихъ интересахъ низшихъ сословій и рабочаго пролетаріата. Всѣ тѣ, кто жалуется на Евангеліе, какъ на врага ихъ стремленій къ созиданію блага народныхъ массъ и къ устройству лучшаго экономическаго порядка, должны разъ навсегда понять, что Евангеліе не думаетъ основывать никакого земного царства: „Царство Мое

не отъ міра сего“ сказалъ І. Христосъ ¹⁾). Евангеліе обращается къ внутреннему человѣку, который всегда остается однимъ и тѣмъ-же, все равно, здоровъ-ли онъ, или болѣлъ, счастливъ или несчастенъ, ведетъ-ли борьбу за обладаніе благами жизни, или уже получилъ ихъ, обращается съ такими словами: для тебя есть одна задача,—быть Сыномъ Божиимъ, гражданиномъ царства не отъ міра сего. Какъ ты устроишься въ земной жизни и какимъ образомъ хочешь служить своему ближнему,—это предоставлено тебѣ и твоей свободѣ. Можно бороться, добиваться права угнетеннымъ, стремиться къ лучшему земному устройству, употребляя для этого самыя лучшія средства, какъ позволяетъ намъ чистая совѣсть, но не нужно дожидаться при этомъ никакой прямой помощи отъ Евангелія, которое говоритъ человѣку о вѣчномъ и неизмѣнномъ Царствѣ Божіемъ.

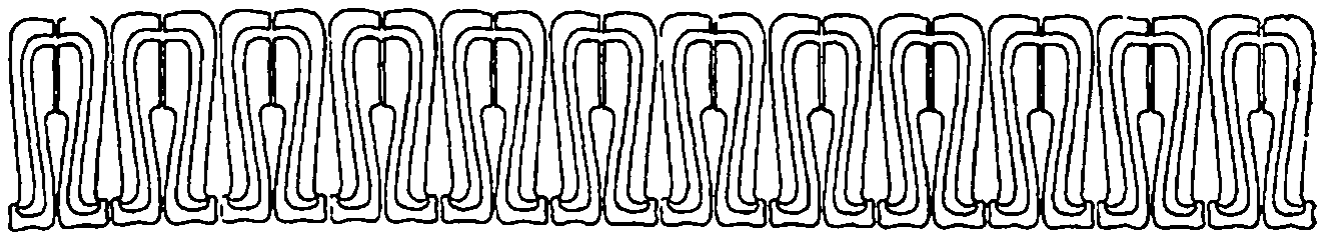
Всѣ вышеприведенныя данныя о томъ, какъ относится Евангеліе Г. І. Христа къ устройству земной жизни, къ политикѣ и государству, должны лечь въ основу нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій объ отношеніи между церковію и государствомъ.

Мы констатировали два факта: государство и политика не могутъ обойтись безъ вліянія религіи. І. Христосъ въ Своемъ Евангеліи не указалъ прямыхъ путей къ лучшему гражданскому и политическому устройству, хотя считалъ власть, имѣющею назначеніе свыше, и гражданскаго порядка не отвергалъ. Основывая свое особое царство „не отъ міра сего“,—Христосъ желалъ, чтобы и въ устройство земного царства проникали тѣ же самыя начала, которыя положены Имъ въ основаніе царства неземного. Этимъ самымъ земное устройство приближалось-бы къ своему идеалу и достигался-бы тотъ самый порядокъ, при которомъ, по удачному выраженію Ап. Павла, мы могли-бы проводить тихое и безмятежное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Такова основная тенденція того самого вліянія, которое христіанская религія должна оказывать на политическую жизнь.

Проф.-Прот. І. Галаховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Эти слова исключаютъ не только ту политическую теократію и власть надъ міромъ, какую хочетъ папство, но запрещаютъ и всякое прямое вмѣшательство религіи въ земныя отношенія.

Внушеніе, его соціальное и педагогическое значеніе, и экспериментально-психологическіе методы изслѣдо- ванія внушаемости дѣтей.

„Жизнь есть ни что иное, какъ вѣчное балансируваніе взаимныхъ внушеній, а воспитаніе—это совокупность координированныхъ и обоснованныхъ внушеній“
(М. Гюйо).

Педагогическій геній человѣчества, въ лицѣ лучшихъ представителей педагогической науки, давно уже усвоилъ тотъ идеалъ воспитанія и обученія, который только въ самое послѣднее время сталъ на путь реального осуществленія и изъ области мечты и благихъ пожеланій, повидимому, переходитъ уже въ дѣйствительность. Этотъ идеалъ—тщательное изученіе духовной природы воспитываемаго, т. е. той именно почвы, въ которую учитель и воспитатель сѣять принципы знанія и которую онъ призванъ нравственно воздѣлывать. Нѣтъ нужды разъяснять, что только основательное психологическое образованіе воспитателя даетъ ему возможность разобратся въ индивидуальныхъ особенностяхъ душевнаго склада каждаго изъ своихъ питомцевъ, понять разнообразіе тѣхъ индивидуальныхъ типическихъ отличій въ сферѣ памяти, вниманія, впечатлительности, воспримчивости и т. п., которыми учащіеся (даже одного и того же возраста) безконечно разнятся другъ отъ друга. Еще со времени знаменитаго славянскаго педагога XVII столѣтія Я. А. Коменскаго основнымъ принципомъ научной педагогики провозглашено требованіе „индивидуализаціи“ воспитанія, т. е.—требованіе примѣняться къ личнымъ природ-

нымъ особенностямъ ученика, сообразовать съ ними всѣ дидактическіе приемы и методы обученія. За эту идею ратовали на западѣ Руссо и Песталоцци, а у насъ въ Россіи— Пироговъ и Ушинскій. Послѣдній настойчиво повторялъ, что учитель тогда только сможетъ ориентироваться въ сложныхъ вопросахъ воспитанія и обученія, когда получитъ, подобно врачу, специальное образованіе и научится разбираться въ психологіи ввѣренныхъ его попеченію дѣтей. Какъ ни много времени прошло съ момента провозглашенія этого принципа въ педагогикѣ,—однако, только очень недавно сравнительно психологическое изученіе человѣка, какъ предмета воспитанія, стало на твердую почву и достигло значительныхъ успѣховъ не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи. Это произошло благодаря широкому развитію экспериментальной психологіи, выводы которой стали примѣнять къ педагогическимъ цѣлямъ. Возникъ особенный интересъ къ изученію ребенка, какъ предмета воспитанія, выработались спеціальныя методы естественно-научнаго психологическаго изслѣдованія дѣтей младшаго и школьнаго возраста, собрано много матеріала для выводовъ и обобщеній,—наряду съ т. наз. „педагогической психологіей“ возродилась „психологія дѣтства“, получившая названіе *педологии*. Лѣтъ 25 тому назадъ ученикъ извѣстнаго психолога Вундта, Стэнли Холль (Hall), создалъ въ Америкѣ широкое движеніе съ цѣлью психологическаго изученія ребенка, какъ предмета воспитанія. Это движеніе, получившее названіе *педологическаго*, перешло въ началѣ текущаго столѣтія и въ Россію: въ 1901 году при педагогич. курсахъ военно-учебнаго вѣдомства въ СІБ-гѣ была основана первая въ Россіи Лабораторія экспериментальной педагогической психологіи; осенью 1904 г. при ней были открыты Педологическіе курсы, преобразованные съ 1907 г. въ Педагогическую Академію; въ 1906, 1909 и 1910 г.г. были организованы всеросс. Съѣзды по педагогической психологіи... Новое движеніе скоро завоевало себѣ симпатіи русскаго образованнаго общества и въ настоящее время распространилось уже далеко за предѣлы двухъ нашихъ столицъ.

Вышеописанное научное движеніе привело къ переоцѣнкѣ всѣхъ педагогическихъ цѣнностей... Новѣйшая педагогика провозгласила т. наз. *педоцентрическое* направле-

ніе, вмѣсто стараго *схолоцентрическаго*: не дѣти—для школы, а школа—для дѣтей... Школа, со всѣми ея дидактическими приѣмами и программами, должна примѣняться къ законамъ развитія дуневной жизни дѣтей; учитель долженъ знать своего ученика во всѣхъ отношеніяхъ, со всѣми его индивидуальными особенностями,—это теперь педагогическая аксіома. Но гдѣ путь къ такому познанію? Наблюденіе и личный педагогическій опытъ далеко не достаточны для означенной цѣли, какъ свидѣтельствуеть о томъ вся прошлая исторія педагогики. Наблюдать—еще не значитъ *изучать* явленіе: необходимо наблюденіе цѣлесообразное, при различныхъ и видоизмѣняемыхъ — по желанію — условіяхъ,—наблюденіе, которое можно было бы всегда повторять, провѣрять, точно регистрируя его результаты,—словомъ—необходимъ *экспериментъ*. Существенная особенность всякаго (въ томъ числѣ, конечно, и психологическаго) эксперимента въ томъ именно и заключается, что наблюдатель-экспериментаторъ, имѣя въ виду опредѣленную научную цѣль, а) произвольно и намѣренно *вызываетъ* подлежащіе изслѣдованію процессы или явленія, б) *видоизмѣняетъ* ихъ сообразно своимъ намѣреніямъ—путемъ устраненія или изолированія отдѣльныхъ элементовъ и частныхъ условій—и, наконецъ, в) *количественно опредѣляетъ* или *измѣряетъ* изслѣдуемые явленія, примѣняя къ нимъ принципы математическаго анализа. Вотъ почему въ настоящее время научная педагогика, основанная на психологіи (или такъ наз. „педагогическая психологія“), вступила на путь экспериментальныхъ изслѣдованій и получила названіе „экспериментальной педагогики“. Если теперь никто уже не отрицаетъ важнаго значенія для педагогики *общей* или *теоретической* психологіи, основывающейся на простомъ наблюденіи душевныхъ явленій, излагающей только общіе законы душевной жизни и рассматривающей психическіе процессы, такъ сказать, „въ отвлеченіи“, т. е. независимо отъ ихъ индивидуальныхъ видоизмѣненій у того или другого лица,—то тѣмъ менѣе можно сомнѣваться въ огромной важности для педагогической науки *экспериментальной* психологіи, открывающей широкій прѣсторъ для изслѣдованія индивидуальныхъ особенностей личности, знаніе которыхъ гарантируетъ успѣхъ всякаго педагогическаго дѣла. Экспериментальная педагогика успѣла

уже выработать цѣлый рядъ простыхъ приѣмовъ и методовъ, дающихъ возможность опредѣлить типически-индивидуальныя особенности душевнаго склада учащагося: остроту и точность воспріятія, наблюдательность, свойства его памяти, ассоціацій, вниманія, умственную работоспособность, податливость внушенію и проч. Существуютъ также методы для изслѣдованія эмоціональной сферы (преоблад. чувства, интересы, настроенія) и волевой (измѣреніе такъ наз. „психическихъ реакцій“). Изобрѣтено не мало остроумныхъ психологическихъ приборовъ или аппаратовъ лабораторныхъ (для цѣлей научно-экспериментальнаго изслѣдованія и характеристики личности) и школьныхъ—почти исключительно для цѣлей демонстраціонныхъ при преподаваніи психологіи (какъ наглядныя пособія, облегчающія ученикамъ усвоеніе курса) ¹⁾.

Сложность условій всякаго педагогическаго эксперимента предполагаетъ, конечно, основательную психологическую подготовку учителей и воспитателей. Наша ближайшая задача не позволяетъ намъ остановиться на изложеніи выработанныхъ уже практикой и строго-установленныхъ условій всякаго вообще психол. эксперимента, какъ равно и на доказательствахъ его возможности и естественности. Вопросы эти достаточно освѣщены въ соотвѣтствующей литературѣ ²⁾. Далѣе, изъ множества выработанныхъ и проверенныхъ методовъ, обнимающихъ (какъ указано выше) почти

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что эти школьные психол. аппараты, имѣющіеся теперь при очень многихъ нашихъ средне-уч. заведеніяхъ, въ которыхъ преподается психологія, весьма мало пригодны для научно-эксперимент. изслѣдованія личности, для составленія такъ называем. „психологическихъ профилей“ или научно-обоснованныхъ психологич. характеристикъ, требующихъ лабораторнаго изслѣдованія въ спеціальной обстановкѣ, съ помощью *точныхъ* психологическихъ приборовъ. Между тѣмъ, нѣкоторые учителя нашихъ гимназій вздумали использовать школьные аппараты въ цѣляхъ собранія матеріала для составленія обоснованныхъ психологич. характеристикъ учащихся... По этому поводу нельзя не раздѣлить пожеланія одного русскаго психолога, высказаннаго имъ на съѣздѣ, чтобы наука поменьше была загромаждаема „экспериментальнымъ хламомъ“...

²⁾ Проф. Мейманъ—Лекціи по эксперим. педагогикѣ, т. I. М. 1909. А. Нечаевъ—Современ. эксперим. психологія... т. I. СПб. 1908; Н. Румянцевъ—Техника школьныхъ опытовъ. Ср. „Книжки Педаг. Психол.“ подъ ред. А. Нечаева.

всю личную сферу психики индивидуума, настоящей очеркъ имѣетъ своей задачей описать только методы, примѣняемые для изслѣдованія *внушаемости* дѣтей школьнаго возраста, т. е. степени, въ какой они поддаются внушенію въ той или иной формѣ. Вопросъ этотъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія въ виду того жизненно-соціального и педагогическаго значенія внушенія вообще, которое теперь уже общепризнано и на которое такъ остроумно намекаютъ приведенныя нами въ качествѣ эпиграфа слова Гюйо.

I.

Соотвѣтственно предположенной задачѣ, мы прежде всего должны отвѣтить на вопросъ: что такое внушеніе, какъ психологическій фактъ? Напередъ сознаемся, что широта затронутой нами проблемы, необычайная, такъ сказать, грандіозность изслѣдуемаго явленія, обнимающаго собою почти всѣ сферы жизни, и существующая по данному вопросу огромная литература не даютъ возможности въ краткомъ очеркѣ исчерпать этотъ вопросъ всесторонне. Мы постараемся коснуться существеннаго.

Терминъ „внушеніе“ первоначально не имѣлъ опредѣленнаго научнаго значенія: имъ обозначали всякія вообще наущенія, вліянія или инспираціи (*inspiration*), производимыя одними лицами другимъ, преимущественно съ какой-либо дурной цѣлью. Благодаря научному изслѣдованію и изученію явленій гипнотизма, терминъ „внушеніе“ получилъ спеціальное значеніе: имъ стали пользоваться во врачебной практикѣ для обозначенія „гипнотическаго“ или такъ называемаго „постгипнотическаго“ внушенія. Однако, съ дальнѣйшимъ развитіемъ научныхъ знаній о психическомъ вліяніи однихъ лицъ на другихъ, этотъ терминъ получилъ болѣе широкое значеніе. Теперь уже ни для кого не тайна, что дѣйствіе внушенія отнюдь не связано необходимо съ гипнотическимъ состояніемъ, что внушеніе вообще является актомъ гораздо болѣе распространеннымъ, чѣмъ такъ называемое гипнотическое внушеніе,—такъ какъ оно легко осуществляется и въ бодрственномъ состояніи, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Мало того, внушеніе есть одинъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ воздѣйствія одного лица на другое. Въ силу этого, оно признается (и, какъ увидимъ, вполне спра-

ведливо) социальнымъ факторомъ, играющимъ немаловажную роль не только въ жизни отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Многіе психологи сравниваютъ дѣйствіе внушенія, какъ своего рода „психическаго контагія“, обуславливающего психическую заразу, съ дѣйствіемъ физическихъ микробовъ или такъ наз. „живого контагія“, прививающего физическую заразу. Какъ въ органической жизни вообще всегда имѣетъ извѣстную роль микробъ физическій, являясь, благодаря своей біологической конституціи, то полезнымъ факторомъ, то смертельнымъ, уносящимъ милліоны жертвъ, такъ и психическій микробъ или внушеніе, въ зависимости отъ своего содержанія, можетъ быть факторомъ весьма полезнымъ, или же въ высшей степени губительнымъ. Хотя микробы психической заразы и невидимы подъ микроскопомъ, тѣмъ не менѣе они, „подобно настоящимъ физическимъ микробамъ, дѣйствуютъ вездѣ и всюду и передаются черезъ слова, жесты и движенія окружающихъ лицъ, чрезъ книги, газеты и проч.“... Въ какомъ бы обществѣ мы ни находились, мы уже подвергаемся дѣйствию психическихъ микробовъ извѣстнаго рода,—слѣд., подвергаемся опасности „быть психически зараженными“¹⁾. Такая точка зрѣнія привела нѣкоторыхъ мыслителей къ слишкомъ широкому пониманію термина „внушеніе“, который они стали примѣнять и къ простымъ воспріятіямъ, и къ высшимъ проявленіямъ творчества, и ко всѣмъ вообще психическимъ явленіямъ, нерѣдко даже прикрывая имъ факты, причины которыхъ еще совершенно не изслѣдованы. Это, впрочемъ, неудивительно,—такъ какъ психологическая природа внушенія, несмотря на богатѣйшую литературу вопроса, представляется еще все-таки мало изслѣдованной,—чѣмъ, вѣроятно, и объясняется живой интересъ всѣхъ и cadaго къ данному вопросу: такова уже природа человѣческой мысли: проблема, вполне разработанная и ставшая прочнымъ достояніемъ науки, теряетъ свой первоначальный жгучій интересъ.

Обращаясь къ литературѣ нашего предмета, мы встрѣчаемъ здѣсь самыя разнообразныя опредѣленія внушенія. Такъ, Льебо (Liebeault) разумѣетъ подъ внушеніемъ „вызываніе словомъ или жестами въ гипнотизируемомъ лицѣ

¹⁾ Проф. В. Бехтеревъ--Внушеніе и его роль въ обществ. жизни, стр. 1, 16, 173. СПБ. 1908.

представленія, слѣдствіемъ котораго возникаетъ то или иное физическое или психическое явленіе“¹⁾). Но мы уже говорили, что внушеніе не связано необходимо съ гипнозомъ: если при всякаго рода экспериментахъ внушеніе нерѣдко предваряется и сопровождается гипнозомъ (искусственнымъ усыпленіемъ), то только для того, чтобы повысить восприимчивость субъекта къ внушеніямъ экспериментатора, такъ какъ гипнозъ является однимъ изъ лучшихъ вспомогательныхъ средствъ для воздѣйствія экспериментатора на психику своего пациента. Вотъ почему въ опредѣленіяхъ другихъ психологовъ нисколько не отгѣняется специфической признакъ внушенія, какъ явленія гипнотическаго. Бине и Фэре опредѣляютъ внушеніе, какъ „дѣйствіе на личность *идеей*“ (представленіемъ²⁾). По Бернгейму, „внушеніе есть такое воздѣйствіе, при посредствѣ котораго *идея* (представленіе) вводится въ мозгъ и имъ воспринимается“³⁾. Левенфельдъ подъ внушеніемъ понимаетъ представленіе, проявляющее свою силу и дѣйствіе въ ограниченіи при прекращеніи ассоціаціонной дѣятельности мысли⁴⁾. По мнѣнію Питра и П. Жане, внушеніе есть „пріемъ, посредствомъ котораго въ гипнотическомъ или даже въ бодрственомъ состояніи возможно при помощи... слова вызвать въ хорошо предрасположенномъ субъектѣ рядъ болѣе или менѣе автоматическихъ явленій и заставить его говорить, дѣйствовать, мыслить—сообразно съ желаніемъ экспериментатора“⁵⁾. По Вундту, „внушеніе есть ассоціація съ сопутствующимъ ей суженіемъ сознанія“, благодаря которому не могутъ проявиться противоположныя ассоціаціи⁶⁾. Бинэ частіе опредѣляетъ внушеніе, какъ „нравственное давленіе, которое одна личность производитъ на другую при посредствѣ интеллекта, эволюцій и воли“⁷⁾. Въ опредѣленіи проф. Фореля высту-

¹⁾ *Бехтеревъ*, loco cit., стр. 2.

²⁾ *Binet et Fére*—Le magnetisme animal, p. 128. Paris 1890.

³⁾ *Bernheim* — Hypnotisme, suggestion, psychothérapie, p. 24. Par. 1891.

⁴⁾ *Löwenfeld*—Гипнотизмъ. Пер. съ нѣм. Сар. 1903 (ср. *Бехтеревъ*—Цит. с., стр. 2).

⁵⁾ *Pitres*—Leçons cliniques, etc. II, p. 144. Paris, 1891.

⁶⁾ *Вундтъ*—Гипнотизмъ и внуш., стр. 40; ср. *Гильровъ*—Гипнот. по уч. школы Шарко..., стр. 109.

⁷⁾ Ср. *Бехтеревъ*—Цит. соч., стр. 3.

пасть больше физиологическая сторона или причина внушенія: внушеніе есть, по его словамъ, „порожденіе однимъ человѣкомъ въ нервной системѣ другого динамическаго измѣненія—посредствомъ вызова представленія (сознательнаго или безсознательнаго), что это измѣненіе наступило, наступаетъ, или наступитъ“¹⁾. Феликсъ Тома подъ внушеніемъ понимаетъ „инспирированіе (внесеніе чего-либо со стороны въ чужую психику) какого-либо вѣрованія, истинныхъ мотивовъ котораго мы не знаемъ, и которое, съ большей или меньшей силой, стремится реализоваться“²⁾. Психологъ Б. Сидисъ, — отмѣчая крайнюю неустойчивость, неопредѣленность и разнообразіе существующихъ опредѣленій внушенія, изъ которыхъ одни чрезмѣрно расширяютъ понятія внушенія и внушаемости, а другія суживаютъ ихъ до простыхъ симптомовъ истерическаго нервоза (Сальпетриерская школа послѣд. Шарко),—считаетъ самой существенной чертой внушенія то, что оно воспринимается субъектомъ *безъ критики* и выполняется имъ почти *автоматически*. Настойчиво подчеркивая, что „внушенная идея насильно вводится въ потокъ сознанія, какъ нѣчто чуждое, нежелаемый гость, паразитъ, отъ котораго сознаніе субъекта стремится избавиться“, что „потокъ сознанія индивидуума борется съ внушаемыми идеями, какъ организмъ съ бактеріями, стремящимися разрушить устойчивость равновѣсія“, Б. Сидисъ въ концѣ концовъ даетъ такое опредѣленіе внушенія: „подъ внушеніемъ понимается вторженіе въ умъ какой-либо идеи; встрѣченная большимъ или меньшимъ сопротивленіемъ личности, она наконецъ принимается безъ критики и выполняется безъ обсужденія, почти автоматически“³⁾. Взглядъ Сидиса на сущность внушенія не можетъ быть признанъ безспорнымъ. Прежде всего, сопротивляемость со стороны внушаемаго лица не есть явленіе характерное, не есть *conditio sine qua non* всякаго, даже гипнотическаго, внушенія. Сопротивленіе наблюдается почти исключительно въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда производимыя внуше-

¹⁾ *Forel—Der Hypnotismus. etc., S. 32. Stuttg. 1891.*

²⁾ *Ф. Тома — Внушеніе и его роль въ дѣлѣ воспитанія, стр. 22. Москва 1911.*

³⁾ *Б. Сидисъ—Психологія внушенія, перев. Колоколова, стр. 2. СПб. 1902.*

нія стоять въ полномъ противорѣчїи съ нравственными убѣжденїями даннаго лица, съ его твердо установившимися взглядами и привычками или сокровенными чаянїями и идеалами. Въ большинствѣ другихъ случаевъ внушенїе „проникаетъ въ психическую сферу субъекта совершенно незамѣтно для него самого“, вполне естественнымъ образомъ, не смотря даже на бодрственное состоянїе. Подтвержденїемъ этого можетъ служить слѣдующїй примѣръ, приводимый самимъ Сидисомъ изъ соч. проф. Охоровича „О мысленномъ внушенїи“¹⁾. „Мой другъ П., человѣкъ столь же разсѣянный, сколь и остроумный, игралъ въ шахматы въ сосѣдней комнатѣ, а мы разговаривали около двери. Я замѣтилъ, что мой другъ, когда совсѣмъ погружался въ игру, имѣлъ обыкновенїе насвистывать арію изъ „Madame Angot“. Я уже собирался ему въ аккомпаниментъ отбивать ритмъ на столѣ, но въ этотъ разъ онъ сталъ насвистывать маршъ изъ „Пророка“. Послушайте, сказалъ я товарищамъ, мы сдѣлаемъ съ П. штуку: мы прикажемъ ему (мысленно) перейти съ „Пророка“ на „Madame Angot“. Сначала я сталъ отбивать маршъ, потомъ, воспользовавшись нѣсколькими нотами, общими обѣимъ пьесамъ, немедленно перешелъ на болѣе быстрый темпъ любимой аріи моего прїятеля. П. съ своей стороны внезапно перемѣнилъ мотивъ и началъ насвистывать „Madame Angot“. Всѣ разсмѣялись. Мой другъ былъ слишкомъ занятъ шахомъ королевы, чтобы замѣтить что-нибудь. Начнемъ опять, сказалъ я, и вернемся къ „Пророку“. Немедленно мы опять услышали замѣчательную фугу Мейербера. Все, что мой другъ зналъ, было только то, что онъ что-то насвистывалъ“. Въ приведенномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ слухового внушенїя, которое проникало въ психическую сферу совершенно незамѣтно для внушаемаго лица и безъ всякаго съ его стороны сопротивленїя. А вотъ еще примѣръ изъ соч. того же Сидиса. „У меня въ рукахъ газета и я начинаю ее свертывать; вскорѣ я замѣчаю, что мой другъ, сидящїй противъ меня, свернулъ свою такимъ же образомъ; мы говоримъ, что это случай внушенїя“. Да и мало ли можно привести примѣровъ, когда внушенїе въ бодрственномъ состоянїи входитъ въ психическую сферу

¹⁾ Сидисъ—Цит. соч., стр. 10.

субъекта совершенно незамѣтно и безъ сопротивленія съ его стороны?... Въ этомъ именно и заключается общественная сила внушенія. Торговецъ на площади краснорѣчиво расхваливаетъ свой товаръ, и глазѣющая публика начинаетъ вѣрить въ его мнимыя качества, покупая разныя вещи... Уличный ораторъ, взобравшись на кучу бревенъ, разглагольствуетъ передъ толпой, прославляя великій умъ и доблесть гражданъ, поставляя всю судьбу страны въ зависимость отъ той политики, которую преслѣдуетъ его партія... Его доказательства нелѣпы, его мотивы низменны и презрѣнны,—но онъ увлекаетъ толпу ¹⁾. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ внушеніе и встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны внушаемаго субъекта, то все же оно проникаетъ въ его психику, какъ паразитъ, послѣ изв. борьбы, почти насильственно. „Вотъ змѣя“,—внушаетъ Ш. Рише своей пациенткѣ, не страдавшей никакими признаками нервнаго расстройства; она начинаетъ смѣяться и отвѣчаетъ: „я отлично знаю, что это вовсе не змѣя“,—и все-таки отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ. „Такъ почему же вы отступаете“? „Я сама не знаю, но во всякомъ случаѣ я не вижу змѣи“ „Ну такъ смотрите, вотъ змѣя приближается“. Г-жу М. охватываетъ настоящій ужасъ, не смотря на то, что она хорошо знаетъ, что ничего такого нѣтъ. Она бѣжитъ въ другую комнату и прячется за занавѣсъ ²⁾.

Прекрасный примѣръ подобнаго явленія представляетъ внушеніе капитана Яго, направленное на Отелло, который первоначально сопротивляется внушенію, но затѣмъ „ядъ ревности“ всецѣло овладѣваетъ имъ. Однако, отсюда же слѣдуетъ и то, что внушеніе не исключаетъ возможности критики со стороны субъекта, чего не допускаетъ Сидисъ. Даже въ гипнозѣ личность внушаемаго не вполне устраняется: она только ослабляется, какъ бы потухаетъ въ извѣстной мѣрѣ,—тѣмъ не менѣе и доходитъ до полного автоматизма и нерѣдко осуществляетъ внушеніе послѣ нѣкоторой борьбы. Такимъ образомъ, „принятіе безъ критики внушенныхъ идей“ Сидисъ неправильно считаетъ существеннымъ признакомъ всякаго внушенія, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что большинство внушеній входитъ въ пси-

¹⁾ Ср. *Бехтеревъ*—Цит. соч., стр. 7.

²⁾ *Ф. Тома*—Цит. соч., стр. 66—7.

хическую сферу, какъ показано выше, безъ всякаго сопротивленія. Лучшимъ и простѣйшимъ примѣромъ того, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ внушеніе вторгается въ психическую сферу насильственно и внезапно, принимается безъ всякаго обдумыванія, критики и борьбы и выполняется совершенно автоматически—служить всѣмъ извѣстная военная команда, гдѣ двигательныя представленія, связанные со словами (приказаніемъ) командира, реализуются почти мгновенно.

Пытаясь проникнуть въ сущность и природу внушенія и выяснить его причины, нѣкоторые психологи обращаютъ вниманіе на фактъ существованія въ нашей психикѣ такъ наз. „подсознательной“ (прежде говорили „безсознательной“) сферы, которую называютъ „общей сферой“ психики, въ отличіе отъ сознательной или „личной сферы“. Роль этой подсознательной или общей сферы выступаетъ особенно ясно при *пассивныхъ* воспріятіяхъ, происходящихъ безъ участія личнаго сознанія и вниманія, когда послѣднее бываетъ всецѣло поглощено какой-либо одной идеей, или же совершенно ослаблено, какъ напр.—въ состояніи разсѣянности (ср. законъ *узости сознанія*). Въ этомъ случаѣ цѣлая масса самыхъ разнородныхъ внѣшнихъ впечатлѣній и воздѣйствій проникаетъ въ психическую сферу совершенно *пассивно*, безъ всякаго участія вниманія: вторгаясь именно въ общую сферу психики, помимо личной (сознательной), эти воздѣйствія не могутъ быть проконтролированы сознательной личностью субъекта, а только отражаются на нашемъ самочувствіи, на сновидѣніяхъ, и часто лежатъ въ основѣ неясныхъ мотивовъ и побужденій, безотчетной тоски, смутныхъ влеченій, испытываемыхъ нами въ разныхъ случаяхъ. Наоборотъ, все, входящее въ личную сферу психики, воспринимается нами *активно*, сопровождается произвольнымъ вниманіемъ, обдумываніемъ и размышленіемъ, сознательной ассоціативной дѣятельностью, критической работой мысли, приводящей въ итогъ къ развитію извѣстныхъ убѣжденій. Такой, если можно сказать, активный путь воздѣйствія окружающей среды на нашу психическую сферу, сопровождающійся переработкой внѣшнихъ впечатлѣній въ личной сферѣ психики, есть путь логическаго убѣжденія; при пассивномъ же воспріятіи, безъ участія активнаго вни-

манія, впечатлѣнія входятъ въ общую (подсознательную) сферу психики и так. обр. проникаютъ въ нашу психику, по остроумному выраженію одного психолога, уже „не съ параднаго хода, а съ задняго крыльца, ведущаго прямо во внутренніе покои“¹⁾. Вотъ этотъ послѣдній путь и есть то, что мы называемъ внушеніемъ. Внушеніе есть непосредственное прививаніе или вторженіе въ психическую сферу посторонней идеи помимо активнаго вниманія, безъ контроля личной сферы, а слѣд. безъ сознательной переработки и противодѣйствія,—въ противоположность *убѣжденію*, которое всегда предполагаетъ наличность активнаго вниманія, логическаго мышленія и участіе личной сферы психики. Вотъ почему внушеніе имѣетъ характеръ навязчивой идеи и лучше всего можетъ быть опредѣлено, какъ „непосредственное прививаніе къ психической сферѣ другого лица идеи, эмоціи и иныхъ психо-физическихъ состояній, помимо его активнаго вниманія“ и критическаго сужденія²⁾.

Итакъ, въ концѣ концовъ мы можемъ сказать, что внушеніе—это та-же *навязчивая идея*, отличающаяся отъ „*idée fixe*“ въ собственномъ смыслѣ, характеризующей любого патологическаго субъекта только тѣмъ, что она не всегда преслѣдуетъ свою жертву (какъ при хроническихъ душевныхъ заболѣваніяхъ), а въ опредѣленные моменты, обусловленные воздѣйствіемъ экспериментатора. И дѣйствительно, независимо отъ разнообразныхъ формъ или видовъ внушенія, равно и пріемовъ, которыми оно производится, специфическая черта его состоитъ въ томъ, что экспериментаторъ вызываетъ у паціента своего рода *idée fixe*, или состояніе искусственнаго моноидеизма, а слѣдовательно и суженіе поля сознанія, или, какъ выражается Ст. Холль, „судорогу вниманія на одинъ предметъ“,—и это именно состояніе „лишаетъ паціента его собственной воли, отдавая послѣднюю въ руки экспериментатора“³⁾.

Къ подтвержденію приведеннаго сейчасъ взгляда и вообще къ выясненію психологической природы внушенія, кромѣ всего вышеизложеннаго, можетъ служить еще одинъ законъ, твердо установленный современной научной психо-

¹⁾ *Бехтеревъ*—Цит. соч., стр. 12—13.

²⁾ *Ibid.*, стр. 16.

³⁾ *Ф. Тома*—Внуш. и его роль въ дѣлѣ воспит., стр. 71.

логіей, именно—законъ *двигательной силы идей*. „Нѣтъ мысли безъ выраженія“ (Сѣченовъ): всякая мысль есть въ потенціи (въ зародышѣ) или слово, или движеніе; всякая идея есть активность, стремящаяся проявиться, перейти въ дѣйствіе, и—слѣдовательно,—обладаетъ двигательной энергіей. Фуллье выражаетъ этотъ законъ такими словами: „всякая идея есть сила, а слѣдовательно и начало дѣйствія“, она въ одно и то же время „и эмоція, и желаніе, и движеніе“¹⁾. Уже давно отошла въ область преданій старая теорія, по которой такъ называемыя „способности души“ (умъ, чувство, воля) представлялись какими-то реальностями, совершенно отдѣльными, независимыми другъ отъ друга и дѣйствующими въ различныхъ сферахъ. Законъ единства психическихъ явленій гласитъ, что въ каждомъ актѣ сознанія сразу даны и мысль, и чувство, и воля. Двигательная сила идеи особенно ярко проявляется у дѣтей: ихъ подвижныя лица, ихъ своеобразная мимика быстро выражаютъ всѣ перемѣны ихъ внутренняго состоянія. У взрослыхъ людей самообладаніе и практическая осторожность часто служатъ тормазомъ для внѣшняго выраженія идей и внутреннихъ состояній. Тѣмъ не менѣе, никто не станетъ отрицать того факта, что чѣмъ сильнѣе овладѣвшая нашимъ сознаніемъ въ данный моментъ идея (представленіе), тѣмъ живѣе мы влечемся къ дѣйствію. Известно также, что дѣятельность напряженнаго вниманія, поглощеннаго всецѣло какой-либо идеей, всегда сопровождается тѣми или иными движеніями приспособляющаго характера, которыя, какъ учитъ психологія, облегчаютъ самый процессъ вниманія. Иллюстрируя мысль о двигательной силѣ идей, Паскаль говоритъ: „даже величайшій въ мірѣ философъ почувствуетъ головокруженіе, стоя на доскѣ, перекинутой черезъ пропасть,—хотя бы эта доска была шире, чѣмъ это нужно для его безопасности“²⁾. Дѣйствительно, сила одной мысли о возможности упасть въ пропасть уже толкаетъ насъ на то, чтобы упасть. Опытъ французскаго физика Шевреля удостовѣряетъ, что если взять въ руки маятникъ и все время усиленно думать, что онъ движется, то эти движенія проявятся и въ дѣйствительности³⁾. Иной разъ, когда мы очень

¹⁾ Ibid., стр. 8—9.

²⁾ Ф. Тома—Цит. соч., стр. 10.

³⁾ Ibidem.

живо воспроизводимъ слуховой образъ к.-л. мелодіи, „нашему уху какъ бы сообщаются какія-то отдаленныя колебанія, и въ концѣ концовъ наше тѣло и наша голова неуловимыми для насъ движеніями начинаютъ отбивать тактъ“ (М. Жоли). По замѣчанію Тэна, представленіе объ ожидаемомъ ощущеніи вкуса у гастронома почти равняется реальному ощущенію: слюнные железы у него начинаютъ функционировать такъ же, какъ это бываетъ во время ѣды. Слепая и глухонѣмая отъ рожденія Лаура Бриджмэнъ всегда производила или опредѣленныя движенія пальцами, какъ только начинала размышлять о чемъ нибудь... Въ этомъ вліяніи идеи образа на организмъ и, въ частности, на мышечную систему, быть-можетъ, слѣдуетъ искать разгадку таинственныхъ спиритическихъ „столоверченій“: одно напряженное ожиданіе движенія, одна навязчивая идея о движеніи въ опредѣленномъ направленіи уже способны вызвать въ пальцахъ руки множество не-сознаваемыхъ колебаній, которыя, передаваясь предмету, заставляютъ его двигаться.—Но слѣдуетъ замѣтить, что двигательная сила идеи прямо пропорціональна тѣмъ эмоціямъ, съ которыми она связана. Идея сама по себѣ, какъ говоритъ Рибо, еще ничего не можетъ произвести; она дѣйствуетъ и возбуждаетъ стремленія, т. е. двигательные элементы, только въ томъ случаѣ, если она прочувствована. Идея, не сопровождаемая никакой эмоціей, это—„пламя, которое свѣтитъ, но не грѣетъ“; вотъ почему еще Фенелонъ говорилъ, что „самая трудная задача педагогіи—это воспитаніе дѣтей недостаточно эмоціональныхъ: они слушаютъ все, но не чувствуютъ ничего“¹⁾. Одна идея даетъ намъ только слабый толчокъ къ преслѣдованію цѣли: она можетъ породить цѣлый рядъ проэктвъ, которые останутся лишь благими пожеланіями, выработать теоретическія понятія и убѣжденія, которыя всегда будутъ расходиться съ дѣломъ, создать отвлеченную, сухую мораль, бесплодную для жизни... Совсѣмъ иное дѣло—идеи и вѣрованія, окрашенныя глубокимъ чувствомъ: они то именно и создаютъ героевъ долга и „мучениковъ идеи“... При этомъ идея, оживленная соответствующимъ настроеніемъ, особенно заразительна: „чѣмъ болѣе значительна эмоціональная сторона идеи, тѣмъ болѣе она

1) Ф. Тома—Цит. соч., стр. 12.

контагіозна“¹⁾. Здѣсь находятъ свое объясненіе не только многочисленныя факты обычнаго внушенія, но и коллективныя иллюзіи и галлюцинаціи, возникающія одновременно въ цѣлой группѣ лицъ подъ вліяніемъ господствующаго настроенія, когда мысль работаетъ въ одномъ направленіи. Извѣстенъ, напр., рассказъ психолога Тэна, какъ весь экипажъ одного англійскаго корабля былъ напуганъ привидѣніемъ умершаго наканунѣ повара, трупъ котораго (по обычаю моряковъ) былъ опущенъ въ море: всѣ матросы въ страхѣ чистосердечно увѣряли, что видѣли умершаго повара, идущаго за кораблемъ и ковыляющаго на одну ногу; на утро разъяснилось, что это былъ качаемый волнами обломокъ судна, потерпѣвшаго аварію. Особенно много историческихъ примѣровъ коллективныхъ видѣній, гл. обр. на религіозной почвѣ, дають средніе вѣка, что легко объясняется религіознымъ одушевленіемъ этой эпохи. Впрочемъ, и недавно въ „Revue de l'hypnotisme“ (1903 г.) былъ описанъ случай массовой иллюзіи въ Неаполѣ: жители одного квартала заявили, что они видѣли изваяніе Мадонны, проливавшей кровавыя слезы; убѣжденіе въ реальности видѣнія было столь велико, что толпа избила священника, пытавшагося доказать, что видѣнная Мадонна есть плодъ фантазіи. Во время религіозныхъ торжествъ въ Саровѣ очень многіе изъ паломниковъ стали видѣть въ колодцахъ образъ преп. Серафима—такъ, какъ онъ обычно представляется на иконахъ: галлюцинація разсѣялась только послѣ того, какъ къ колодцу подошла богомолка, не знавшая ничего и заявившая, что она ничего не видитъ. Подобныя массовыя видѣнія, объяснимыя только съ точки зрѣнія невольнаго *взаимовнушенія*, особенно часто возникаютъ во время сектантскихъ радѣній. Проф. Сикорскій описываетъ, какъ въ присутствіи комиссіи, посѣщавшей радѣнія секты малеванцевъ (на югѣ Россіи), многіе сектанты „начинали жадно обнюхивать свои руки, платье и прочіе предметы“; имъ казалось, что все помещеніе наполнено пріятными запахами: одни изъ подверженныхъ такой обонятельной галлюцинаціи называли эти запахи „сладкими, ароматическими, божественными“,—другіе

¹⁾ Бехтеревъ—Цит. соч., стр. 47.

прямо выражались, что „пахнетъ св. Духомъ“¹⁾. Массовыя иллюзіи и галлюцинаціи на театрѣ военныхъ дѣйствій, когда неясно различимые издали предметы цѣлымъ группамъ солдатъ кажутся живыми фигурами непріятеля,—явленіе заурядное и общеизвѣстное.

Итакъ, разъ признано, что идеи суть *силы*, то уже понятно, что между ними происходитъ постоянная борьба за существованіе, въ которой онѣ вытѣсняють другъ друга; въ этомъ—главный источникъ колебаній воли, а отсюда—и всякихъ вообще внушеній. Вообще, слѣдуетъ сказать, что если к.-н. идея, овладѣвшая нашимъ сознаниемъ, не сразу переходитъ въ актъ, не проявляется, то это значить, что она встрѣтила противодѣйствіе со стороны другихъ идей, болѣе сильныхъ благодаря поддержкѣ чувства или какому-либо внѣшнему вліянію. Но если бы удалось осуществить состояніе абсолютнаго моноидеизма, то за возникновеніемъ мысли, тотчасъ слѣдовалъ бы соотвѣтствующій актъ, т. е. ея исполненіе, что и наблюдается нерѣдко у дѣтей. Съ другой стороны, необходимо понимать, что не только идеи, какъ силы, вызываютъ движенія, но и наоборотъ движенія вызываютъ идеи, вслѣдствіе того же общаго закона тѣсной связи и взаимодѣйствія органическихъ и психическихъ процессовъ. Общеизвѣстна истина, что если принять позу человѣка гнѣвающагося или погруженнаго въ раздумье, то этимъ уже можно настроить себя на гнѣвъ или на размышленія. Понимая это, Паскаль, между прочимъ, говорилъ своимъ невѣрующимъ современникамъ: „выпейте святой воды, и вы вновь познаете вѣру“²⁾. На этомъ же основанъ законъ такъ наз. „симпатическаго подражанія“: подражая внѣшнему (физиологическому) выраженію какого-либо чувства, мы вызываемъ самое чувство. Входя, напр., въ веселую компанію и рѣшительно ничего не зная о причинѣ смѣха, мы невольно начинаемъ смѣяться, и въ той мѣрѣ какъ продолжается у насъ этотъ физиологическій актъ судорожнаго выталкиванія воздуха изъ легкихъ (=смѣхъ), намъ дѣйствительно становится смѣшно. Д-ръ Люксъ посредствомъ опыта съ намагниченнымъ вѣнцомъ, который онъ прикрѣплялъ къ головѣ больной, страдавшей меланхоліей и галлюцинаціями, констати-

1) *Бехтерева*—Цит. соч., стр. 50—54.

2) *Ф. Тома*—Цит. соч., стр. 18.

ривалъ передачу (излученіе) ея психическаго состоянія на другихъ лицъ и доказалъ, что одни и тѣ же движенія вызываютъ одни и тѣ же состоянія сознанія ¹⁾).

Вообще, въ нашей душевной жизни далеко не все управляется (регулируется) волей и сознаниемъ; въ ней гораздо больше фізіологическаго и психическаго автоматизма, чѣмъ мы привыкли думать. Вотъ этимъ-то автоматизмомъ и объясняются различные виды внушенія и сродныхъ съ нимъ явленій, напр. подражательности. *Безсознательная подражательность* есть родъ внушенія, происходящаго отъ внѣшнихъ воздѣйствій и вліяющаго не только на человѣка, но и на всѣ живыя существа. Извѣстно, напр., что нѣкоторыя животныя и насѣкомыя измѣняютъ свою окраску, приспособляясь такимъ образомъ къ окружающей средѣ (явленія „мимикри“, подражательной окраски и проч.). Эта инстинктивная склонность дѣлается похожимъ на окружающую среду называется *физическимъ мимитизмомъ*. Совершенно аналогичныя явленія происходятъ и въ нравственной сферѣ: всѣмъ извѣстна подражательность нѣкоторыхъ животныхъ (попугаи, обезьяна), а особенно—дѣтей. Почти всѣ игры ребенка—копированіе дѣйствій старшихъ; его первая улыбка—автоматическій отвѣтъ на улыбки взрослыхъ; его первыя слова и названія предметовъ—чистыя звукоподражанія („коко“, „авъ“, „мяу“...); онъ похожъ на эхо; онъ копируетъ манеры и мимику взрослыхъ, подражая всему хорошему и всему дурному. Внушеніе примѣра дѣйствуетъ на ребенка тѣмъ сильнѣе, что у него нѣтъ никакихъ привычекъ, въ немъ нѣтъ еще борьбы идей, взаимно вытѣсняющихъ другъ друга на почвѣ нравственной оцѣнки: для него—хорошо и дозволено все, что дѣлаютъ старшіе. „Однажды я спросилъ“, говоритъ Ф. Тома, „маленькаго бретонца, жившаго въ глухой провинціи: „Что ты будешь дѣлать, когда вырастешь большой, мой маленькій другъ?“—„Я буду... напиваться, какъ папа“, отвѣчалъ онъ мнѣ съ гордостью и самымъ рѣшительнымъ тономъ“ ²⁾. Мальчикъ Дима, надъ которымъ производились непрерывныя наблюденія въ теченіе всего 2-го г. его жизни и велась тщательная записъ всѣхъ проявленій его психики (такъ называемый „естественный экспериментъ“),

¹⁾ Ibid., стр. 20.

²⁾ Ф. Тома—Цит. соч., стр. 38.

сталъ проявлять склонность къ подражанію очень рано: еще на 15 мѣс. Дима тащитъ щетку и мететъ полъ, подражая прислугѣ; на 16 мѣс. онъ намочилъ въ комнатѣ, гдѣ былъ одинъ, пошелъ въ кухню, взялъ тряпку, вернулся и сталъ тереть ею полъ; на 17 мѣс. Дима, подражая матери, поднесъ щипцы къ головѣ, дѣлая видъ, что завиваетъ волосы; на 18 мѣс. онъ изъ подражанія нюхаетъ цвѣты, на 19 мѣс. внимательно смотритъ въ книгу, произнося невнятные звуки, какъ бы читая; на 21 мѣс. Дима очень комично подражаетъ кашлю бабушки... Далѣе, всѣмъ извѣстно, какъ вліяютъ на воображеніе и поведеніе дѣтей рассказы и читаемыя ими книги: они искренно и живо подражаютъ всѣмъ переживаніямъ тѣхъ героевъ, которые произвели на нихъ особенно сильное впечатлѣніе: читая „житія святыхъ“, ребенокъ твердо рѣшаетъ уйти изъ дому и сдѣлаться подвижникомъ; переходя, затѣмъ, къ Робинзону Крузо, онъ быстро мѣняетъ свой идеалъ и мечтаетъ уже о путешествіяхъ; потомъ онъ увлекается романами и начинаетъ заботиться о своей внѣшности и т. д. Поступая въ школу, ребенокъ находитъ здѣсь еще болѣе благопріятную почву для развитія своей склонности къ подражанію: охотнѣе всего онъ подражаетъ учителю, которому особенно симпатизируетъ: въ такомъ случаѣ уроки, манеры, разговоръ учителя—все это представляетъ собой одно сплошное внушеніе. Но не меньшую роль играетъ и взаимовнушеніе всѣхъ товарищей: смѣхъ одного заражаетъ другихъ; единичный случай непослушанія способенъ вызвать въ классѣ цѣлое маленькое возстаніе... Впрочемъ, явленіе физическаго и нравственнаго *мимитизма* на почвѣ *невольнаго внушенія и взаимовнушенія* не менѣе обычны и среди взрослыхъ, Мать, сидящая у изголовья больного ребенка, бессознательно воспроизводитъ всѣ его движенія: лицо ея скорбно, взоръ потухъ, она страдаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Да и всѣ мы, сами того не замѣчая, усваиваемъ въ извѣстной мѣрѣ чувства, мысли, предразсудки, даже черты характера, отъ той среды, въ которой вращаемся. Такое прививаніе психическихъ состояній, какъ-бы своего рода психическій взаимообмѣнъ, между совмѣстно живущими лицами отражается даже на физической сферѣ, сказывается на мимикѣ, въ манерахъ, походкѣ. Въ этомъ находятъ свое объясненіе, напр., общія черты сходства между

гражданами одного государства („національний характер“) часто замѣчаемое сходство въ чертахъ лица мужа и жены и т. п. Наконецъ, на почвѣ того же мимитизма, сопровождаемаго передачей психическихъ состояній отъ одного лица къ другому, возникаютъ иногда цѣлыя эпидеміи: массовыя самоубійства, истерика въ обществѣ, влекущая за собой рядъ другихъ истерикъ, въ средніе вѣка—пляска св. Витта, затѣмъ многочисленные случаи прививного помѣшательства въ цѣлой семьѣ (въ медицинскую литературу занесенъ случай, когда 13 человекъ одной и той же семьи были поражены однородными идеями преслѣдованія),—все это служить лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго. Психіатрами давно установленъ фактъ, что при совмѣщеніи душевно-больныхъ часто происходитъ заимствованіе бреда одними отъ другихъ (подобные случаи получили названіе „видоизмѣненнаго помѣшательства“—*folie transformée*). Конечно, лучшимъ средствомъ устраненія такого заимствованнаго бреда является немедленное разъединеніе лицъ, вліяющихъ другъ на друга ¹⁾. Такъ и учитель, разсаживая по разнымъ мѣстамъ болтливыхъ и шаловливыхъ школьниковъ, устраняетъ взаимовнушеніе и прекращаетъ беспорядокъ. Поразительный историческій примѣръ нравственнаго мимитизма на почвѣ и подъ вліяніемъ внушенной идеи представляетъ намъ крестовый походъ дѣтей въ 1212 году. А развѣ не этимъ же факторомъ объясняются такія явленія, какъ тиранія моды, преклоненіе толпы предъ авторитетами, или писателями, которые завтра же ниспровергаются съ пьедестала,—или тѣ общеизвѣстные случаи, когда во время сраженія героическій поступокъ одного человека увлекаетъ весь полкъ, и—наоборотъ—бѣгство одного труса вызываетъ общую панику и неминуемое пораженіе? Психологія „Панургова стада“ въ значительной мѣрѣ есть и психологія людей. Природная склонность дѣтей къ *мимитизму*, или что то же ихъ быстрая и легкая *внушаемость*, есть фактъ огромнаго соціальнаго значенія, если принять во вниманіе, что каждое дѣйствіе, совершаемое ребенкомъ изъ подражательности, уже есть зачатокъ привычки. Внимательное наблюденіе и изученіе той специальной окраски, какую принимаетъ упо-

¹⁾ *Бехтеревъ*—Цит. соч., стр. 44—46.

мянутая склонность къ мимитизму у того или другого питомца, можетъ дать намъ очень цѣнный матеріалъ для сужденія о природныхъ качествахъ его ума о его интересахъ и о наилучшихъ средствахъ воспитательнаго воздѣйствія на него. Изъ всего раньше сказаннаго легко также понять, что главный источникъ мимитизма заключается въ двигательной силѣ идей и образовъ и что склонность къ подражанію, а сл. и вообще внушаемость, „прямо пропорціональна двигательной силѣ образа, ее порождающаго“, которая—въ свою очередь—„находится въ прямой зависимости отъ интенсивности сопровождающаго образъ или идею чувства“¹⁾.

II.

Мы такъ долго остановились на выясненіи психологической природы внушенія, что не можемъ уже детально анализировать отдѣльные виды или формы внушенія и излагать всѣ тѣ органическіе и психологическіе эффекты, которыми оно обычно сопровождается. Впрочемъ, это и не входитъ въ нашу прямую задачу. Обширная литература (иностранная и русская) по вопросамъ гипнотизма и внушенія даетъ массу описательнаго (сырого) матеріала, которымъ всегда могутъ воспользоваться интересующіеся. Здѣсь мы укажемъ кратко, что главнѣйшими видами внушенія являются: *самовнушеніе*, *гипнотическое* и *постгипнотическое* внушеніе, *естественное внушеніе въ бодрствennomъ состояніи* и *мысленное внушеніе* или *телепатія*.—Самовнушеніе можно опредѣлить, какъ „прививаніе психическихъ состояній, обусловленное не посторонними вліяніями, а внутренними поводами, источникъ которыхъ находится въ самой личности „даннаго субъекта“²⁾ (каковы, напр., чрезмѣрная чувствительность, страсти, пылкое воображеніе, направляющее содѣйствіе воли). Всѣмъ извѣстно, что если дать волю своему воображенію, то оно очень легко и быстро рисуетъ всевозможные страшные образы въ темнотѣ ночи (такъ называемые „зрительные фантомы“ или *псевдо-галлюцинаціи*). Страсть, какъ явленіе патологическое, обычно затемняетъ разсудокъ,

¹⁾ Ф. Тома—Цит. соч., стр. 44. 47.

²⁾ Бехтеревъ—Цит. соч., стр. 55.

сковываетъ мысль одной идеей и внушаетъ совершенно ложныя понятія. Для человѣка влюбленнаго,—когда

„Влюбленъ онъ въ блѣдную—она бѣлѣй жасмина,
 Когда-жъ красавица какъ смертный грѣхъ черна,
 Смуглянкой страстной онъ зоветъ ее картинно,
 Влюбленъ онъ въ карлицу,—она въ его глазахъ—
 Вся прелесть женская въ размѣрѣ уменьшенномъ,
 А женщина—гигантъ, внушающая страхъ,
 Богиней кажется глазамъ его влюбленнымъ“

(Мольеръ).

Дѣйствительно, всякое самовнушеніе характеризуется, прежде всего, суженіемъ поля сознанія, на блѣдномъ фонѣ котораго отчетливо выступаетъ затѣмъ какая-либо идея или же эмоція, постепенно приковывающая наше вниманіе и нейтрализующая всѣ противоположныя ей образы. Изъ психическихъ эффе́ктовъ, которыми чаще всего сопровождается самовнушеніе, можно указать на такіе, напр., психозы, какъ манія преслѣдованія, агорафобія (боязнь пространства), вообще—болѣзненная мнительность и иногда даже—измѣненіе личности. Самовнушеніемъ объясняютъ психологи и нѣкоторые стереотипныя обманы чувствъ, свойственныя только отдѣльнымъ семьямъ. Такъ, напр., въ Габсбургскомъ домѣ такой галлюцинаціей, которой придаютъ значеніе предвѣстника смерти, является видѣніе черной женщины¹⁾. Но особенно поразительны бываютъ органическіе эффе́кты самовнушенія: въ медицинскую литературу занесенъ случай омертвенія нѣсколькихъ пальцевъ руки у матери, которая дверью отдала пальцы той-же руки у своего ребенка²⁾; сюда же относятся явленія *стигматизаціи* (измѣненія въ кровообращеніи), такъ называемыхъ „родимыхъ пятенъ“ на тѣлѣ новорожденныхъ и проч. Явленія стигматизаціи (приливовъ крови и вообще измѣненій кровообращенія) весьма обычны: иногда достаточно бываетъ подумать о томъ, что можно покраснѣть, и кровь дѣйствительно сейчасъ же приливаетъ къ лицу; у знаменитыхъ средневѣковыхъ мистиковъ лобъ, руки и ноги подвергались, въ минуты религіознаго экстаза, приливамъ крови, выдѣляли кровавый потъ, даже

¹⁾ Ibid., стр. 55—56.

²⁾ Бехтеревъ—Цит. соч., стр. 56.

покрывались язвами. Особенно поразителенъ примѣръ Луизы Лато, у которой (въ 1868 году), „вслѣдствіе продолжительныхъ молитвъ, на обѣихъ ногахъ, на обѣихъ ладоняхъ и на лѣвой сторонѣ груди появились красныя пятна, откуда просачивалась кровь“¹⁾.

Гипнотическое внушеніе отличается отъ *естественнаго* или внушенія въ бодрственномъ состояніи тѣмъ существеннымъ признакомъ, что оно производится при искусственно созданныхъ условіяхъ, въ особомъ состояніи психической сферы, называемомъ гипнозомъ, который есть ни что иное, какъ видоизмѣненіе обыкновеннаго сна, вызываемое опредѣленными (хотя и очень разнообразными) приемами. Какъ мы уже упоминали, гипнотическое состояніе представляетъ наиболѣе благоприятныя условія для осуществленія различныхъ внушеній, и именно потому, что оно сопровождается „большимъ или меньшимъ засыпаніемъ личной сферы“ субъекта, такъ что внушенія входятъ въ его психическую сферу непосредственно, помимо активнаго вниманія, и, фиксируясь въ подсознательной (общей) сферѣ, впослѣдствіи входятъ сами собой въ личную сферу, которая не можетъ уже распознать ихъ, какъ постороннія, и потому подчиняется имъ²⁾. Но гипнозъ не есть необходимое условіе внушенія. Послѣднее можетъ осуществиться и безъ сна, даже безъ подчиненія воли внушаемаго лица, при самомъ обыкновенномъ состояніи, лишь бы только оно входило въ психическую сферу помимо активнаго участія данной личности. Отвлеченіе личной сферы и активнаго вниманія, какъ мы видѣли, составляютъ необходимое условіе всякаго внушенія; но это отвлеченіе возможно и помимо гипноза,—особенно у тѣхъ личностей, которыя являются носителями какихъ-либо психологическихъ предрасположеній. Вотъ почему есть не мало лицъ, „для которыхъ бодрственное состояніе представляетъ почти столь неблагоприятное условіе для внушенія, какъ и гипнозъ“³⁾. Примѣровъ подобнаго внушенія приводится множество въ соотвѣтствующей литературѣ. Да и нѣтъ необходимости прибѣгать исключительно къ клиническимъ примѣрамъ. Всѣмъ извѣстны цѣлебное значеніе такъ назы-

1) *Бехтер.*, *ibid.*; ср. *Ф. Тома*—Цит. соч., стр. 65.

2) Ср. *Бехтеревъ*, стр. 22.

3) *Бехтеревъ*—Цит. соч., стр. 23.

ваемыхъ симпатическихъ средствъ, магическое вліяніе нѣ-
которыхъ заговоровъ знахарей, быстро останавливающихъ
кровотеченія, а въ сѣдой древности—заклинанія языческихъ
маговъ, вызывавшія у медиума въ бодрственномъ состояніи
настояція галлюцинаціи¹⁾. Примѣромъ внушенія въ бодр-
ственномъ состояніи могутъ служить и сеансы извѣстнаго
Месмера, основателя теоріи *животнаго магнетизма* (XVIII в.)
или *месмеризма*. Для того, чтобы можно было „магнетизи-
ровать“ нѣсколько лицъ сразу, Месмеръ изобрѣлъ особый
чанъ или бакъ, который наполнялся водою, смѣшанной съ
толченымъ стекломъ и желѣзными опилками, и вокругъ
котораго садились пациенты, соединенные между собой длин-
ной веревкой. Обычными психо-патологическими эксцессами
при опытахъ Месмера были: нервный смѣхъ, вздрагиваніе,
вскрикиванія и т. п. Болѣе нервные субъекты, особенно
женщины, впадали въ истерику, конвульсіи, издавали дикіе
вопли; съ иными дѣлался столбнякъ, судороги и припадки
эпилепсіи. Месмеръ всегда присутствовалъ при опытахъ, и
его змѣинный леденящій взоръ переходилъ отъ одного па-
ціента къ другому. Въ сосѣдней комнатѣ играла музыка.
Субъектовъ, у которыхъ нервное разстройство доходило до
крайней степени, уносили въ такъ называемый „адъ“ или
„залъ кризисовъ“ (*salle des crises*), особую комнату, гдѣ они
корчились въ страшныхъ судорогахъ.

Всѣ изслѣдователи гипнотизма и внушенія единогласно
признаютъ, что особенно важнымъ факторомъ, содѣйствующимъ
внушенію, какъ въ гипнозѣ, такъ и въ бодрственномъ
состояніи, является *вѣра*, и въ частности—религіозная вѣра²⁾.
Вотъ почему во всѣ времена являлись въ разныхъ мѣстахъ
цѣлители, которые однимъ словомъ или наложеніемъ руки
исцѣляли больныхъ, воображая, что сами они обладаютъ
особою магнетическою силою,—тогда какъ сила эта основывалась
лишь на внушеніи и вѣрѣ. Извѣстны недавніе пора-
зительные успѣхи въ Америкѣ эмигранта Шлятера, выда-
вавшего себя за Мессію и исцѣлявшего больныхъ. Вѣра
является столь благопріятной почвой для самовнушенія, что

¹⁾ Ср. *Битнеръ*—Чудеса гипнотизма, стр. 10—11.

²⁾ *Bernheim*—De la suggestion et de ses applications à la therapeut.,
р. 10 sq. Пар. 1891; *Бехтеревъ*—Цит. соч., стр. 29; *Ф. Тома*—Цит. с.,
стр. 92 и мн. др.

она „нерѣдко совершаетъ чудесныя исцѣленія и тамъ, гдѣ обыкновенное внушеніе оказывается безсильнымъ“¹⁾; вотъ почему эти исцѣленія чаще всего происходятъ на мѣстахъ религіозныхъ видѣній: таковы, напр., многочисленныя исцѣленія въ Лурдѣ, происходившія на мѣстѣ, прославленномъ видѣніемъ Богородицы простой дѣвушкѣ, и описанныя въ *Annales de Lourdes* и у *E. Zola*. Проф. Бехтеревъ приводитъ не мало хорошо ему извѣстныхъ и лично имъ провѣренныхъ случаевъ исцѣленія на почвѣ религіозной вѣры,—при чемъ, указываетъ на то, что эти случаи отнюдь не ограничиваются одними только истерическими явленіями²⁾. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, по мнѣнію психологовъ, играетъ роль не только внушеніе и самовнушеніе, но и вся соотвѣтствующая обстановка, постепенная подготовка настроенія (паломничество, посты, религіозныя церемоніи и проч.), нарастающая до степени религіознаго воодушевленія или экстаза. Но какъ бы ни объяснялись всѣ упомянутые факты и явленія, во всякомъ случаѣ значеніе ихъ громадно и весьма поучительно для воспитателей. Если есть у педагога вполнѣ надежное средство импонировать питомцамъ и неуклонно вести ихъ къ намѣченной цѣли, то это средство—*вѣра* въ собственное дѣло, умѣнье вносить въ него глубокое убѣжденіе и внушать эту вѣру и убѣжденіе учащимся. Монотонные уроки, которые ведутся „для очистки совѣсти“, далеки отъ этой цѣли. Педагогъ, потерявшій вѣру и въ себя и въ проповѣдуемую имъ доктрину, снѣдаемый огнемъ бесплоднаго самоанализа и скептицизма, напоминающій собою спрута, съѣдающаго въ теченіе зимы свои щупальцы, по мѣрѣ того, какъ они вырастаютъ, не можетъ привить ребенку никакихъ убѣжденій. Люди убѣжденные вкладываютъ въ распространеніе своихъ идей всю свою энергію (напр., основатели новыхъ религій) и она невольно передается другимъ. Мощная сила внушенія, всегда неизмѣнно присущая вѣрѣ и глубокому убѣжденію, объясняется тѣмъ, что вѣра сопровождается энтузіазмомъ, а энтузіазмъ заразителенъ, что убѣжденіе подобно гипнозу, какъ бы усыпляетъ нашу критику, и воплощая идею въ яркій и живой образъ, подчиняетъ ей всю

1) *Бехтеревъ*, стр. 30.

2) *Бехтеревъ*—Цит. с., стр. 31—34.

психику чловѣка, препятствуетъ зарожденію противоположныхъ идей.

Кому неизвѣстно, какъ благотворно дѣйствуетъ на больного вѣра во врача, его пользующаго? Иной разъ одно неосторожное слово врача можетъ убить паціента. Весьма поучителенъ въ этомъ отношеніи разсказъ Арсенія Гуссе (A. Houssaye) о послѣднемъ разговорѣ Бальзака со своимъ врачомъ. Романистъ, во время своей болѣзни, желая составить завѣщаніе, просилъ доктора сказать ему чистосердечно и откровенно—сколько времени ему еще остается прожить. На вопросъ д-ра: „сколько вамъ нужно времени, чтобы покончить всѣ дѣла?“,—Бальзакъ, подумавши, отвѣтилъ: „шесть мѣсяцевъ“. Д-ръ въ нерѣшительности покачалъ головой. „Ахъ, воскликнулъ Бальзакъ, я вижу, что 6 мѣс. это очень много. Но можетъ быть вы обѣщаете мнѣ еще 6 недѣль“?. Д-ръ снова покачалъ головой: онъ слишкомъ серьезно принималъ требованіе больного и рѣшилъ сказать ему всю правду. „Какъ, докторъ, продолжалъ Бальзакъ, неужели я уже—чловѣкъ отпѣтый? Слава Богу, я еще чувствую въ себѣ силы для борьбы. Но я чувствую въ себѣ также достаточно силъ, чтобы покориться: я готовъ на жертву. Если ваша наука не обманываетъ васъ, не обманывайте и вы меня. Могу-ли я еще надѣяться на 6 дней? Ну что же, я набросаю въ общихъ чертахъ все, что нужно... Воля чловѣка производитъ чудеса... На 7-й день я отдохну“. Онъ тяжело вздохнулъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Бальзакъ началъ ставить д-ру свои вопросы, онъ какъ бы постарѣлъ лѣтъ на десять. У него не хватало даже голоса, чтобы спрашивать дальше, а докторъ тоже не могъ вымолвить ни слова. „Дорогой мой больной, сказалъ онъ наконецъ, кто можетъ поручиться хотя бы за 1 часъ нашей жизни? Можетъ быть здоровымъ суждено умереть раньше васъ... Но вы просили, чтобы я сказалъ правду; вы говорили о завѣщаніи обществу... Ну такъ вотъ, это завѣщаніе вы должны написать... сегодня же“. Бальзакъ поднялъ голову. „Значитъ мнѣ остается жить какихъ-нибудь 6 часовъ?“, воскликнулъ онъ и упалъ на подушки. Послѣднія слова д-ра были для него смертельнымъ ударомъ: агонія наступила тотчасъ же ¹⁾.

¹⁾ Ф. Тома—Цит. соч., стр. 68—69.

Какъ мы уже сказали, изложеніе и анализъ органическихъ и психическихъ эффектовъ, сопровождающихъ внушеніе, весьма разнообразныхъ и интересныхъ (особенно въ гипнозѣ), не входитъ въ нашу задачу. Однако, перечислимъ важнѣйшіе изъ нихъ. Таковы, напр.: *анестезія* (потеря чувствительности) и *гиперстезія* (болѣзненно повышенная чувствительность), *иллюзии* въ области всѣхъ 5-ти внѣшнихъ чувствъ, *галлюцинаціи*—положительныя (когда внушаемый видитъ то, чего нѣтъ) и отрицательныя (когда онъ не видитъ того, что есть, что у него предъ глазами), *амнезія* (ослабленіе и полная потеря памяти), *гипермнезія* (болѣзненно повышенная дѣят. памяти) и *парамнезія* (ложныя показанія памяти), наконецъ—*измѣненіе личности* (*персонификація*). Последнее имѣетъ особенный интересъ, ибо свидѣтельствуеетъ о чрезвычайномъ могуществѣ словеснаго внушенія, хотя бы то и въ гипнозѣ. Такъ, напр., Ш. Рише путемъ ряда послѣдовательныхъ внушеній заставлялъ 43-лѣтнюю даму считать себя крестьянкой, актрисой, генераломъ, архіепископомъ, монахиней, маленькой дѣвочкой и т. д. Пациентка дѣлала всевозможныя усилія держать себя такъ, какъ того требовала соотвѣтствующая роль, измѣняя свой голосъ, жесты и проч. ¹⁾ Но если данное и ему подобныя внушенія осуществляются въ состояніи гипноза, то существуютъ еще такъ называемыя *постгипнотическія* внушенія на опредѣленный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ, исполняемыя по пробужденіи. Они-то особенно интересны съ педагогической точки зрѣнія, такъ какъ свидѣлствуютъ о томъ, что измѣненіе личности во многихъ случаяхъ сохраняется и послѣ пробужденія ²⁾. А отсюда вытекаетъ возможность такъ на-

¹⁾ *Лурье*—Гипнотизмъ, стр. 11—12.

²⁾ Бернгеймъ былъ свидѣтелемъ того, какъ одно внушеніе осуществилось 63 дня спустя; д-ръ Бони—172 дня спустя, Льежуа—черезъ годъ (*Ф. Тома*—Цит. с., стр. 76). При исполненіи дѣйствія субъектъ обычно не сознаетъ ничего о сдѣланномъ ему когда-то внушеніи: на вопросъ о причинѣ поступка онъ отвѣчаетъ: „меня что-то толкало къ этому“,—или: „пришла фантазія, вотъ я и сдѣлалъ“. Интересный примѣръ постгипнотич. внушенія сообщаетъ изъ своей практики д-ръ Бони. 14 іюля 1884 г. проф. Бони, усыпивъ m-lle A. E., сдѣлалъ ей слѣдующее внушеніе: „1-го января 1885 года въ 10 часовъ утра вы увидите меня; я приду поздравить васъ съ Новымъ Годомъ; затѣмъ, поздравивши васъ, я исчезну“. Въ назначенный день и часъ

зывается *психотерапія* въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. „возможность воздѣйствовать при помощи внушенія на нѣкоторые характеры, темпераменты и даже измѣнять ихъ“. Такимъ путемъ д-ръ Берильонъ вылѣчилъ нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ нервныхъ подергиваній, отъ склонности къ воровству и ко лжи, а докторъ Льебо одного завятаго лѣнтяя превратилъ въ усерднаго работника ¹⁾. Подобные опыты производились надъ алкоголиками, морфиноманами и др. и дали вполне благоприятные результаты.

Что касается, наконецъ, такъ называемаго *мысленнаго внушенія* (*suggestion mentale*), или телепатической передачи психическихъ воздѣйствій и состояній (напр., мысли) на разстояніи, безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ (даже безъ словесныхъ приказаній), то, хотя не мало фактовъ подобнаго рода собрано въ обширномъ трудѣ проф. Охоровича „De la suggestion mentale“ ²⁾, но психологія пока еще воздерживается отъ рѣшительнаго сужденія по этому вопросу. Поводомъ къ гипотезѣ о телепатической передачѣ мыслей на разстояніи послужило открытіе Брауномъ (въ 1875 г.) такъ назыв. чтенія или угадыванія мыслей при посредствѣ держанія за руку. Но это послѣднее явленіе психологи объясняютъ теперь на почвѣ тонкой мышечной чувствительности отгадчика, улавливающаго „то мышечное напряженіе и тѣ незамѣтныя движенія, которыя являются прямымъ слѣдствіемъ напряженія мысли о задуманномъ предметѣ, находящемся въ извѣстномъ мѣстѣ“ (ср. все вышесказанное нами

пациентка Бони находилась въ своей комнатѣ. Услышавши стукъ въ дверь, она сказала—„войдите“, и къ удивленію своему увидѣла Бони, который поздравилъ ее съ Новымъ Годомъ. Профессоръ былъ въ лѣтнемъ костюмѣ, томъ самомъ, въ которомъ онъ былъ одѣтъ, когда дѣлалъ внушеніе въ іюлѣ. Это несоотвѣтствіе костюма сезону и времени года крайне изумило m-lle A. E., но она не успѣла даже спросить объ этомъ профессора, т. к. послѣдній сейчасъ же ушелъ. Рассказывая объ этомъ своей подругѣ и другимъ лицамъ, между прочимъ—доктору Льебо, и узнавъ отъ нихъ, что Бони въ день Нового Года не было въ Парижѣ, она продолжала увѣрять, что видѣла его, не смотря даже на его собственныя увѣренія въ противномъ (Бони--Гипнот. стр. 118).

¹⁾ Ф. Тома—Цит. соч., стр. 77—78.

²⁾ Ochorowicz—De la sugg. mentale, Edit. 2. Par. 1889.

о двигательной силѣ идей) ¹⁾. Такимъ же образомъ нѣкоторые объясняютъ, между прочимъ, и сеансы „столоверченія“: здѣсь все дѣло—„въ незамѣтныхъ для самихъ участниковъ съ тѣса двигательныхъ толчкахъ, развивающихся при утомительномъ держаніи рукъ на вѣсу—съ пальцами, прикасающимися къ столику или блюдечку“; мысли медиума, главнаго руководителя дѣла, „передаются путемъ незамѣчаемыхъ толчковъ черезъ столикъ (или блюдечко) другимъ лицамъ“, воспринимающимъ ихъ пассивно. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ внушеніемъ и взаимовнушеніемъ чрезъ посредство мышечнаго чувства ²⁾. Едва ли, впрочемъ, такое объясненіе достаточно, если признать достовѣрность всѣхъ описываемыхъ въ литературѣ по вопросамъ спиритизма явленій. Собственно же относительно передачи мыслей на разстояніи слѣдуетъ сказать, что психологія знаетъ факты чрезвычайно повышенной чувствительности отдѣльныхъ субъектовъ, которою можно объяснить случаи ясновидѣнія или дальнеслышанія, но не имѣетъ твердо установленныхъ научныхъ данныхъ для того, чтобы допустить передачу психическихъ состояній при внушеніи безъ какого бы то ни было вѣшняго посредства. Путями („посредствами“) для этой передачи являются органы чувствъ,—на чемъ и основаны всѣ эксперим. методы изслѣдованія внушаемости, къ изложенію которыхъ мы скоро перейдемъ. Органъ *слуха* играетъ здѣсь особенно важную роль: словесное внушеніе является наиболѣе распространеннымъ и наиболѣе дѣйствительнымъ. Примѣромъ *зрительнаго* внушенія можетъ служить вліяніе мимики, жестовъ, или хотя бы та банальная истина, что очень немногіе могутъ смотрѣть на зѣвоту и не зѣвать въ то же время. Рассказываютъ также, что одинъ шутникъ остановилъ цѣлый оркестръ (духовой) тѣмъ, что сталъ есть лимонъ на глазахъ музыкантовъ. А вотъ изумительный случай внушенія при посредствѣ *осязанія*: преступнику, приговоренному къ смертной казни, было внушено при закрытыхъ глазахъ, что у него вскрыта одна вена и что кровь уже истекаетъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ оказался мертвымъ, хотя вмѣсто крови по тѣлу его

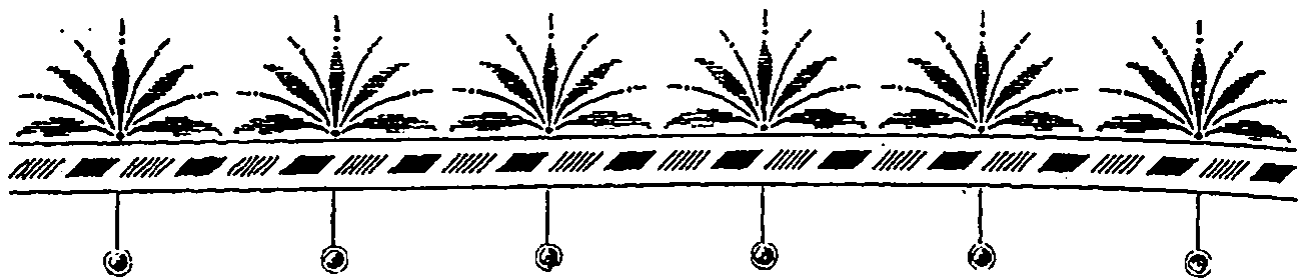
¹⁾ *Бехтеревъ*—Цит. с., стр. 39.

²⁾ *Ibidem*.

струилась теплая вода. Возможны внушенія и при посредствѣ *мышечнаго чувства*: достаточно истеричной больной въ гипнозѣ (каталептическая стадія) сложить руки, какъ дѣлается при молитвѣ, и все лицо ея тотчасъ же принимаетъ выраженіе мольбы. Словомъ, всѣ органы чувствъ могутъ служить передатчиками внушенія, но главную роль играютъ, конечно, слухъ и зрѣніе.

Теодоръ Владиміръскій.

(Окончаніе будетъ).

Вѣра и знаніе.

Соч. Виктора Катрейна.

(Переводъ съ нѣмецкаго священника Н. Липскаго).

(Продолженіе) *).

II. Анархія въ области философіи.

Неограниченное право свободнаго изслѣдованія основывается на томъ молчаливо допускаемомъ предположеніи, что мыслящій субъектъ не подчиненъ никакимъ высшимъ законамъ, что онъ совершенно автономъ и повинуетъ лишь тѣмъ законамъ, какіе даетъ самъ для себя; онъ—источникъ и верховный судія всякой истины. Таковы основные принципы Кантовскаго субъективизма, который Резенкранцъ¹⁾ характеризуетъ такъ: „*Я хочу!* Вотъ боевая тактика Канта... *Я—свободенъ!* Природа не имѣетъ надо мною власти. Никто изъ людей не въ состояніи что-либо сдѣлать противъ меня, противъ моей воли. Все, что кто-либо другой, посторонній можетъ мнѣ посовѣтывать, или приказать, въ томъ лишь случаѣ можетъ имѣть надо мной силу, если я самъ захочу подчиниться этому совѣту, или приказанію. *Никакой авторитетъ самъ по себѣ и не можетъ и не долженъ имѣть власти надо моею волею, само собою разумѣется, и надъ моимъ мышленіемъ также. Я—свободенъ! Самъ Богъ не имѣетъ надъ мною никакой власти.* Я не стану повиноваться какому-либо требованію только потому, что оно предъявля-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12 за 1914 г.

¹⁾ Geschichte der Kantischen Philosophie, 196—198.

ется мнѣ, какъ требованіе Божественное. Я долженъ прежде знать, могу ли я самъ себѣ поставить такое требованіе, не впаду ли я черезъ это самое въ какое-либо противорѣчіе съ самимъ собою. *Въ этомъ именно состоитъ божественная природа свободы. Она заключаетъ въ себѣ возможность опредѣлять себя къ поступкамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ волей Бога, съ Его законами, такъ какъ Богъ не можетъ насильствовать моего хотѣнія*“.

Разъ допущена такая точка зрѣнія, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого должна быть духовная анархія въ философской области по пословицѣ: *Quot capita, tot sensus*. А насколько это справедливо, показываетъ *нѣмецкая философія послѣ Канта*. Въ настоящее время трудно найти двухъ философовъ, которые были бы согласны между собою даже въ основныхъ воззрѣніяхъ.

Основатель нѣмецкой философіи Э. Кантъ, съ которымъ мы уже знакомы: его основныя воззрѣнія мы уже рассматривали выше. Кенигсбергскій философъ своей критикою испровергъ все, что выработала философская мысль до него. „Результаты его разрушительной критики можно сравнивать съ послѣдствіями какого-либо страшнаго землетрясенія; все, что повидимому такъ прочно было построено, пошатнулось, упало и превратилось въ развалины. Въ первое время обитатели зданій, построенныхъ по старой системѣ и теперь рухнувшихъ, растерянно смотрѣли на это разрушеніе, которое произведено непрощеннымъ разрушителемъ, подвевшимъ мины подъ зданія“¹⁾. Всѣ торжественно рукоплескали вновь появившимся идеямъ. Всякій, кто не приставалъ къ Канту, подвергался насмѣшкамъ и глумленіямъ, какъ „догматическій тупица“. Самъ Кантъ смотрѣлъ на свою систему, какъ на вѣчное сооруженіе. „Критическая философія вообще должна быть увѣрена, что въ будущемъ нельзя ожидать какого-либо измѣненія взглядовъ и мнѣній, какихъ-либо улучшеній или вообще реформированія теоретическаго сооруженія, но что система критики, покоящаяся на безусловно прочномъ фундаментѣ, построена на всегда, на всѣ послѣдующіе вѣка останется необходимой для достиженія высшихъ цѣлей человѣчества“.

¹⁾ Paulsen. I. Kant, 1899, 387.

Однако, ликованіе продолжалось не долго. Вслѣдъ за Кантовской критикой „наступилъ періодъ лихорадочной работы. Нѣкоторые пытались оставаться въ разрушенномъ зданіи, заладивъ кое-какъ трещины и починивъ кровлю; другіе, какъ Якоби и Энидеземъ—Шульце, принялись за изслѣдованіе фундамента новой постройки, возведенной Кантомъ. Затѣмъ выступили на сцену молодыя силы, Рейнгольдъ, Фихте, и стали возводить новыя теоретическія построенія въ томъ же новомъ стилѣ. Скоро это стремленіе къ построенію новыхъ системъ усилилось больше прежняго; на полѣ, покрытомъ развалинами разрушенныхъ зданій старой метафизики, одинъ за другимъ стали воздвигаться волшебныя замки новыхъ спекуляцій. Все смѣлѣе, замысловатѣе, фантастичнѣе становились постройки. На ряду съ ними Кантовское, не законченное ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны, зданіе выглядѣло довольно жалкимъ. *Едва лишь основатель критической философіи самъ закрылъ глаза, какъ для большинства философовъ его точка зрѣнія оказалась уже отвергнутой.* Спустя два десятилѣтія надъ умами властвуетъ уже Гегель, который, какъ это ни странно, критикой Канта воспользовался лишь какъ исходной точкой для того, чтобы произвести этотъ переворотъ“¹⁾).

Когда Фихте еще при жизни Кенигсбергскаго философа указалъ въ его системѣ многочисленныя противорѣчія и именно отвергъ его „непознаваемую вещь въ себѣ“, этотъ послѣдній въ Іенской газетѣ отъ 7 авг. 1799 г. отвѣтилъ ему: „На предъявленное мнѣ отъ имени общества требованіе, этимъ объявляю, что *научную теорію Фихте я считаю совершенно несостоятельною*“. Въ отмѣстку за такой рѣзкій отзывъ Фихте обозвалъ своего учителя „трехчетвертиголовымъ“—„*Dreiviertelkopf*“.

По мнѣнію Шеллинга, результатъ Кантовской критической работы „ничтоженъ“; изъ двухъ главныхъ проблемъ философіи—объясненія природы и метафизическаго міра (Богъ, душа и прч.) одну Кантъ „обошелъ“, рѣшеніе другой „несостоятельно“.²⁾ Гегель видѣлъ въ теоріи Канта „законченную теорію разсудка, которая отказывается отъ разума“, которая „*приобрѣла себѣ такъ много послѣдователей только*

¹⁾ Paulsen, I. Kant, 387.

²⁾ Zur Geschichte der neueren Philosophie: Werke, X, 89.

потому, что освобождала, повидимому, отъ власти древней метафизики, т. е., по мотивамъ отрицательнаго характера¹⁾. Критическую теорію познанія онъ считалъ „неудовлетворительной и противорѣчивой“, говорилъ о „грубой пошлости мышленія“ и „совершенной ненаучности формы“. По Гербарту, Кантовское „ученіе о природѣ ложно отъ начала до конца“, своимъ категорическимъ императивомъ онъ придалъ чувству долга „вдвойнѣ фальшивое истолкованіе“, въ значительной своей части Кантовская теорія стоитъ въ зависимости отъ „его фантастической психологіи и преисполнена всевозможныхъ ошибокъ“²⁾.

Гартманъ доказываетъ, что по Канту не только содержаніе представленій, но и самый актъ представленія есть нѣчто, только кажущееся, „есть сновидѣніе безъ того, кто имѣетъ это сновидѣніе, сновидѣніе, которое само себя видитъ, оно никогда не существуетъ, какъ сновидѣніе, но его бытіе лишь грезится во снѣ,—таковъ логическій послѣдній выводъ изъ Кантовскихъ принциповъ“. Его система необходимо ведетъ къ „иллюзіонизму“, въ которомъ „безумное ничто являетъ намъ кажущійся міръ“.³⁾ „Для Кантовскаго положенія въ философіи, говоритъ Гартманъ въ другомъ мѣстѣ, характерно то обстоятельство, что всѣ позднѣйшіе самостоятельные мыслители брали его только какъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго поступательнаго движенія по пути исканія истины и только бездарности взирали на кантовскую систему, какъ на истинную“... Кантовская философія имѣетъ важное значеніе, но именно, какъ только исходный пунктъ. „Но устойчивыхъ результатовъ, какихъ достигла философія въ теченіе послѣдняго столѣтія, слѣдуетъ искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, но не у Канта“⁴⁾.

Къ сожалѣнію Гартманъ не сказалъ, гдѣ же именно слѣдуетъ искать этихъ устойчивыхъ результатовъ философіи. Быть можетъ, онъ имѣлъ въ виду свою собственную философію, но въ настоящее время его философія принадлежитъ уже исторіи.

I. Бауманъ также указываетъ на многія противорѣчія

1) Enzyklopedie, § 60.

2) Werke, III, 127, 131, 151.

3) Das Ding an sich, 28.

4) Gesammelte Studien, 553—559.

у Канта. Не смотря на то, что субстанція, причинность являются у него понятіями апріористическими, въ своей моральной философіи и теологіи онъ мыслить человѣка, какъ вещь въ себѣ, какъ ноумень, какъ субстанцію, причину. *Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Кантовой теоріи въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія уже не придержививались, но она давала мощный толчокъ къ философскому мышленію*¹⁾.

Паульсенъ ставитъ вопросъ: „Какое значеніе можетъ имѣть для насъ Кантъ?“ и отвѣчаетъ на него такъ: Отъ Канта мы должны научиться тому, что великія міровыя загадки не могутъ быть разрѣшены теоретическимъ путемъ и что поэтому слѣдуетъ обратиться къ практической вѣрѣ, обратить вниманіе на потребности сердца. Другими словами: все, что осталось намъ отъ Канта,—это *сомнѣніе* въ философскомъ рѣшеніи великихъ вопросовъ жизни. Паульсенъ даже отвергаетъ практическую философію Канта, его категорическій императивъ, практическіе постулаты, равно какъ то его утвержденіе, что существуютъ необходимыя, неизмѣнныя и имѣющія вѣчное значеніе понятія. Что же въ такомъ случаѣ остается намъ отъ Канта?—На вопросъ: чѣмъ Кантъ не долженъ быть для насъ? Вундтъ отвѣчаетъ: его система несостоятельна именно по причинѣ его невозможной практической философіи или этики, съ которой стоитъ въ связи вся теорія Канта. „Такимъ образомъ, кто видитъ и признаетъ невозможность согласовать эту этику съ эмпирической природой человѣка,—а эта невозможность, по Вундту, въ настоящее время почти всеми признана,—тотъ въ этомъ обстоятельствѣ можетъ усмотрѣть доказательство несостоятельности основныхъ положеній Канта; но онъ не можетъ стоять на почвѣ этихъ возрѣній и въ то же время отвергать Кантовскую трансцендентальную этику“. Въ заключеніе Вундтъ приходитъ къ вопросу: Чѣмъ можетъ быть Кантъ для насъ?, на который онъ отвѣчаетъ такъ: Значеніе Канта — въ глубинѣ, серьезности и осторожности его мышленія, а также въ возвышенности его этическихъ взглядовъ. Другими словами: значеніе Канта въ его этическихъ возрѣніяхъ, которыя, по Вундту, всеми отвергаются; въ

¹⁾ Hacckels Welträtsel, 34.

глубокомъ, осторожномъ мышленіи, которое, однако, не предохранило Канта отъ множества заблужденій, всѣми въ настоящее время отвергнутыхъ.

Можно допустить, что Нитцше крайне преувеличиваетъ, когда называетъ Канта „калѣжкой—горбуномъ понятій“; но несомнѣнно, что въ настоящее время отъ философіи Канта не осталось ничего, кромѣ двухъ-трехъ изреченій о неспособности разума познать Бога и Божественные предметы, объ автономности разума и др. Все остальное выброшено уже въ сорный ящикъ. При этомъ онъ прежде всего является отвѣтственнымъ за тотъ сумбуръ, который характеризуетъ нѣмецкую философію 19-го столѣтія. Онъ многое подвергъ критикѣ, отвергъ, разрушилъ, но ничего не создалъ. Великіе мыслители являются въ то же время и наиболѣе понятными. А насколько туманно говорилъ и писалъ Кантъ, видно уже изъ того, что и до сихъ поръ спорятъ о смыслѣ и значеніи его основныхъ мыслей.

И какіе споры велись уже непосредственными преемниками Канта относительно его ученія! А. Ланге различаетъ кантіанцевъ въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ ¹⁾, К. Грюнцъ—подлинныхъ кантіанцевъ и псевдокантіанцевъ ²⁾, Эрдманъ различаетъ въ ученіи Канта центръ, правое и лѣвое крыло; Байгиндеръ различаетъ кантіанцевъ по методу: догматико-критическаго направленія, дедуктивно-критическаго и индуктивно-критическаго; по выводамъ или результатамъ: догматико-идеалистическаго характера, критически-идеалистическаго и эмпирико-монистическаго; впрочемъ, по его мнѣнію, существуетъ еще множество переходныхъ ступеней между указанными направленіями ³⁾. Послѣ этого кто же въ состояніи разобраться во всей этой массѣ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ взглядовъ? Шопенгауэръ вышучиваетъ „эту безтолковую производительность послѣ-кантовскихъ философовъ съ ихъ имманентной и трансцендентной болтовней; онъ говоритъ, что эта болтовня всегда ему напоминаетъ „о карикатурѣ въ сатирическомъ альманахѣ Фальба, который изображаетъ Канта, поднимающимся на воздушномъ шарѣ къ небу и бросающимъ на землю принадлежности

¹⁾ Geschichte des Materialismus 11, 3.

²⁾ Geschichte der Gegenwart, 194.

³⁾ Geschichte der Philosophie, 656.

своего туалета вмѣстѣ со шляпой и парикомъ; а на землѣ обезьяны собираютъ падающіе обрывки туалета и напялываютъ ихъ на себя“¹⁾).

Періодъ, наступившій со смертію Канта, по мнѣнію Паульсена, *„есть періодъ печальнаго упадка человеческого духа: это періодъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гербарта и имъ подобныхъ“*. „Олимпъ абсолютной истины, говоритъ объ этомъ періодѣ Э. ф. Гартманъ, долженъ былъ, во что-бы то ни-стало, быть взятъ приступомъ...; послѣдняя, самая сумасбродная и самая ожесточенная попытка этого штурма неба было гегелевская діалектика, которая мечтала овладѣть міромъ, сдѣлавъ нападеніе на него посредствомъ своей арміи и которая кончилась тѣмъ, что эта діалектика прижала къ своей груди *лишь призраки, созданные собственнымъ воображеніемъ*. Это былъ періодъ сильнѣйшаго возбужденія умовъ, когда каждый старался превзойти своего предшественника, уйти впередъ, создать нѣчто поистинѣ великое, гениальное. Такъ какъ мысль въ это время находилась въ какомъ-то болѣзненномъ напряженіи и приняла *направленіе отчасти нездоровое, то становятся понятными заблужденія, появившіяся въ это время, которыя иначе были бы необъяснимы“*²⁾).

Паульсенъ говоритъ о „безплодной игрѣ понятіями“, о „пустословномъ резонерствѣ“ Шеллинга и Гегеля. Онъ спрашиваетъ: почему Вундтъ и Юдль относятся къ „спекулятивной философіи“ съ необычной доселѣ деликатностію? и отвѣчаетъ: „Быть можетъ, здѣсь можно видѣть указаніе на то, что въ настоящее время въ Германіи эта философія *имѣетъ значеніе не болѣе, какъ историческое*. Если бы въ настоящее время съ ней приходилось считаться, какъ съ соработницей, то, навѣрное, названные философы отлеслись бы къ ней совершенно иначе“³⁾. Въ годъ смерти Гегеля (1831) Гербартъ писалъ: „Отъ фальшивой философіи послѣдняго десятилѣтія пора освободиться“⁴⁾).

Особенно рѣзко отзывался о цеховой нѣмецкой философіи А. Шопенгауэръ. По его мнѣнію, причина успѣха

1) Ueber Universitetsphilosophie, 186.

2) Ueber die dialektische Methode, 120.

3) System der Ethik, 1, 181.

4) Kurze Enzyklopädie: Weike 11, 261.

философіи Гегеля ничто иное, какъ „ловкая хитрость, умѣнье писать туманнымъ непонятнымъ языкомъ, при этомъ искусство собственно состоитъ въ томъ, чтобы излагать галимантью такъ, чтобы читателю казалось, что галимантейей - то это представляется только потому, что онъ не въ состояніи понять всей глубины мысли: между тѣмъ какъ самъ пищуцїи прекрасно понимаетъ, что причина заключается въ немъ самомъ; самъ онъ не въ состояніи сказать ничего понятнаго, т. е., ясно продуманнаго. Безъ этого искусственнаго приема господа въ родѣ Фихте и Шеллинга не вышли бы въ знаменитости. Но какъ извѣстно, никто въ такой степени не воспользовался этимъ искусственнымъ приемомъ, какъ Гегель. Если бы Гегель съ самаго начала выразилъ въ ясныхъ словахъ свою абсурдную идею о томъ, что общія понятія, которыя мы образуемъ, абстрагируя признаки изъ эмпирическихъ возрѣній, которыя по этому чѣмъ общѣе, тѣмъ бѣднѣе содержаніемъ, что эти общія понятія суть истинныя реальности и что они сами себя мыслятъ и движутся;—если бы онъ съ самаго начала это ясно выразилъ, то всякій разсмѣялся бы ему въ лицо или же движеніемъ плечъ выразилъ бы, что тутъ не о чемъ собственно разговаривать“¹⁾. „Ни одинъ изъ смертныхъ никогда не проявлялъ такого безумія, какъ *summus philosophus*“²⁾.

„Господинъ Гегель, пишетъ Гербартъ, говоритъ о *жизни* - *комъ упадкѣ* въ наши дни философіи; но онъ собственно долженъ былъ бы объ этомъ умалчивать, такъ какъ этотъ упадокъ совершился какъ разъ въ то время, когда всего громче раздавался голосъ той школы, къ которой онъ самъ принадлежитъ. Именно отважная дерзость этой школы, которая всегда догматически утверждала вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, фантазировала вмѣсто того, чтобы строго мыслить, была причиной упадка философіи“³⁾. Бенеке рассказываетъ, что онъ съ большимъ рвеніемъ принялся за изученіе философскихъ системъ Фихте, Шеллинга и Гегеля, но не могъ осилить ихъ, потому что не въ состояніи былъ понимать; нужно быть охваченнымъ слѣпымъ суевѣріемъ, чтобы вѣ-

1) *Pererga und Paralipomena*, 176

2) *Ibid.* 157.

3) *Werke*. 11, 435.

рить тѣмъ химерамъ, какими эта философія хочетъ объяснить физическій и духовный міръ“¹⁾.

Послѣ Гегелевскаго штурма неба философія потерпѣла поражение и потеряла кредитъ въ широкой массѣ общества. Вслѣдъ за идеалистическимъ туманомъ опьяненія наступило похмѣлье. Р. ф. Ихерингъ высказываетъ сожалѣніе по поводу того, что время его развитія совпало съ періодомъ, когда „философія потеряла свой кредитъ въ обществѣ“, когда, какъ выражается другой писатель, „общимъ убѣжденіемъ было то, что философія и безуміе—понятія однозначія“. „Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, пишетъ Циглеръ, (нѣмецкая) философія представляла собою поле, покрытое трупами и развалинами“²⁾.

Съ какимъ высокомеріемъ и гордостью брались за отважное предпріятіе! Съ чисто барской замашкой все, до сихъ поръ достигнутое въ области философіи отбрасывалось въ сторону, какъ негодное; хотѣли основать новое царство истины и уже на вѣки вѣчное! И вотъ послѣ вѣковыхъ стараній, изслѣдованій, поисковъ философія представляетъ собою поле, „покрытое трупами и развалинами“. Въ періодической печати ставится вопросъ „о причинахъ вырожденія и оскудепія въ области философской мысли“. То, что одинъ строитъ, другой это самое разрушаетъ, трудно найти двухъ человѣкъ, которые раздѣляли бы одинаковыя философскія воззрѣнія, по истинѣ bellum omnium contra omnes. Въ отчаяніи вдругъ раздается съ разныхъ сторонъ призывъ: Назадъ къ Канту!, т. е., назадъ къ тому самому человѣку, съ котораго началось это крушеніе въ области философіи!

Положеніе отъ этого, однако, не измѣнилось къ лучшему. Послушаемъ, что по этому поводу говоритъ Паульсенъ. До сихъ поръ, по его мнѣнію, философія занимала первенствующее положеніе. „Съ потерей того уваженія, какимъ пользовалась послѣдняя изъ этихъ системъ, система Гегеля, которая была признана разумомъ міра, философія потеряла это свое господствующее положеніе. Съ этихъ поръ въ области философіи воцарилась анархія, ея авторитетъ и обаяніе исчезли и замѣнились обиднымъ презрѣніемъ, какимъ обыкновенно платятъ обманутые, послѣ то-

¹⁾ Die Philosophie in ihrem Verhältniss zur Erfahrung, 101.

²⁾ Die geistigen und socialen Strömungen des 19 Jahrhunderts, 386.

го какъ они прозрѣли и увидѣли обманъ. Нѣкоторое довѣріе мало по малу снова возвращается, но все еще повсюду замѣтно вліяніе пережитаго банкротства. Во-первыхъ, *не существуетъ, какъ это было ранѣе, ни одного цѣльнаго, объединяющаго философскаго міровоззрѣнія*, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ опредѣленномъ объемѣ. Философскія идеи послѣдняго времени слишкомъ противорѣчатъ одна другой. Поэтому въ обществѣ твердо продолжаютъ держаться скептическаго мнѣнія о философіи, думаютъ, что философія невозможна, что всѣ философскія системы эфемерны“...

„Философское образованіе повсюду организовано такъ, что въ немъ слишкомъ мало цѣльности и единства, *слишкомъ мало общепризнанныхъ истинъ, нѣтъ и единства въ пониманіи методовъ и цѣлей преподаванія, и вообще ни одной твердой точки опоры*. Каждый идетъ своей собственной дорогой, не заботясь о другихъ, гордый тѣмъ, что у него нѣтъ предшественниковъ, но что онъ открываетъ совершенно новыя, невѣдомыя дотолѣ пути. Настало время подобное тому, о которомъ говоритъ Платонъ: „Заключенія и выводы каждый дѣлаетъ самостоятельно, какъ кому Богъ на душу положить, каждый о другомъ думаетъ, что этотъ другой ничего не смыслить“. И хотя бы у того или другого автора все его новшество состояло въ одномъ лишь измѣненіи названій, этого уже достаточно, чтобы съ гордостью претендовать на титулъ основателя новой философской системы“. „Слѣдствіемъ этого стремленія быть непременно оригинальнымъ является то, что очень многіе не желаютъ заниматься такимъ сомнительнымъ предметомъ, какъ философія“¹⁾; а затѣмъ вслѣдствіе той же причины *академически образованный человекъ въ послѣднихъ вопросахъ общаго характера не имѣетъ совершенно твердыхъ принциповъ, твердой точки опоры, что и обнаруживается, какъ въ крайнемъ скептицизмѣ, такъ и въ его безпомощности въ борьбѣ со всякаго рода, даже съ самыми парадоксальными мнѣніями противниковъ*. „Пусть вспомнятъ о томъ, какая растерянность была вызвана всего года два тому назадъ эпидемическимъ увлеченіемъ такими вещами, какъ „Rembrandt als Erzieher“, или „Moderne Kulturlügen“, и ка-

¹⁾ Paulsen, Die deutschen Universitäten, 536 и слѣд.

кая наблюдается въ настоящее время въ культѣ Нитцше: плакатъ-философія есть часть плакатъ-искусства. То тамъ, то здѣсь раздается призывъ: вотъ онъ спаситель, вотъ онъ небесный царь, врачъ-чудотворецъ, который можетъ исцѣлить всѣ болѣзни вѣка! И вотъ тысячи бѣгутъ туда, откуда раздается этотъ призывъ и оповѣщаютъ во всѣхъ газетныхъ листкахъ: вотъ, мы нашли, наконецъ, его! Но спустя нѣкоторое время толпа снова устремилась въ другую сторону и забыла о немъ совершенно“.

Что касается бессмысленнаго увлеченія страстью чтенія, то Паульсенъ могъ бы привести и другіе примѣры: „Принципы XIX вѣка“ Чемберлена, „Женщина“ Бебеля, „Міровыя загадки“ Геккеля, которыя въ короткое время на нѣмецкомъ и англійскомъ языкѣ выдержали свыше ста изданій. Не смотря на такое положеніе вещей, Паульсенъ надеется, что постепенно удастся освободиться отъ этого „вавилонскаго смѣшенія“ понятій и достигнуть цѣльнаго и единаго философскаго міровоззрѣнія. „Когда станутъ меньше стремиться къ пустому оригинальничанью, когда больше станутъ удѣлять вниманія идеямъ прошлаго, а при обученіи философіи станутъ больше придерживатся философскихъ преданій, тогда можно будетъ ожидать большихъ успѣховъ отъ философскаго образованія, а равно отъ академическаго изученія философскихъ наукъ“¹⁾.

Мы боимся, что надежды на возобновленіе вниманія и уваженія къ философскимъ традиціямъ и къ великимъ идеямъ прошлаго окажутся тщетными? Современный философскій сумбуръ, который является причиной и религіозныхъ шатаній, есть естественное слѣдствіе неограниченной свободы изслѣдованія, не признающей никакого внѣшняго авторитета, слѣдствіе Кантовскаго субъективизма, унаслѣдованнаго отъ Канта протестантами. Это признаетъ и самъ Паульсенъ: „старый университетъ исходилъ изъ предположенія, что истина дана... новѣйшее университетское преподаваніе основано на предпосылкѣ, что истину нужно искать; задача обученія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать учащагося способнымъ къ этому и руководить имъ. Университетъ лишь сдѣлалъ выводъ изъ того положенія, какое создано реформаціей“²⁾.

¹⁾ Ibid 537.

²⁾ Ibid. 55.

Такимъ образомъ: задача современной философіи не въ томъ, чтобы находить истину, а въ томъ, чтобы искать ее, при томъ же не имѣя никакого компаса; каждый можетъ мыслить и учить такъ, какъ ему вздумается. Каждая новизна, оригинальничанья, на которую жалуется Паульсенъ, есть естественное слѣдствіе безграничнаго субъективизма. „Каждый новый доцентъ, говоритъ онъ, видитъ для себя честь въ томъ, чтобы имѣть свою собственную систему, и стремится вмѣсто „старой истины“, о которой нѣкогда сказалъ Гете, создать что-либо непременно новое, хотя бы ложное и ничтожное. Новыя, скрещивающіяся понятія перерабатываются съ какой-либо произвольно выбранной точки зрѣнія и такимъ образомъ создается учебная система. Затѣмъ вербуются слушатели, которые и нагружаются, пичкаются новыми идеями; нѣтъ такой нелѣпости, которая, разъ только она выступаетъ въ образъ новой системы, не нашла бы въ Германіи извѣстнаго количества приверженцевъ, которые потомъ будутъ кричать о ней въ журналахъ и газетахъ, какъ о знаменіи времени. И вотъ создатель новой системы, основатель новой школы готовъ, остается занести его имя въ исторію философіи и причислить къ бессмертнымъ“¹⁾).

„Такова плата за свободу науки, заключаетъ свои жалобы Паульсенъ, плата не дешевая, но она должна быть внесена: свобода и опасность неразлучны“. Онъ даже полагаетъ, что этой свободѣ нѣмецкіе университеты обязаны тѣмъ, что имъ принадлежитъ теперь руководящая роль въ научной жизни народовъ. Это большое заблужденіе. Нѣмецкіе университеты сдѣлали весьма много въ историко-филологической и естественно-математической области, т. е., въ тѣхъ областяхъ, гдѣ свобода изслѣдованія есть нѣчто самопонятное, такъ какъ эти науки, разъ только не выходятъ изъ границъ своего вѣдѣнія, не имѣютъ никакого соприкосновенія съ христіанскимъ откровеніемъ и тутъ страсти почти не имѣютъ мѣста. Другой вопросъ, какъ обстоитъ дѣло въ нѣмецкихъ университетахъ, съ теологіей и философіей. Объ этомъ у насъ уже была рѣчь и Паульсенъ го-

¹⁾ Ibid. 289—290.

ворить то же самое. Полный сумбуръ, полное вавилонское столпотвореніе! И до этого своего состоянія науки эти дошли именно потому, что они въ безумной гордости отвергли всякій авторитетъ и провозгласили автономію личности. Отсюда сомнѣніе во всякой абсолютной истинѣ, которое является характернымъ признакомъ времени.

Свящ. Н. Липскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Августа

№ 15

1914 года.

Содержаніе. Инструкція Приходскимъ Попечительнымъ Совѣтамъ, Епархіальному Братству Озерянскія иконы Божіей Матери и его Уѣзднымъ Отдѣленіямъ по дѣлу организаціи помощи жертвамъ войны.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Правленія Озерянскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Редакціи ж. „Вѣра и Разумъ“.

I.

1914 г. Августа 8. Разрѣшается печатать.
Теодоръ, Епископъ Сумскій.

ИНСТРУКЦІЯ

Приходскимъ Попечительнымъ Совѣтамъ, Епархіальному Братству Озерянскія иконы Божіей Матери и его Уѣзднымъ Отдѣленіямъ по дѣлу организаціи помощи жертвамъ войны.

Для оказанія помощи жертвамъ войны открываются въ приходахъ епархіи «Попечительные Совѣты помощи жертвамъ войны», дѣйствующіе во все время продолженія войны подъ ближайшимъ руководствомъ Уѣздныхъ Отдѣленій Епархіальнаго Братства и подъ общимъ руководствомъ Центрального Совѣта онаго Братства.

Примѣчаніе. Дѣло оказанія помощи жертвамъ войны могутъ брать на себя и церковно-приходскія Попечительства, гдѣ таковыя имѣются, которыя въ этомъ дѣлѣ будутъ руководиться общимъ своимъ Уставомъ, но подъ руководствомъ Епархіальнаго Братства.

I.

Приходскіе Попечительные Совѣты.

§ 1. Приходскіе Попечительные Совѣты открываются во всѣхъ тѣхъ приходахъ епархіи, гдѣ не имѣется другихъ комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ или съ участіемъ священниковъ. Если же гдѣ учреждены эти послѣдніе по инициативѣ гражданской власти и въ нихъ участвуютъ мѣстные священники, то Приходскіе Совѣты тамъ

могутъ и не быть; но, впрочемъ, сельскіе комитеты, уже открытые, могутъ по своему желанію вступать подъ руководство Епархіальнаго Братства, о чемъ заявленіе должно быть подано ими немедленно. Въ волостяхъ, обнимающихъ нѣсколько приходоу, хотя бы при волостныхъ Правленіяхъ и существовали Попечительства, могутъ быть открываемы Попечительныя Совѣты по приходамъ по мѣрѣ надобности.

§ 2. Открытіе Совѣтовъ въ приходѣ производится такимъ образомъ: заблаговременно настоятель, руководствуясь словомъ, составленнымъ по сему поводу Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, объявляетъ прихожанамъ церкви за богослуженіемъ цѣль и значеніе учреждаемаго въ приходѣ Совѣта и пригласитъ всѣхъ прихожанъ, во главѣ съ мѣстными властями и почетными лицами, явиться въ ближайшій воскресный или праздничный день на приходскій сходъ. Въ назначенный день, послѣ Божественной Литургии, служится молебенъ о дарованіи побѣды, послѣ онаго производится избраніе выборныхъ лицъ въ составъ Совѣта, составляется письменный актъ симъ выборамъ и назначается ближайшій день для собранія Совѣта и открытія его дѣйствій. Настоятель о состоявшемся учрежденіи Совѣта кратко доноситъ Уѣздному Отдѣленію Братства.

§ 3. Въ составъ Совѣта входятъ обязательныя члены: причтъ, церковный староста и выборные члены изъ прихожанъ въ количествѣ 6 человекъ. Совѣтъ на первомъ же своемъ собраніи изъ своей среды избираетъ большинствомъ голосовъ: предсѣдателя, казначея и дѣлопроизводителя. Казначей ведетъ денежную часть, для чего выдаются ему, за подписью предсѣдателя и долопроизводителя, приходо-расходныя книги, а дѣлопроизводитель ведетъ запись постановленій Совѣта и регистрацію въ приходѣ благотворимыхъ лицъ.

§ 4. Совѣтъ собирается для обсужденія своихъ дѣлъ возможно чаще и не менѣе одного раза въ 2 недѣли; созываетъ, предсѣдательствуетъ на немъ и руководитъ имъ предсѣдатель. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 5. Совѣтъ сообщаетъ въ два мѣсяца разъ Уѣздному Отдѣленію Епархіальнаго Братства краткія свѣдѣнія о своей дѣятельности.

§ 6. Средства Совѣта должны быть слѣдующія: а) единовременное пожертвованіе церковныхъ суммъ; б) ежемѣсячныя отчисленія изъ денежныхъ церковныхъ суммъ валовой доходности въ размѣрѣ не менѣе 2⁰/₀; в) единовременное пожертвованіе причтовъ; г) ежемѣсячныя отчисленія изъ причтовыхъ денежныхъ доходовъ въ размѣрѣ не менѣе 2⁰/₀; д) сборъ пожертвованій въ церкви за каждымъ богослуженіемъ; посредствомъ обносимыхъ кружекъ съ надписью:

«На помощь жертвамъ войны»; е) сборъ пожертвованій по приходу деньгами, продуктами, одеждою и предметами домашняго хозяйства.

Половину единовременныхъ пожертвованій отъ церкви и причта и половину ежемѣсячныхъ отчисленій изъ причтовыхъ доходовъ Совѣтъ отсылаеть въ распоряженіе Уѣзднаго Отдѣленія Братства, а по городу Харькову и Харьковскому уѣзду въ центральный Совѣтъ; все же остальные средства Совѣтъ полностью употребляетъ на мѣстныя нужды.

Примѣчаніе. Рекомендуется привлекать: а) мѣстныя экономіи, фабрики, заводы, промышленныя заведенія къ пожертвованіямъ въ видѣ денежныхъ ежемѣсячныхъ процентныхъ отчисленій и предметовъ своего производства; б) мѣстныхъ врачей къ безмездному оказанію помощи больнымъ лицамъ семействъ запасныхъ; в) училища къ освобожденію отъ платы за ученіе дѣтей сихъ семействъ и къ безмездному снабженію ихъ учебными пособіями; г) городскія и сельскія общества—къ помощи благотворимымъ лицамъ общественнымъ трудомъ по уборкѣ хлѣба, запашкѣ и обѣмненію полей, надѣлами дровъ, зерна, соломы и т. п.; д) Кредитныя Товарищества—къ процентнымъ отчисленіямъ изъ доходовъ въ пользу сихъ лицъ, къ снабженію ихъ сельско-хозяйственными орудіями.

§ 7. Совѣтъ хранить свои денежные средства или въ Сберегательныхъ кассахъ, или же въ Кредитныхъ Товариществахъ, гдѣ таковыя имѣются, а въ г. Харьковѣ въ разрѣшенныхъ Епарх. Начальствомъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

§ 8. Въ случаѣ неудовлетворенія острыхъ нуждъ благотворимыхъ лицъ мѣстными средствами, предсѣдатель Совѣта обращается за помощью и содѣйствіемъ къ Уѣздному Отдѣленію Братства.

Примѣчаніе. Предсѣдатель Совѣта, съ разрѣшенія Предсѣдателя Отдѣленія Братства или Преосвященнаго Предсѣдателя центрального Братства, можетъ быть приглашаемъ на засѣданія Совѣтовъ Братства съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 9. Совѣтъ прежде всего заботится объ оказаніи помощи семьямъ лицъ, взятыхъ на войну. Съ этой цѣлью въ приходахъ эти семьи должны быть зарегистрированы, съ выясненіемъ состава, средствъ къ жизни и получаемыхъ ими пособій. По выясненіи ихъ неудовлетворенныхъ нуждъ, Совѣтъ оказываетъ имъ помощь: пріисканіемъ и обезпеченіемъ помѣщеній для нихъ, если они собственныхъ не имѣютъ, и въ снабженіи сихъ жилищъ топливомъ; пріисканіемъ и

обезпеченіемъ для матерей и старшихъ членовъ сихъ семействъ труда (т. е. должностей и доходныхъ занятій), выдачею имъ ежемѣсячныхъ денежныхъ пособій на прокормленіе или же пицевыхъ продуктовъ: муки, пшена, картофеля и т. п.; обезпеченіемъ дѣтей одеждою и безмезднымъ обученіемъ въ школахъ; прирѣніемъ сиротствующихъ дѣтей (безъ матери) въ пріютахъ и ясляхъ, снабженіемъ грудныхъ младенцевъ молокомъ и содѣйствіемъ ихъ хозяйству по уборкѣ хлѣба и обѣмененію полей, взносѣ или освобожденіи отъ общественныхъ повинностей и налоговъ.

Совѣты свободно могутъ изыскивать и употреблять и разнообразныя другіе способы помощи симъ семействамъ, какіе укажетъ само дѣло. Члены Совѣта должны имѣть постоянное отеческое наблюденіе за сими семействами, для чего будутъ возможно чаще посѣщать ихъ сами лично или чрезъ своихъ уполномоченныхъ и потомъ о состояніи ихъ будутъ докладывать Совѣту.

II.

Отношеніе Уѣздныхъ Отдѣленій Братствъ къ Совѣтамъ.

§ 1. Отдѣленіе вѣдаетъ это дѣло въ полномъ своемъ составѣ.

Примѣчаніе. Казначеемъ Отдѣленія вручаются благотворительныя суммы, коимъ онъ ведетъ счетъ прихода и расхода въ особой книгѣ, выдаваемой Отдѣленіемъ за подписью председателя и секретаря.

§ 2. Отдѣленія сосредоточиваютъ у себя свѣдѣнія о числѣ и размѣрахъ дѣятельности приходскихъ Совѣтовъ и въ свою очередь въ двухмѣсячный срокъ сообщаютъ свѣдѣнія эти центральному Совѣту Братства.

§ 3. Отдѣленіе сообщаетъ Совѣтамъ предположенія и указанія о лучшей постановкѣ дѣла, кои должны приниматься Совѣтами не какъ обязательныя предписанія, а только какъ братскіе совѣты.

§ 4. Отдѣленія въ потребныхъ случаяхъ возбуждаютъ отъ себя или поддерживаютъ ходатайства Совѣтовъ и просьбы касательно помощи семьямъ запасныхъ предъ подлежащими свѣтскими и духовными учрежденіями или предъ центральнымъ Совѣтомъ Братства.

§ 5. Отдѣленія для своей благотворительной помощи семьямъ запасныхъ получаютъ средства: а) ассигнуемые самимъ Отдѣленіемъ изъ своихъ спеціальныхъ источниковъ; б) указанныя въ § 6 отд. I; в) испрашиваемыя имъ пожертвованія отъ мѣстныхъ городскихъ, земскихъ, сословныхъ и промышленныхъ учрежденій; г) пожертво-

панія, собираемыя имъ во время торжественныхъ по особымъ случаямъ богослуженій, во время особыхъ чтеній и т. п.

§ 6. Отдѣленія изъ этихъ средствъ оказываютъ помощь приходскимъ Совѣтамъ тѣхъ приходоѡ, гдѣ мало средствъ и много нуждающихся.

§ 7. Въ случаѣ притока обильныхъ пожертвованій, по удовлетвореніи нуждъ семействъ запасныхъ, Отдѣленія могутъ учреждать лазареты для лѣченія больныхъ и раненыхъ воиновъ.

III.

Отношеніе Центрального Совѣта Братства къ своимъ Отдѣленіямъ и приходскимъ Попечительнымъ Совѣтамъ.

§ 1. Центральный Совѣтъ Братства вѣдаетъ это дѣло, въ виду особенной важности его, въ полномъ своемъ составѣ и по общему порядку, согласно своему уставу.

Примѣчаніе. Суммы, для помощи жертвамъ войны, вручаются казначею Братства, коимъ онъ ведетъ счетъ прихода и расхода на обычныхъ основаніяхъ въ особой книгѣ, выдаваемой Совѣтомъ Братства за подписью предсѣдателя и секретаря.

§ 2. Въ Центральномъ Совѣтѣ Братства сосредоточиваются свѣдѣнія о дѣятельности по призрѣнію семействъ запасныхъ всѣхъ приходскихъ Совѣтовъ и Уѣздныхъ Отдѣленій.

§ 3. Центральный Совѣтъ даетъ Отдѣленіямъ и приходскимъ Совѣтамъ общія свои указанія по призрѣнію семействъ запасныхъ, сносится по этому дѣлу съ мѣстными высшими свѣтскими и духовными учрежденіями и, въ видѣ журнальныхъ своихъ постановленій, докладываетъ о положеніи дѣла по епархіи Высокопреосвященному Архіепископу Харьковскому.

§ 4. Центральный Совѣтъ для помощи семьямъ запасныхъ получаетъ средства: а) ассигнуемыя имъ самимъ изъ своихъ специальныхъ источниковъ; б) указанные въ § 6 перваго отдѣла; в) изъ пожертвованій, поступающихъ на сей предметъ отъ частныхъ лицъ и мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ учрежденій, собираемыхъ во время особыхъ братскихъ торжественныхъ богослуженій, собраній, чтеній и т. п.

§ 5. Располагая этими средствами, Центральный Совѣтъ оказываетъ помощь приходскимъ Совѣтамъ г. Харькова и Харьковского уѣзда по призрѣнію семействъ запасныхъ тамъ, гдѣ не достаетъ для сего мѣстныхъ средствъ.

§ 6. Въ случаѣ притока обильныхъ пожертвованій Центральный Совѣтъ, по удовлетвореніи нуждъ семействъ запасныхъ, учреждаетъ свой лазаретъ для лѣченія больныхъ и раненыхъ воиновъ.

§ 7. О результатахъ дѣятельности епархіального духовенства по оказанію помощи жертвамъ войны Центральный Совѣтъ поручаетъ въ два мѣсяца одинъ разъ своему секретарю печатать краткіе отчеты въ журналъ „Вѣра и Разумъ“ и въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и препровождаетъ ихъ для свѣдѣнія г. Начальнику губерніи и Предсѣдателю Харьковской Губернской Земской Управы.

Предсѣдатель Коммисіи, *Протоіерей Петръ Оомицъ.*

Члены Коммисіи: { *Секретарь Консисторіи Ив. Самойловичъ.*
Протоіерей Константинъ Семвановскій.
Протоіерей Даниилъ Поповъ.
Священникъ Александръ Сокольскій.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Священникъ Троицкой церкви гор. Славянска, Изюмскаго уѣзда, Павелъ Даниловъ, за небрежное отношеніе къ веденію слѣдственныхъ дѣлъ во все время своего кратковременнаго (2-хъ-лѣтіяго) отправления обязанностей духовнаго слѣдователя, опредѣленіемъ Епархіального Начальства отъ 7/9 іюля 1914 года уволенъ отъ должности духовнаго слѣдователя 4 округа Изюмскаго уѣзда съ предписаніемъ благочинному не представлять его къ наградамъ впредь до особаго распоряженія Епархіального Начальства.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что по случаю ремонта училищныхъ помѣщеній занятія въ училищѣ, согласно разрѣшенію Его Высокопреосвященства, отложены до 19-го Сентября, при чемъ переэкзаменовки ученикамъ 4-го класса будутъ произведены въ ранѣе назначенный срокъ 18-го Августа, а ученикамъ остальныхъ классовъ, равно какъ и пріемные отъ 16-го Сентября.

Въ журналъ „Вѣра и Разумъ“ за № 13 въ отдѣлѣ объявленій отъ Купянскаго духовнаго училища относительно обмундированія учениковъ напечатано: „будничную: блузу и брюки изъ темно-синяго мильтона“, слѣдуетъ читать: „блузу и брюки изъ темно-сѣраго мильтона“.

Смотритель училища, *Священникъ В. Фодоровскій.*

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста

1) Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи *Симеонъ Павловскій* 28 іюля опредѣленъ на священническое мѣсто при Успенской церкви с. Поповки, Староб. уѣзда.

2) Сынъ личнаго почетнаго гражданина *Григорій Толмачевъ* 5 августа опредѣленъ и. д. псаломщика къ Николаевской церкви с. Дихачевки, Богодуховскаго уѣзда.

3) Учитель церковно-приходской школы *Ілія Курильченко* 5 августа опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви с. Б.-Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

4) Заштатный и. д. псаломщика *Павелъ Олейникъ* 4 августа опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви с. Землянки, Волчанск. уѣз.

5) Сынъ свящ. *Александръ Москалевъ* 3 августа опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви с. Песчаного того же уѣзда.

6) Сынъ псал. *Михаилъ Борисенко* 5 августа опредѣленъ и. д. псал. къ церкви с. Михайловки, Староб. уѣзда.

7) Крестьянинъ *Михаилъ Ковалевъ* 5 августа опредѣленъ и. д. псал. къ церкви с. Ямполья, Изюмскаго уѣзда.

8) Бывшій псал. *Іванъ Багрий* 5 августа опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви села Пѣвневки, Старобѣльскаго уѣзда.

9) Сынъ діакона *Константинъ Дюковъ* 5 августа опредѣленъ и. д. псал. къ церкви с. Казачей Лопани, Харьковскаго уѣзда.

10) Сынъ свящ. *Леонтій Веспда* 5 августа опредѣленъ и. д. псал. къ Благовѣщенской церкви с. Тростяница, Ахтырк. уѣзда.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ церкви с. Стецковки, Сумскаго уѣзда, *Димитрій Шиловъ* 26 іюля перемѣщенъ на службу въ Омскую епархію.

2) Священникъ церкви с. Ново-Александровки, Купянск. уѣзда, *Михаилъ Дзюбановъ*, 29 іюля перемѣщенъ въ с. Стецковку, Сумскаго уѣзда.

3) Священникъ церкви с. Лозового, Богодуховскаго у., *Іаковъ Чаговцевъ*, 29 іюля перемѣщенъ въ с. Ново-Александровку, Купянскаго уѣзда.

4) Священникъ церкви с. Перекопа, Валковскаго уѣзда, *Евгеній Николаевскій*, 29 іюля перемѣщенъ въ с. Лозовое, Богодуховскаго у.

5) Священникъ с. Поповки, Староб. уѣзда, *Димитрій Кириченко*, 29 іюля перемѣщенъ въ с. Перекопъ, Валковскаго уѣзда.

6) Діаконъ Успенской церкви с. Б. Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, *Николай Дажинскій*, 29 іюля перемѣщенъ въ с. Краснянку, Гуляйскаго уѣзда.

3) Объ утвержденіи въ должности и. д. псаломщиковъ.

И. д. псаломщика церкви с. Безрукова, Харьковскаго уѣзда, *Иванъ Булдовскій*, 25 іюля утвержденъ въ должности псаломщика.

4) Увольненіе должностныхъ лицъ.

Благочинный 3 округа Изюмскаго уѣзда, протоіерей Георгіевской церкви с. Барвенково, того-же уѣзда, *Михаиль Спжирскій*, по случаю преклонныхъ его лѣтъ, резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 30 іюля, положенной на докладъ Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера, протоіерея Константина Селивановскаго, уволенъ отъ должности благочиннаго, а на его мѣсто того-же числа назначенъ священникъ Успенской церкви той-же слободы *Алексій Навродскій*.

5) Назначеніе пенсій.

Заштатному протоіерею Троицкой церкви гор. Харькова *Николаю Гутникову* Свят. Синодомъ назначена пенсія изъ казны въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ.

6) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ церкви с. Крыгской, Староб. уѣзда, старостою 29 іюля утвержденъ крест. *Іосифъ Планида*.

2) Къ церкви с. Гринцево, Лебединскаго уѣзда, старостою 30 іюля утвержденъ дворянинъ *Сергій Гладковъ*.

3) Къ церкви с. Бурлея, Зміевскаго уѣзда, старостою 4 августа утвержденъ крест. *Павель Шевченко*.

4) Къ церкви с. Дементѣевки, Харьковскаго уѣзда, старостою 2 августа утвержденъ крест. *Теодоръ Ткаченко*.

7) Ванантныя мѣста.

Псаломщицкія:

При Александро-Невской церкви гор. Славянска.

„ Алексіевской ц. с. Курульки, Изюмскаго у.

„ Іоанно-Предтеченской ц. с. Пашково, того-же уѣзда.

„ Василіевской ц. с. Предестнаго, того-же уѣзда.

„ Покровской ц. с. Лашиновки, Староб. у.

„ Кирилло-Меодіевской ц. гор. Харькова.

Вакантныхъ священническихъ и діаконскихъ мѣстъ не имѣется.

Присоединеніе къ православію.

По сообщенію Харьковской Духовной Консисторіи, священниками церкви: Архангело-Михаиловской сл. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, Петромъ Капустянскимъ, Троицкой слоб. Перекопа, Валков. уѣзда, Сергіемъ Сахаровымъ и Николаевской слободы Райгородка, Старобѣльскаго уѣзда, Валеріаномъ Царевскимъ, какъ видно изъ отношенія Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ, присоединены къ православію: первымъ: сектанты Евдокимъ Ивахненко съ женою и 6-ю дѣтьми 7 апрѣля н. года и Косьма Ивахненко съ женою и 6-ю дѣтьми 4 мая н. г., вторымъ—сектанты Гавриилъ Андрейченко съ женою и сыномъ и дѣти кр. Григорія Мопесева Гребенника Иванъ и Дмитрій, кр. Тихонъ Дригъ и кр. Максимъ Бондаренко—въ теченіе марта и апрѣля н. г. и третьимъ, 3 мая, раскольница безпоповскаго толка кр. дѣвица Стефанида Орлова.

Отъ редакціи ж. „Вѣра и Разумъ“.

Редакція ж. «Вѣра и Разумъ» проситъ церковные причты Харьковской епархіи о перемѣнѣ адреса для высылки журнала сообщить редакціи не позже 15-го октября с. г. Всѣ заявленія о перемѣнѣ адреса, которыя поступятъ позже означеннаго времени, не будутъ приняты въ уваженіе. Въ заявленіяхъ о перемѣнѣ адреса долженъ быть обозначенъ № прежняго адреса.

II.

Содержаніе. Молебень въ Зимнемъ дворцѣ о ниспосланіи русскому оружію побѣды.—Вѣщій мигъ. *Протоіерей Г. Восторгова.*—**Епархіальная хроника.**—Народный откликъ на послѣднія событія въ сл. Сватовой Лучкѣ, Харьк. губ.—Паломничество изъ села Карповки, Изюмскаго уѣзда, въ городъ Вѣлгородъ на поклоненіе мощамъ Святителя Іоасафа.—Празднованіе 25-лѣтняго юбилея священника Екатерининской церкви с. Аннино, Лебед. у., о. Алексія Вербицкаго.—**Иноепархіальный отдѣлъ.**—Перевезеніе Почаевской иконы.—Постановленія Полоцкаго епархіальнаго съѣзда.—**Разныя извѣстія и замѣтки.**—Знаменательное событіе.—Русская церковь въ Нью-Йоркѣ.—Воззваніе Скобелевскаго Комитета.—Объявленія.

Молебень въ Зимнемъ дворцѣ о ниспосланіи русскому оружію побѣды.

20 іюля въ Зимнемъ дворцѣ было совершено молебствіе о ниспосланіи русскому оружію побѣды.

Вѣсть о томъ, что 20 іюля въ Петербургъ прибудеть Государь Императоръ по случаю объявленія манифеста о войнѣ съ Германіей, съ необычайной быстротой разнеслась по всей столицѣ.

Къ Невѣ вблизи Николаевскаго моста и на набережной, въ ожиданіи прибытія Государя собрались тысячныя толпы и запрудили всѣ набережныя начиная отъ Порта, до Зимняго дворца. Среди публики находилось много запасныхъ, призванныхъ на военную службу, которыхъ публика встрѣчала восторженнымъ „ура“.

На Императорской пристани къ тремъ часамъ дня собрались высшіе морскіе чины.

Около половины четвертаго со стороны Морского канала показалась Императорская яхта „Александрія“ подъ штандартомъ Его Величества.

Въ этотъ моментъ грянулъ салютъ. Два дредноута „Гангутъ“ и „Севастополь“ салютовали изъ своихъ орудій штандарту Государя Императора.

Плавно разсѣкая воду, яхта „Александрія“ стала медленно подходить къ своей пристани. Государь Императоръ находился на верхнемъ мостикѣ. При проходѣ Государь изволилъ здороваться съ командами яхтъ „Нева“ и „Штандартъ“. Стройно отвѣтили моряки на привѣтствіе своего Государя.

Восторженное „ура“, вырвавшееся изъ десятковъ тысячъ грудой, огласило оба берега Невы.

Когда Императорская яхта опшвартовалась у пристани, Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими Дочерьми и Великая Княгиня Ольга Александровна въ сопровожденіи министра Императорскаго Двора и лицъ Своей Свиты, изволили перейти на Царскій катеръ „Петергофъ“, который, подъ штандартомъ Его Величества, направился къ Зимнему дворцу.

Величественную картину представляли собою въ этотъ моментъ Нева и ея набережныя. На всѣхъ судахъ выстроившіяся команды моряковъ провожали Царскую Семью раскатами несмолкаемаго „ура“. Огромныя массы публики подхватили этотъ восторженный крикъ, и могучее „ура“ понеслось къ Зимнему дворцу.

При приближеніи катера къ пристани у дворца, съ

верковъ Петербургской крѣпости былъ произведенъ Императорскій салютъ въ 31 выстрѣлъ.

На Царской пристани у Зимняго дворца Государь Императоръ, Государыня Императрица и Августѣйшая Семья были встрѣчены морскимъ министромъ ген.-ад. Григоровичъ и высшими морскими чинами.

Восторженное „ура“ потрясло всю набережную, когда Императорская Семья вышла изъ катера на пристань. Народъ стоялъ съ обнаженными головами. Многіе крестились. Крики „ура“ не смолкали, и при восторженныхъ кликахъ Царь и Царица съ Августѣйшими Дочерьми прошли въ Зимній дворецъ.

На Дворцовой площади.

Дворцовая площадь представляетъ исключительную по грандіозности картину.

Сюда въ 12 час. дня со всѣхъ концовъ столицы стекаются толпы народа. Видные общественные дѣятели, представители славянскихъ обществъ Петербурга принимаютъ участіе въ организаціи размѣщенія публики на Дворцовой площади. Полиціи почти не видно, всю же охрану и наблюденіе за порядкомъ стотысячной толпы приняли на себя общественные дѣятели.

Стройными рядами съ набережной, Невскаго, Милліонной, съ пѣніемъ національнаго гимна и „Спаси, Господи, люди Твоя“, несмѣтныя толпы народа идутъ на Дворцовую площадь. Публика располагается за образованной цѣпью добровольной охраны.

Впереди стотысячной толпы стоятъ группы съ національными флагами, плакатами, на которыхъ начертано: „Да здравствуетъ Русскій Царь!“ „Да здравствуетъ русская побѣдоносная армія!“ „Да здравствуетъ русское воинство!“ „Да здравствуетъ Сербія“!... Публика на площади самая разнообразная: рабочіе, ремесленники, купцы, интеллигенты, оставные военные. Множество дамъ и дѣтей. Вблизи лицъ, держащихъ флаги и плакаты, расположились члены Г. Думы и общественные дѣятели.

Въ 3 час. 45 мин. 31 пушечный выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости извѣстилъ населеніе столицы о прибытіи Государя Императора.

Трудно описать, что творилось въ это время. Грохотъ пушечной пальбы сливается съ безконечными возгласами „ура“!

Молебствіе.

Къ четыремъ часамъ пополудни въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца собрались придворныя и городскія дамы. Предсѣдатель и члены Совѣта Министровъ, члены Государственнаго Совѣта, предсѣдатель Государственной Думы, главноуправляющіе, сенаторы, статсъ-секретари, лица Государевой Свиты и Великихъ Князей, чины Высочайшаго Двора, генералы, адмиралы, штабъ-и оберъ-офицеры гвардіи, арміи и флота и высшіе гражданскіе чины.

Незадолго до пріѣзда Ихъ Величествъ, во дворецъ прибыли Особы Императорской фамиліи.

Посрединѣ Николаевскаго зала было устроено мѣсто для богослуженія, къ которому принесли съ подобающими почестями образъ Спаса Нерукотвореннаго изъ часовни Спасителя и Чудотворную икону Казанской Божіей Матери изъ Казанскаго собора.

Здѣсь сгруппировалось придворное духовенство и настоятель Казанскаго собора о. Ф. Орнатскій.

Вблизи аналоя собрались: французскій посолъ г. Палеологъ, англійскій посолъ сэръ Бьюкенэнъ, сербскій посланникъ г. Сполайковичъ, предсѣдатель Совѣта Министровъ ст.-секр. Горемыкинъ, предсѣдатель Гос. Думы Родзянко, члены Гос. Совѣта, министры: военный, ген.-ад. Сухомлиновъ, иностр. дѣлъ Сазоновъ, путей сообщенія Рухловъ, торг. и пром. Тимашевъ, внутр. дѣлъ гофм. Маклаковъ, финансовъ Баркъ, главноуправляющій землеустр. ст.-секр. Кривошеинъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода В. К. Саблеръ, сенаторы: бар. Медемъ, Маркевичъ, Боголюбовъ и другіе.

Въ началѣ пятаго часа пополудня Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Великими Княжнами, Ея Королевское Величество вдовствующая королева Эллиновъ Ольга Константиновна и Особы Императорской фамиліи изволили войти, въ предшествіи двухъ церемоніймейстеровъ—барона Штакельберга и Гирса и чиновъ Высочайшаго Двора, въ Николаевскій залъ. Его Величество былъ въ походномъ снаряженіи л.-гв. Преображенскаго полка и Андреевской лентѣ.

Духовникомъ Ихъ Величествъ мптр. прот. о. Васильевымъ былъ прочитанъ Высочайшій манифестъ.

Затѣмъ придворнымъ духовенствомъ было совершено торжественное молебствіе о дарованіи побѣды надъ врагомъ русскому воинству. При чтеніи положенной молитвы о испосланіи побѣды Всероссійскому Христолюбивому побѣдоносному воинству, Государь Императоръ, Государыня Императрица, Высочайшія Особы и все присутствовавшіе опустились на колѣни. По совершеніи богослуженія, Ихъ Величества и Августѣйшія Особы приложились ко кресту и чудотворнымъ образамъ Спасителя и Казанской Божіей Матери.

Слова Государя Императора.

Затѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было обратиться къ представителямъ арміи и флота со слѣдующими словами:

„Съ спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила наша великая Матушка-Русь извѣстіе объ объявленіи намъ войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей.

И къ вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ Мнѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военного округа, и въ вашемъ лицѣ обращаюсь Я ко всей единокровной, единокровной, крѣпкой, какъ стѣна гранитная, арміи Моей и благословляю ее на трудъ ратный“.

Слова Державнаго Вождя арміи и флота были встрѣчены громовымъ, единокровнымъ, долго несмолкаемымъ „ура“ всѣхъ присутствовавшихъ.

Когда Государю Императору угодно было благословить на великій подвигъ въ лицѣ представителей арміи и флота всю могучую нашу армію и флотъ, присутствовавшіе опустились на колѣни.

При восторженныхъ кликахъ „ура“, Ихъ Величества съ Августѣйшими Дочерьми и Особы Императорской Фамилии прослѣдовали во внутренніе покои дворца.

Затѣмъ Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили выйти на балконъ Зимняго Дворца, гдѣ единодушно были привѣтствуемы собравшимся на площади стотысячнымъ народомъ.

Когда Ихъ Величества вышли на балконъ, весь народъ опустился на колѣни; національные флаги склонились, и пѣніе гимна „Боже, Царя храни“ и громкое „ура“ огласили площадь.

Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили милостиво отвѣчать на привѣтствія народа наклоненіемъ головы.

Послѣ этого Ихъ Величества съ Великими Княжнами прослѣдовали изъ Зимняго Дворца на набережную, а оттуда перешли на Царскій катеръ „Петергофъ“, который, подъ штандартомъ Государя Императора, при громовомъ „ура“ собравшагося народа и Императорскомъ салютѣ съ Петербургской крѣпости, направился къ Царской пристани.

Здѣсь Ихъ Величества съ Августѣйшими Дочерьми, въ сопровожденіи министра Императорскаго Двора и лицъ Свиты, перешли, восторженно привѣтствуемые народомъ, на Императорскую яхту „Александрія“, которая, подъ брейдъ-вымпеломъ Государя Императора, взяла курсъ на Новый Петергофъ.

ВЪЩІЙ МИГЪ ¹⁾.

Въ день памяти Святаго Просвѣтителя Россіи и Равноапостольнаго Князя Владиміра Великаго стало извѣстно въ Москвѣ о томъ, что Австро-Венгрія объявила войну,—разбойничью войну маленькой славянской державѣ—православной Сербіи. Съ этого начала развиваться цѣпь потрясающихъ извѣстій и событій, которыя мы теперь переживаемъ. Помнится, когда въ день, посвященный пмяти Святаго Владиміра,

¹⁾ Слово по случаю объявленія Высочайшаго манифеста о русско-германской войнѣ; сказано въ Большомъ Успенскомъ соборѣ въ Московскомъ Кремлѣ 22 іюля 1914 г.

мы молились, то подъ вліяніемъ полученнаго извѣстія, само собою, естественно возставала предъ нами вся наша тысячелѣтняя исторія, неудержимо поднимались и тѣснились въ душѣ вѣковыя воспоминанія отъ временъ святыхъ Меодія и Кирилла до нашихъ дней, возставали образъ за образомъ изъ минувшей исторіи, возставала во всемъ подавляющемъ величій глубокаго трагизма скорбная мысль объ историческихъ путяхъ нашего славянскаго племени. Теперь все это еще болѣе стало близко нашей душѣ.

Прошло немного дней, свершилось еще немного событій, въ сущности даже одно событіе, хотя и необъятнаго значенія,—Россія приведена въ военное положеніе и получила вызовъ Германіи на войну: и весь русскій народъ вздрогнулъ и оживился, трепетъ новой жизни послѣ тяжелаго ряда лѣтъ унынія и равнодушія вливается теперь въ нашу народную душу. Улицы столицъ и русскихъ городовъ съ утра до глубокой ночи покрыты народомъ, движутся величественно манифестаціи, нѣтъ ни у кого сомнѣнія и недоумѣній. Всѣ знаютъ, что мы стоимъ предъ грозною европейскою войною, всѣ знаютъ, что война эта требуетъ много тяжкихъ жертвъ, всѣ видятъ, что нѣтъ семьи, изъ которой уже не была бы взята живая жертва,—дѣти, братья, близкіе, призванные подъ знамена,—и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ понимаютъ, что отечество въ опасности и что мигъ, который мы переживаемъ, есть въ полномъ смыслѣ „вѣщій мигъ“.

Да, неотразимою силою историческаго міроваго и всеславянскаго призванія нашего, неотразимою и властною силою тяжелой исторической необходимости миролюбивая Россія поставлена теперь предъ лицомъ грозной брани за славянство противъ наглаго натиска германизма. Зрѣтъ столкнове- ніе двухъ міровъ. Европа чрезъ сто лѣтъ послѣ наполеоновскихъ войнъ снова готовится къ измѣненію своей политической карты. То, что годами и десятилѣтіями покрывалось видимостью терпѣнія, все, что казалось по виду благополучнымъ, всѣ отсроченные счета,—все это сразу и вдругъ обострилось и приблизилось къ развязкѣ.

Но если у Европы счета столѣтій, то у насъ и славянства—тысячелѣтній споръ, тысячелѣтняя туча сердечная.

Горятъ наши старыя раны мучительнымъ огнемъ.

Болятъ нестерпимо удары и язвы, нанесенныя славянству и Россіи за тысячу лѣтъ отъ нѣмцевъ.

Вопіютъ къ небу рѣки предательски пролитой нѣмцами славянской крови.

Поднимаются неудержимо въ памяти и сердце вѣковыя, незабываемыя обиды славянству.

Встаютъ грозно всѣ вѣковые счеты.

Вспоминаются предательство, лицемѣріе, презрѣніе нѣмцевъ ко всему русскому и славянскому, ненависть и ко всему православному, которая такъ ярко проявилась въ послѣдній годъ въ Австрійской Галиціи.

Вспоминаются унижительныя поговорки нѣмца о тождествѣ имени славянина и имени раба, о томъ, что „славянскія головы годны только на то, чтобы бить ихъ нѣмецкими дубинками и кулаками“. Все это презрѣніе къ Россіи и славянамъ не воплотилъ ли теперь въ своемъ словѣ вождь Германіи, заявивъ на-дняхъ, что Россія—это инфузорія, низшій типъ животной жизни, малоспособный къ росту. Ей, этой инфузоріи, Вильгельмъ грозитъ въ грубой и неумной злобѣ „заткнуть ротъ и сдѣлать ее нѣмою“, обѣщаетъ Россіи „обрубить руки“.

Да, горять, мучительно горять наши старыя раны!

Святой Меѳодій и теперь еще томится въ тюрьмѣ нѣмецкой! Святой Кириллъ еще въ униженіи и заточеніи! Славянскій языкъ все еще въ презрѣніи и гоненіи. Славянству и донинѣ, считая его инфузоріей, не хотятъ дать мѣсто въ культурной семьѣ человѣчества, несмотря на то, что мы выросли, умножились, дали міру доказательство геніальности нашей расы, пришли къ своему славянскому самосознанію. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ русскій путешественникъ, заслуживающій полного довѣрія, писалъ съ австрійскихъ береговъ Дуная: „Всему есть мѣра на землѣ, есть также мѣра скромности и терпѣнію. Но никакое терпѣніе не выдержитъ, глядя на преслѣдованіе и страданія славянъ австрійскихъ“. И за что же эти страданія и гоненія? Только за то, что они славяне, и еще за то, что существуетъ Россія, отъ которой нѣмцы заставляютъ славянъ отречься не только политически, но и духовно.

Не впервые намъ выступать на защиту славянства. Тутъ не къ мѣсту ссылка на то, какъ неблагодарны были

къ намъ и донинѣ остались болгары, какъ ненадежны сербы и черногорцы и т. д. Пусть бы они были въ тысячу разъ хуже,—и все-таки русскій вопросъ есть вопросъ славянскій, а славянскій вопросъ есть въ сущности вопросъ русскій. Таковъ приговоръ исторіи! Тутъ не къ мѣсту упоминаніе о междоусобной позорной войнѣ славянъ между собою, зрѣлище которой всего годъ назадъ удивило міръ. Пусть въ тысячу разъ будетъ больше этого позора,—и все-таки, и даже тѣмъ болѣе нужно единеніе славянства предъ лицомъ злорадно пожирающаго его германизма. Не надо забывать и того, что въ 1884 г. именно Австрія натравила Сербію на Болгарію, овладѣвъ разумомъ и волею Милана, а въ 1913 г. именно та же Австрія подстрекнула Фердинанда Болгарскаго противъ Сербіи и толкнула его на братоубійственную войну; и теперь же она золотомъ и пными соблазнами желаетъ купить у Черногоріи предательство, а Германія уже купила это предательство у Болгаріи, если, конечно, народно-славянское чувство болгаръ не смететъ предателей...

Пусть не говорятъ намъ и о томъ, что въ минувшія наши войны за славянство, въ отличіе отъ настоящей, мы имѣли дѣло съ угнетателями-мусульманами, съ поработителями-турками, съ ихъ звѣрствами и насиліями, а не съ христіанскимъ народомъ. Опасность отъ германизма для славянства теперь неизмѣримо больше, чѣмъ отъ турокъ, ибо здѣсь она направлена уже на самый духовный обликъ, на самую душу славянства. Мы знаемъ, что гоненіе на древнихъ христіанъ со стороны язычниковъ, кровь мучениковъ, пролившаяся рѣками, только укрѣпили Церковь, а возникшіе послѣ этого періода гоненій ереси и расколы внутри Церкви *раздѣлили* цѣлость христіанскаго міра и ослабляютъ его донинѣ. Такое же духовное раздѣленіе и растлѣніе вводятъ воинствующіе и политиканствующіе германцы и въ жизнь славянства, тогда какъ турецкія звѣрства его только объединяли.

Не впервые намъ выступать въ защиту славянства... Знаемъ, что положеніе наше тяжело. Не варварская Турція теперь предъ нами, а весь германскій міръ, сильный просвѣщеніемъ, сильный злобою, возведенный въ идейную окраску, сильный многочисленностью, давно уже въ тишинѣ вѣрными и систематическими мѣрами подготовившійся къ

европейской войнѣ. Не зажили наши раны, нанесенныя неудачною войною на Дальнемъ Востокѣ. Не залѣчены и внутреннія потрясенія, пережитыя и отчасти переживаемыя нами въ послѣдніе годы.

Но не станемъ унывать! Справедливо говорятъ, что отчаяніе гораздо чаще бываетъ неосновательнымъ и обманчивымъ, чѣмъ надежда. Справедливо говорятъ, что люди тонуть въ водѣ больше отъ страха, чѣмъ отъ неумѣнія плавать. Справедливо говорятъ, что препятствія для этого и существуютъ, чтобы ихъ преодолѣвать. Смѣлымъ Богъ владѣетъ...

Есть и благопріятныя стороны и обстоятельства въ нашемъ положеніи.

Россія теперь не такъ политически одинока, какъ въ минувшія войны за славянство.

Правительство теперь не проявляетъ такого колебанія, медлительности и неувѣренности, какъ это было, напримѣръ, въ 1876—77 гг.

Русско-японская война насъ многому научила, и опытъ ея не пройдетъ мимо; опыты и сербы въ воинскомъ дѣлѣ, между тѣмъ соединенныя арміи Германіи и Австріи уже 50 лѣтъ не знаютъ искусства и опасностей брани. И очень можетъ статья, что врагъ только раскричалъ свою силу, заставилъ искусно повѣрить въ нее, а на дѣлѣ она окажется мнимою.

Но самое главное,—русскіе люди вдругъ забыли всякіе экономическіе и политическіе партійные счеты и объединились сразу, какъ бы по волшебному мановенію: знакъ, что все общество сверху и донизу уразумѣло историческую необходимость и неизбежность грозящей войны, съ покорностью принимаетъ тяжкій, ниспосланный Провидѣніемъ Россіи жребій. Это знакъ и того, что выросло въ насъ славянское самосознаніе, что дѣло, намъ предстоящее, есть дѣло общественное, это не достояніе только науки, не интересъ дипломатовъ, нѣтъ,—это дѣло народное, народное въ полномъ смыслѣ слова. Дошли до глубинъ нашего сознанія вѣщія слова лѣтописца Нестора: „А рускій и словенскій языкъ (народъ)—единъ есть“.

И больше того: здѣсь не только вопросъ цѣлости и чести Россіи,—здѣсь вопросъ народной *совѣсти*: намъ предстоитъ вой-

на идейная, война за православіе, война за угнетенныхъ братьевъ-славянъ, война праведная, война—подвигъ, котораго Богъ сподобилъ Россію. Въ результатъ ея,—одной или даже нѣсколькихъ нашихъ войнъ,—померкнетъ заря на Западѣ, и забрежжитъ наша всеславянская заря на Востокѣ *).

Не войну мы воспѣваемъ этими словами поэта. Знаемъ, что нѣтъ ничего возделѣннѣе и благороднѣе въ порывахъ человѣческаго духа, какъ понести смерть самой войнѣ. Но и то видимъ, что, можетъ-быть, наказанный и обезсиленный германизмъ избавить, наконецъ, Европу отъ того невыносимаго гнета милитаризма, которымъ германизмъ, и онъ одинъ, въ теченіе столькихъ десятилѣтій буквально давитъ всѣ народы міра, постоянно бряцающій оружіемъ и полуобнаженная мечъ...

„Дать жизни миръ и мысли жизнь“,—такая задача грядущей войны способна склонить предъ собою какого угодно миротворца.

„Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполнивъ державный!
О, Русь! Великъ грядущій день.
Вселенскій день и православный!

(Тютчевъ).

*) Вспоминается вѣщее слово поэта:

„Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обповлеченной чистоты
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.
О, Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной
Ступай на Божескій призывъ!
Иди! Тебя зовутъ народы,
И совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни—миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога,
Въ душѣ—любовь, въ десницѣ—громъ,
Грозна, прекрасна, ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ мечомъ“.

Хомяковъ.

Загорается, дастъ Богъ, заря этого дня. Въ сознаниі его величія одни, въ инстинктивномъ предчувствіи этого величія—другіе, но всѣ русскіе люди, Царь и народъ, правительство и общество теперь—одно; всѣ сознаютъ, что переживаемъ мы „вѣщій мигъ“. Нашъ Царь теперь говоритъ намъ въ Своемъ манифестѣ о войнѣ, какъ Православный Славянскій Царь, Преемникъ и Носитель тысячелѣтнихъ древнихъ завѣтовъ, сѣдыхъ преданій и всѣхъ упованій славянства. „Нѣтъ мгновеній“,—говоритъ одинъ русскій писатель (Н. С. Аксаковъ),—„нѣтъ мгновеній возвышеннѣе тѣхъ, когда внезапнымъ подъемомъ всенароднаго духа вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ ней живою движущею силой, и весь народъ послушитъ себя единымъ, цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствѣ живымъ историческимъ организмомъ“. Армія сильна не одною численностью: въ нее будетъ переливаться духъ единенія и воодушевленія, которымъ теперь живетъ русскій народъ,—и будетъ зажигать сердца воиновъ.

Пусть же совершится воля Божія!

Пусть славяне пребудутъ до конца въ надеждѣ на Россію, главу славянства.

И Россія до конца пусть исполнитъ свой долгъ.

Наступилъ великій историческій часъ борьбы двухъ міровъ, славянства и германизма. Старая-престарая славянская пѣсня „О Любушиномъ судѣ“ какъ-бы пророчески звучитъ намъ теперь изъ глубины вѣковъ:

Намъ не хвально у нѣмцевъ искать правды,
У насъ правда—по Закону святу.

И пусть совершится все по этому единому, вѣчному и непреложному закону! Аминь. (М. Ц. В.)

Протоіерей І. Восторговъ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Народный откликъ на послѣднія событія въ сл. Сватовой Лучкѣ, Харьк. губ.

Слобода Сватова-Лучка, помимо своего огромнаго населенія, выдвигающаго на поле брани противъ непріятели соотвѣтствующее

количество защитниковъ родины, еще служить посредствующимъ пунктомъ передвиженія призываемаго войска всего Старобѣльскаго уѣзда. 17 іюля въ Сватовой какъ молнія пронеслась вѣсть—„мобилизація“. Для всѣхъ было ясно, что Россія, всегда покровительствующая славянскимъ народностямъ на Балканахъ, не оставляетъ и теперь безъ помощи и вниманія православную страну—Сербію противъ гнета и насилія коварной имперіи—Австріи. Всюду было слышно: „пойдемъ защищать нашихъ братьевъ“! Но то была мобилизація запасныхъ воинскихъ чиновъ; всѣ думали, что Россія, какъ родственная по духу и религіи къ Сербамъ, готовится предупредить дальнѣйшія непріятныя событія, и войска, созываемыя и провожаемыя нами, были отправляемы для угрозы непріятелю, что Россія всегда готова защитить меньшаго своего брата отъ притязаній алчныхъ сосѣдей. Когда-же потребовано было Высочайшею Властію и ополченіе, тогда уже ясно было для всѣхъ, что Россія выступаетъ какъ дѣйствующая армія противъ неконнаго врага, защищая честь, достоинство и цѣлость своей отчины. И вотъ 22-го іюля въ слободѣ Сватовой-Лучкѣ, по предложенію мѣтнаго священника о. Дмитрія Томашевскаго и по распоряженію мѣтнаго земскаго начальника А. И. Якименко, а также по желанію мѣтныхъ прихожанъ, были устроены проводы всѣмъ призваннымъ на поле брани ратникамъ ополченія. Наканунѣ были отслужены во всѣхъ церквахъ слободы Сватовой-Лучки всенощныя бдѣнія, а 22 іюля—литургіи. Затѣмъ были устроены крестные ходы къ памятнику Гоеударя Императора Александра II-го, куда вынесены были: портретъ Гоеударя Императора Николая Александровича и вѣнки, поднесенные при открытіи памятника; здѣсь соборнѣ былъ отслуженъ молебенъ о здравіи Гоеударя Императора, Гоеударыни Императрицы, тезоименитой Гоеударыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всего Царствующаго Дома, а также и о дарованіи побѣды нашему христіолобивому воинству. Предъ началомъ молебна священникомъ Димитріемъ Томашевскимъ было произнесено напутственное слово уходящимъ на защиту Царя православнаго и дорогой родины воинамъ.

По предложенію о. Д. Томашевскаго и общему желанію многочисленнаго народа, въ сопровожденіи всѣхъ причтовъ слободы Сватовой-Лучки, при колокольномъ звонѣ всѣхъ трехъ церквей, двинулась многотысячная толпа провожать мужей, братьевъ и знакомыхъ на великое дѣло—защиту нашей дорогой родины. Умилительную картину представляло это шествіе; болѣе нежели на версту тянулася линія провожавшихъ. Впереди хоругви и иконы всѣхъ церквей, ду-

ховенство въ полномъ облаченіи, неумолкаемый трезвонъ всѣхъ церквей, пѣніе пѣвчими и народомъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“! и „Боже, Царя храни“!, и среди народа несеніе портрета Государя Императора Николая Александровича,—все это восторгало, умиляло всѣхъ и одушевляло дорогихъ воиновъ, оставляющихъ все для общаго блага, блага своей отчизны. Не видно было на лицахъ не только провожавшихъ, но и отправляющихся на брань, ни унынія, ни печали, а всѣ были въ восторгѣ, всѣ были рады, всѣ были готовы идти противъ врага и доказать, что Россія, какъ одинъ человекъ, чувствуетъ себя сынами своей великой семьи и съ готовностью пойдетъ на смерть за своего отца—Царя Православнаго. Въ концѣ слободы, которая тянется на нѣсколько верстъ, отслуженъ былъ краткій молебенъ и были окроплены святою водою всѣ идущіе на брань. Въ это время мѣстный земскій начальникъ А. И. Якименко обратился къ ратникамъ съ прощальною рѣчью. Съ криками: «Ура»! и пѣніемъ «спаси, Господи»... православные воины пошли исполнять свой долгъ по отношенію къ родицѣ.

Паломничество изъ села Карповки, Изюмскаго уѣзда, въ городъ Бѣлгородъ на поклоненіе мощамъ Святителя Іоасафа.

Съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Ахіепископа Арсенія, съ 23-го по 30 апрѣля с./г. совершено паломничество крестнымъ ходомъ изъ села Карповки, Изюмскаго уѣзда, въ городъ Бѣлгородъ на поклоненіе мощамъ Святителя Іоасафа. Наканунѣ выхода изъ Карповки, 22 апрѣля, паломники изъ селъ: Шадроголовой, Новоселовки, Дружелюбовки и др. собрались въ храмъ села Карповки на всенощное бдѣніе, а 23 апрѣля утромъ совершена литургія. Въ 10 ч. утра по звону всѣ паломники и провожающіе ихъ собрались на церковную площадь и послѣ напутственнаго молебна, совершеннаго священниками Александромъ Мирожинымъ, Іоанномъ Кантемиромъ и Андреемъ Любарскимъ, крестный ходъ изъ храма вышелъ на дорогу по направленію къ слободѣ Радьковскіе Пески, Купянскаго уѣзда. Священникъ Іоаннъ Кантемиръ въ облаченіи пошелъ во главѣ крестнаго хода. Пройдя слободы: Радьковскіе Пески, Боровую, Кругляковку, Сеньково, Новоосиновую, Ново-Александровку, вездѣ торжественно встрѣчаемый и провожаемый и духовенствомъ и мѣстнымъ населеніемъ, паломнический крестный ходъ 25 апр. прибылъ въ г. Купянскъ. Здѣсь для паломниковъ былъ составленъ особый поѣздъ,

въ которомъ они доѣхали до г. Бѣлгорода. Послѣ почлега, 26 апрѣля въ 7 час. утра паломнической крестный ходъ торжественно направился къ Троицкому монастырю. У воротъ монастыря крестный ходъ встрѣтилъ о. намѣстникъ въ облаченіи съ иконой Святителя Іоасафа. Затѣмъ у раки мощей святителя Іоасафа былъ отслуженъ молебенъ. Въ 5 час. дня у раки святителя Іоасафа для паломниковъ прочиталъ акаѳистъ Святителю Преосвященнѣйшій Епископъ Бѣлгородскій Никодимъ. Въ воскресенье 27 апр. послѣ литургии, совершенной Преосвященнѣйшимъ, паломники направились въ Архіерейскіе покои, гдѣ Владыка всѣхъ ихъ благословилъ и роздалъ назидательныя листки. Въ 1 часъ дня изъ Бѣлгородскаго Троицкаго монастыря крестнымъ ходомъ паломники отправились въ с. Кошары, гдѣ совершили поклоненіе явленному чудотвор. кресту, и вечеромъ обратно прибыли въ Бѣлгородъ. 28 апрѣля къ 6 ч. у. паломники въ послѣдній разъ собрались у раки святителя Іоасафа и послѣ молебна, провожаемые братією монастыря, направились въ обратный путь. Въ паломничествѣ участвовало свыше 1000 душъ. Въ теченіе всего времени паломничества священникъ Іоаннъ Кантемиръ шелъ въ облаченіи, пѣлъ хоръ пѣвчихъ изъ любителей кр. села Карповки подъ управленіемъ псал. Дмитрія Зозули. Кромѣ церк. хора въ дорогѣ было организовано три народн. хора. Въ каждомъ селѣ, чрезъ которое проходилъ крестный ходъ, молящихся собиралось весьма много. Наибольшее скопленіе народа было въ сл. Сеньковѣ, до 15000. Произнесено священниками до 30 поученій. Въ проповѣдничествѣ принимали участіе, кромѣ священника І. Кантемира, священники Григорій Поповъ, Іоаннъ Пипенко, Георгій Волобуевъ, Іоаннъ Печасевъ и Евменій Панкратьевъ.

Празднованіе 25 лѣтняго юбилея священника Екатеринбургской церкви с. Аннино, Лебед. у., о. Алексія Вербицкаго.

Въ жизни сельскаго духовенства, такъ богатой всякими невзгодами, особенно радостны бывають событія, въ которыхъ явно сказывается связь прихода со своимъ настоятелемъ и достойная оцѣнка его по виду незамѣтныхъ трудовъ, кои, однако, часто бывають причиною и потери здоровья, и лишенія спокойствія душевнаго.

Къ такимъ событіямъ, по справедливости, можно отнести торжественное празднованіе, съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, 18-го іюня н. г., 25-ти лѣтія служенія въ священномъ санѣ священника Екатеринбургской церкви с. Аннино, Лебединскаго уѣзда, отца Алексія Вербицкаго.

Торжество началось еще накануне, съ 7 час. вечера, всеобщимъ бѣднѣемъ, которое совершало 9 іереевъ во главѣ съ юбиляромъ, при тихомъ и стройномъ пѣніи хора мѣстныхъ пѣвчихъ.

На другой день литургію совершало 10 іереевъ, а на молебенъ прибыло почти все духовенство 3-го Лебединскаго округа. Непосредственно по окончаніи литургіи началось чествованіе юбиляра.

О. Благочинный прочиталъ адресъ отъ духовенства округа такого содержанія: Высокочтимый о. Алексій Николаевичъ! Въ настоящій знаменательный для насъ всѣхъ день мы, Ваши соработники на нивѣ Христовой, приносимъ Вамъ сердечное поздравленіе съ исполненіемъ 25-лѣтія Вашего священнослуженія. Не для прославленія Вашего это мы дѣлаемъ, но наша глубокая вѣра и преданность св. Церкви побуждаютъ насъ къ этому. Мы чествуемъ Васъ, какъ служителя Христова, съ искреннею вѣрою и любовію четверть столѣтія трудящагося во славу Божию, церкви и отечеству на пользу. Мы чествуемъ Васъ, чтобы ободрить не только Ваши силы къ неустанному труду на тернистомъ пути священства, но чтобы и самихъ себя, при сознаніи важности и величія пастырскаго служенія, побудить къ болѣе усердной, усиленной пастырскою дѣятельности.

Всѣмъ намъ вѣдомо, насколько тяжело пастырское служеніе. Мало радостей, а больше скорбей выпадаетъ на долю пастыря! Укоры совѣсти,—ибо кто свободенъ отъ грѣха!—безуспѣшныя заботы о сохраненіи вѣры и благочестія среди пасомыхъ,—ибо гдѣ въ настоящее время не распространяется быстрыми шагами невѣріе и не усиливается порокъ!—все это—о какая тяжкая болѣзнь для пастыря! И Вы, досточтимый нашъ собратъ, подъявъ на свои рамена тяжелый крестъ пастырства, мужественно несете тяготу пастырскаго служенія при твердой вѣрѣ въ Пастыреначальника, Христа Спасителя,—почему «иго Его для Васъ благо и бремя Его легко».

Не мало Вы имѣли заботъ о благолѣпії храма, не разъ обновляли его за время своего служенія,—и Вашъ храмъ радуется посѣщающихъ его.

Благоговѣнное совершеніе Вами церковныхъ службъ, соединенное съ произнесеніемъ глубоко-назидательныхъ поученій, привлекаетъ въ храмъ массу молящихся не только обширнаго Вашего прихода, но и сосѣднихъ, и благотворно вліяетъ на мѣстное населеніе.

Появившаяся было въ Вашемъ приходѣ штунда, въ силу близости г. Сумъ, гдѣ она уже давно свила себѣ гнѣздо, благодаря энергичной Вашей дѣятельности, вначалѣ же была пресѣчена и въ дальнѣйшемъ не имѣла распространенія.

Но не одною проповѣдью слова Божія Вы украшаете свое богослуженіе,—не меньшимъ украшеніемъ его является и пѣніе, которое составляетъ потребность души каждаго, а особенно малоросса, по природѣ чувствительнаго и любящаго пѣніе. И вы всегда имѣли заботу о содержаніи церковно-пѣвческаго хора, поощряя пѣніе чисто церковное, которое только и можетъ передавать высокій смыслъ священныхъ пѣснопѣній и возносить нашъ умъ и сердце къ Богу. Такое пѣніе, дѣйствительно, имѣетъ нравственно-воспитательное значеніе: оно не улаживаетъ только нашъ слухъ, но проникаетъ въ глубь нашего духа и сердца и оставляетъ неизгладимые слѣды.

Въ заботливости о разумно-сознательномъ укрѣпленіи въ прихожанахъ истинъ вѣры и объ искорененіи въ жизни ихъ всякаго рода пороковъ, Вы не мало понесли труда и хлопотъ въ дѣлѣ распространенія среди нихъ грамотности, развивающей умъ и облагораживающей душу человѣка. И Ваши хлопоты увѣчались полнымъ успѣхомъ. Въ приходѣ Вашемъ: одно министерское училище, три начальныхъ земскихъ и два церковно-приходскихъ, для послѣднихъ и зданія построены на испрошенныя Вами средства. И во всѣхъ этихъ школахъ Вы, какъ законоучитель, сѣете въ дѣтскихъ сердцахъ, какъ на дѣвственныхъ нивахъ, добрыя сѣмена. Какое другое доброе дѣло можетъ сравниться съ этимъ! Обучить полезному одно дитя—похвально, а Вами за 25 лѣтъ обучены истинамъ вѣры и правиламъ жизни тысячи!

Исполняя заповѣдь Господню о любви къ ближнимъ, много Вами сдѣлано и для облегченія безотраднаго положенія бѣдныхъ въ приходѣ. Болѣе 10 лѣтъ существуетъ при Вашемъ храмѣ церковно-приходское Попечительство, во главѣ коего стоите Вы, и сколько оно отерло слезъ вдовамъ, сиротамъ и калѣкамъ! Одни Попечительствомъ накормлены, другіе одѣты; одни получили помощь при несчастьи, другіе были обрадованы пособіемъ къ празднику. Являлась-ли необходимость въ средствахъ у приходской церкви, надобились-ли усиленные расходы по церковно-приходской школѣ—Попечительство не отказывало. Счастливы бѣдные прихода, имѣя столь попечительнаго пастыря, заботящагося не только о спасеніи душъ пасомыхъ, но и „о хлѣбѣ насущномъ“ для немощныхъ. Да пребудетъ въ сердцахъ ихъ навсегда памятно имя Ваше!

При оказываемомъ къ Вамъ вниманіи начальства Вы въ теченіе 10 лѣтъ несли почетный, но при этомъ и тяжелый трудъ депутата, а въ настоящее время состоите членомъ Отдѣленія Училищнаго Совѣта и членомъ Благочинническаго Совѣта, принимая живое участіе въ ихъ дѣлахъ.

Памятуя заповѣдь апостольскую, повелѣвающую воздавать всѣмъ должное, «ему-же убо урокъ, урокъ; а ему-же дань, дань; а ему-же страхъ, страхъ; а ему-же честь, честь» (Рим. 13, 7), мы, священнослужители и почитатели Ваши, въ настоящій высокаторжественный для всѣхъ день подносимъ Вамъ, по чувству признательности, на добрую память и молитвенное воспоминаніе образъ соименнаго Вамъ святаго Алексія челоуѣка Божія, при дерзновеніи, что Ваша любовь не посѣтуетъ на насъ за то, что мы коснулись, въ виду своего назиданія, Вашего пастырскаго служенія и этимъ, быть можетъ, причинили скорбь сердцу Вашему, потому что слушать открытыя похвалы не всегда бываетъ пріятно для христіанскаго смиренія, приписывающаго всѣ заслуги не себѣ, а благодати Божіей, и просимъ предъ этимъ образомъ поминать и насъ въ своихъ молитвахъ.

Да хранитъ Васъ Милосердный Господь на многіе и многіе годы!

Послѣ чтенія адреса была поднесена цѣнная икона пр. Алексія, которую юбиляръ принялъ съ благоговѣніемъ. Представитель отъ прихожанъ съ большимъ чувствомъ прочиталъ адресъ отъ прихожанъ и отъ нихъ-же поднесъ драгоценный золотой напереный крестъ.

Въ глубоко прочувствованной рѣчи о. юбиляръ благодарилъ духовенство и прихожанъ. Признавая все то благое и полезное, что имъ сдѣлано за 25 лѣтъ служенія, дѣломъ особой милости Божіей и со смиреніемъ отклоняя отъ себя честь всѣхъ заслугъ своихъ въ приходѣ,—онъ съ глубокимъ чувствомъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ произнесъ поученіе своей паствѣ о доброй христіанской жизни.

По окончаніи церковнаго торжества юбиляръ радушно пригласилъ всѣхъ на хлѣбъ-соль. Здѣсь въ кругу любящей семьи, почетныхъ гостей, собратьевъ и прихожанъ особенно ярко сказалась тарѣдкая обаятельность личности юбиляра, которая снискала ему любовь и простого мужичка и людей высокаго положенія. Пужно удивляться необыкновенной энергіи и силѣ воли, съ одной стороны, и мягкости чувствъ, сердечности—съ другой, какіе совмѣщаются въ богато-одаренной натурѣ юбиляра. Эти качества души его отмѣтили въ глубоко-прочувствованной привѣтственной рѣчи почившій своимъ присутствіемъ торжество статск. совѣтн. С. П. Фоменко.

Во время обѣда отъ находящагося въ приходѣ юбиляра Супруновскаго сахарнаго завода былъ поднесенъ цѣнный подарокъ, а въ рѣчахъ служащихъ завода высказалась любовь и уваженіе, какими пользовался среди нихъ юбиляръ.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Перевезеніе Почаевской иконы.

На самой границѣ Россіи съ Австріей находится Почаевскій монастырь, хранящій великую святыню, чудотворную икону Божіей Матери, именуемую Почаевской. По вѣковому преданію, тотъ народъ, который владѣетъ этой святыней, владѣетъ и веѣмъ Юго-Западнымъ краемъ. Императоръ Николай Павловичъ, принимая во вниманіе пограничное положеніе Почаевскаго монастыря, издалъ указъ, въ силу котораго при замѣщательствахъ на австрійской границѣ чудотворная икона должна быть перевозима въ Житомиръ, а оттуда въ Курскъ на храненіе. Въ виду нынѣшняго политическаго положенія Архієпископъ Вольнскій Евлогій, по сношеніи съ Синодомъ, вывезъ Почаевскую святыню въ Житомиръ.

Постановленія Полоцкаго епархіальнаго съѣзда.

Въ Полоцкой епархіи на епархіальномъ съѣздѣ было постановлено:

«1) Просить епархіальное начальство вмѣнить въ обязанность священникамъ епархіи неупустительно за каждой службой вести церковную проповѣдь, внѣбогослужебныя собесѣдованія и частныя бесѣды съ прихожанами на тему о гнусности хулиганства съ внушеніемъ правильнаго взгляда на вѣру, Церковь, отечество и Государя, б) учрежденіе по приходамъ обществъ трезвости, приходскихъ братствъ и союзовъ благочестивыхъ женщинъ, в) устраивать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ школахъ или частныхъ домахъ религіозно-нравственныя чтенія, иллюстрируемыя туманными картинами, г) литературные вечера съ пѣніемъ религіозныхъ и патріотическихъ пѣсенъ, д) совершать всенощныя бдѣнія и крестные ходы по деревнямъ съ цѣлью укрѣпленія религіозности и отвлеченія народа отъ иррациональнаго разгула, е) распространять въ народъ книжки и брошюры противъ тѣхъ или другихъ пороковъ, ж) вывѣшивать въ церкви листки противъ пьянства и сквернословія. Вмѣнить въ обязанность благочиннымъ строго слѣдить за исполненіемъ настоящаго постановленія въ церквахъ ввѣренныхъ имъ округовъ. 2) Просить школьную инспекцію усилить надзоръ за религіозно-нравственнымъ направленіемъ въ школахъ, обязать какъ учащихся, такъ и учащихя земскихъ и министерскихъ школъ посѣщать богослу-

женія въ мѣстномъ приходскомъ храмѣ и завести чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ сихъ школахъ. б) Назначать съ разборомъ учителей въ земскія или министерскія школы съ устраненіемъ отъ должностей индифферентно относящихся къ религіи. в) Просить объ открытіи профессиональныхъ школъ для народа. 3) Просить подлежащее начальство: а) о воспрещеніи народныхъ гуляній въ тѣ дни, когда совершается народное торжество по поводу чествованія мѣстной святыни, а также и въ дни двенадцатыхъ праздниковъ и наканунѣ сихъ дней, б) о приведеніи въ исполненіе приговоровъ крестьянъ о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ, в) объ уничтоженіи тайной продажи водки и о строгой карѣ за хулиганскіе проступки, г) объ изъятіи дѣлъ о хулиганствѣ изъ волостныхъ судовъ и передачѣ ихъ въ мировыя и земскія учрежденія, д) о производствѣ негласнаго разслѣдованія дѣлъ о хулиганствѣ безъ объявленія имени жалобщиковъ и допрашиваемыхъ свидѣтелей въ виду угрозъ мести со стороны хулигановъ, е) о прекращеніи выселенія въ деревни лицъ, вредныхъ для жизни въ столичныхъ и другихъ городахъ, ж) объ устройствѣ работныхъ домовъ для помѣщенія въ нихъ отбывшихъ наказаніе хулигановъ. 4) Просить начальника губерніи сдѣлать распоряженіе о порученіи полицейскимъ властямъ строго наблюдать за такъ называемыми «вечеринками», на которыхъ происходитъ тайная продажа питей, буйства и даже преступленія. 5) Просить также начальника губерніи о воспрещеніи выставокъ и другихъ подобныхъ народныхъ собраній въ дни кануновъ праздниковъ и въ самые праздники, съ воспрещеніемъ также продавать на сихъ собраніяхъ крѣпкіе напитки, а равно и въ дни храмовыхъ праздниковъ и ярмарокъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Знаменательное событіе.

(30 іюня 1913 г.).

30-го іюня въ прошломъ году Господь явилъ дивное знаменіе праведнаго гнѣва и милости Своей надъ многими людьми, сначала устрасивъ ихъ страхомъ смерти, а потомъ спасши ихъ до единого отъ явной гибели.—Событіе это произошло на разъѣздѣ «Бунчужный», Екатеринбургской жел. дороги, между станціями «Кремьянос» и «Ка-

бань». Въ этотъ день въ сосѣднемъ мнѣ селѣ Краснянкѣ было церковное торжество—освященіе возобновленнаго иконостаса. Окончивъ богослуженіе, всѣ прибывшіе священники, во главѣ съ о. благочиннымъ, получили приглашеніе на трапезу въ домъ радушнаго хозяина. Вотъ въ эти-то минуты, когда мы сидѣли за столомъ и мирно бесѣдовали, за три версты отъ насъ суждено было произойти тому страшному явленію Божію, о которомъ я намѣренъ повѣдать.

Выпивъ чаю, мы вышли на балконъ. Нашимъ глазамъ представилась страшная картина: необыкновенная гроза надвигалась на Краснянку; непрестанный громъ и безпрерывная молнія предвѣщали что-то ужасное; сѣдья тучи неслись съ такой быстротой, что, казалось, будто это клубы дыма отъ быстро мчащагося паровоза, и, гонимыя вѣтровыми волнами, все ниже и ниже спускались къ землѣ. Наконецъ, эти волны, кружась, спустились и на Краснянку. Въ воздухѣ взвилась столбы, а потомъ цѣлое облако пыли и соломы отъ крышъ, заметались на петляхъ ставни, фортки и ворота, заскрипѣли деревья, затрещали заборы, въ воздухѣ начала носиться череница съ крышъ, сразу совершенно стемнѣло, повалились деревья, попадали трубы съ домовъ и, наконецъ, сорвался крестъ съ колокольни. Невольно вспомнилось евангельское: „солнце померче... затмѣса церковная раздрася“... Народъ въ пепугѣ забился въ хаты... Такъ продолжалось недолго, всего нѣсколько минутъ. Скоро буря утихла, солнце прояснилось, и нашимъ глазамъ представилась ужасная картина разрушенія: село голое, крыши всѣ раскрыты, заборы положены, трубы повалены, деревья поломаны или вырваны съ корнемъ, улицы положительно переложены поломанными и сваленными деревьями,—сила стихіи невѣроятная.—Въ эти минуты лошади должны были привезти еще одного священника, изъ слободы Кремяной, моего зятя о. Константина Эвенхова, который ожидался съ поѣзда. Буря прошла, но ожиданію нашему не было конца. Наконецъ, лошади часа черезъ три прибыли, и кучеръ съ блѣднымъ, какъ полотно, лицомъ заявилъ намъ о страшномъ происшествіи: «Тамъ», говорилъ онъ, «страшный судъ: тамъ на разѣздѣ буря перекинула цѣлый поѣздъ. Раненые и умирающіе кричатъ: «дайте намъ батюшку». Услышавъ эти слова, я съ о. Семеномъ Корнильевымъ на этихъ-же лошадяхъ поспѣшили со Св. Дарамъ къ страшному мѣсту крушенія. Я мысленно уже хоронилъ зятя. По пути мы обогнали цѣлыя толпы людей, шедшихъ на разѣздъ. Такъ какъ послѣ катастрофы прошло уже часа три, то за это время распорядительная желѣзнодорожная администрація успѣла за-

наснымъ поѣздомъ отправить раненыхъ въ ближайшій земскій пріемный покой, въ Кремянную.

Господь не пустилъ моего зятя въ дорогу. Простившись съ о. Семеномъ, я поспѣшилъ домой, въ Кремянную. Путь, по которому мнѣ пришлось ѣхать, представлялъ картину страшнаго разрушенія: все измято, исковеркано, сокрушено; телеграфные столбы свалены, проволока порвана.—Сѣвши въ вагонъ, я сталъ разспрашивать кондуктора поѣзда, потерпѣвшаго крушеніе, при какихъ обстоятельствахъ произошло крушеніе. Онъ говоритъ мнѣ: «Поѣздъ этотъ былъ рабочій; съ нимъ ѣхали шахтеры (рудокопы), плотники и каменщики,—народъ грубый, невѣжественный, равнодушный къ религіи. Когда поднялась буря, стало такъ темно, что не видно было ничего въ вагонѣ. Всѣ испугались, начали креститься и громко молиться, призывая на помощь Бога. Одинъ изъ богобоязненныхъ пассажировъ произнесъ: что если, не дай Богъ, буря перекинетъ поѣздъ?!.. Другой, выпившій, возражаетъ ему: какой тамъ Богъ»!.. И только произнесъ эти слова, чувствуемъ, говоритъ онъ, какъ вагонъ поднимается, потомъ сталъ на рельсы,—потомъ опять подняло его на четверть отъ земли и поѣздъ нашъ повалился направо. Страшная была эта минута: плачь, вопль, крикъ о помощи, смятеніе. Застучали сундуки, кирки, топоры, молотки (инструменты рабочихъ). Все это попадало. И все-же, слава и благодареніе Господу Богу, люди были только утрачены, но не наказаны смертью.

Поистинѣ Богъ «не хочетъ смерти грѣшника, но сже обратится и живу быти ему»: поѣздъ остановился и свалился на равнинѣ, а пройди онъ нѣсколько сажений дальше, Господь сказалъ бы о Себѣ жертвами, ибо дальше желѣзнодорожный мостикъ черезъ рѣчку и болото.

Кремянная—дачное мѣсто. Лѣтомъ въ ней бываетъ много дачниковъ. Многіе дачники ѣхали на сосѣднія станціи—Кабанье и Сватову. Когда въ Кремянной стало извѣстно о крушеніи, родственники ихъ пришли въ ужасъ отъ мысли, что ихъ родные погибли. Каково-же было ихъ изумленіе, когда родственники ихъ прибыли цѣлыми и невредимыми. Когда я вышелъ изъ вагона, я былъ свидѣтелемъ неподдающихся описанію трогательныхъ сценъ, когда напр. дѣти, считая отца или мать убитыми, видѣли ихъ здоровыми и благополучными... Слезамъ радости не было конца.

Нельзя-ли просить ж. д. начальство, чтобы оно пристроило къ сѣверной стѣнѣ ¹⁾ разѣзда каплицу, гдѣ поставить къ кіотамъ образъ «Нерукотвореннаго Спаса» и «Покрова Божіей Матери».

¹⁾ На сѣверъ отъ разѣзда произошло крушеніе.

Такъ какъ 30-е іюня день, въ который нѣтъ особаго праздника и крестьяне занимаются своими хозяйственными дѣлами, то нельзя ли установить крестный ходъ изъ Краснянскихъ церквей 29-го іюня послѣ литургіи, каковую службу возможно раньше (часовъ въ 6-ть) и къ этому времени пріѣзжать сюда мѣстному благочинному, священнику слоб. Красной Поповки и второму священнику Троицкой церкви слоб. Кремлянской; наканунѣ 29-го служить здѣсь всенощное бдѣніе; на самомъ мѣстѣ крушенія водрузить крестъ, какъ символъ нашего спасенія.

Таковыя мысли и пожеланія на мѣстѣ лучше меня могли бы обсудить мѣстный благочинный со своимъ помощникомъ, благочиннической совѣтъ и священники указанныхъ мною церквей.

Священникъ Митрофанъ Смирнскій.

Русская церковь въ Нью-Йоркѣ.

Русская церковь въ Нью-Йоркѣ пользуется широкой извѣстностью, благодаря красотѣ оригинальной архитектуры и благодаря личности архіепископа Платона, который извѣстенъ далеко за предѣлами православной паствы.

Въ русской церкви прекрасное пѣніе. Среди любителей въ хорѣ есть американцы. Послушать русскую службу собираются нерѣдко и мѣстные тузы. Кто живаль подолгу за границей, знаетъ, какое большое значеніе на чужбинѣ имѣетъ русская церковь. Сюда идутъ иностранцы знакомиться съ русскимъ пѣніемъ, русской церковностью и службой. Здѣсь собирается русская колонія послѣ службы на чашку чая и обмѣнивается мыслями. Церковь устраиваетъ русскіе концерты, она разноситъ славу русскаго искусства, она служитъ центромъ мѣстной благотворительности. Не только настоятели, но и болѣе скромные члены причта и пѣвчіе, въ Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, Парижѣ, всѣ съ высшимъ образованіемъ и совершеннымъ знаніемъ нѣсколькихъ Европейскихъ языковъ, принятые нерѣдко въ лучшихъ интеллигентныхъ домахъ у иностранцевъ, часто читающіе въ университетѣ лекціи, играютъ роль представителей лучшихъ сторонъ русскаго духа. Имена архіепископа Платона, протоіерея Мальцева, иногда забытыя на родинѣ, иностранцами произносятся съ глубокимъ уваженіемъ.

ВОЗВАНІЕ СКОБЕЛЕСКАГО КОМИТЕТА.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

СКОБЕЛЕВСКІЙ КОМИТЕТЪ,

открывая госпитали—санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины,—призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ глубокой благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, С.-Петербургъ, Пески, Мытнинская ул., 27.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

проф.-прот. Н. СТЕЛЛЕЦКАГО:

„Опытъ нравственнаго православнога Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи“.

Т. I. Ц. 2 р. 80 к. съ перес., съ требованіемъ обращаться: Харьковъ, Царицынская ул. д. № 27.

Свящ. Н. МИХАЙЛОВЪ.

УЧЕБНИКЪ по ЗАКОНУ БОЖІЮ

для церковно-приходскихъ школъ (по программѣ 1911 г.) и другихъ начальныхъ училищъ. Съ 2 картами и мног. рисунк. Въ книгѣ помѣщены конспекты уроковъ въ I отд. и задания для самостоятельныхъ работъ во II и III отдѣл.

Отзывъ журн. „ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ“ (1914 г. № 28): „Книга можетъ быть рекомендована, какъ пособіе при прохожденіи курса З. Б., полезное не только для учащихся, но и для начинающаго законоучителя“.

Цѣна 30 коп., въ перепл. 35 коп.

При требованіи не менѣе 30 экз. за пересылку не платятъ. Заказы адресовать: Выселки, Кубанской обл., свящ. Н. Михайлову.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ иерарховъ, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“, Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“, Проф. В. Падлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“, Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“, Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.— Критическій разборъ Проф. М. Остроумова, — „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“, Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“, Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?— В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“, К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“, Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“, Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“, Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“, Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“, Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“, Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“, К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“, К. Истомина.— „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“, Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“, П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“, Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— Статьи объ антихриствѣ, Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руувъ“, Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“, Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“, Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“, Проф. П. И. Ляницкаго.— „Законъ причинности“, Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“, — Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“, Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“, Н. Н. Страхова.— Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“, Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“, Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи, Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“, Проф. Мечникова, Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фудье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производится по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ **удостоверенія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковѣ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истомина.